ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 3 (845)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

3

выпуск 845

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

3

Issue 845

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Башилова Ю. В.
Языковая репрезентация романтического двоемирия
в романе Людвига Тика 9

Бойкова И. Б.
Немецкие рекламные слоганы в дискурсе новой реальности 17

Вашунина И. В.
Специфика формирования образов сознания в речевой деятельности
на иностранном языке 32

Горожанов А. И.
Особенности употребления модальных глаголов
в романе Ф. Кафки «Замок» 44

Ефимова А. С.
Некоторые особенности функционирования местоимений
в современном разговорном немецком языке 56

Казанцева Ю. М.
Языковые средства компрессии текстовых структур 70

Карпенко Е. И., Тактаева О. А.
Приемы персонификации в ландшафтных описаниях
на немецком языке 82

Ключенович С. С.
Полиномия в немецком законодательном дискурсе 96

Космарская И. В.
Формирование строевых элементов письменной интернет-речи
(на материале смайлика и эмодзи) 110

Кузнецов А. В., Писанова Т. В.
Аллюзия и прецедентные поля в интертекстуальном пространстве
(на материале жанра интервью в испаноязычных СМИ) 122

Кузьмин О. И.
Проблема формирования баз данных (на материале лексики подъязыка
«логистика») 134

Куликова В. А.
Антропонимы домена «музыка» в сравнительных
лингвокогнитивных моделях 146

Кутьева М. В.
Контекстуальная полисемия португальских фразеологизмов, реферирующих к водной фауне 160

Лазарева Т. А.
Семантические процессы в амбивалентной лексике в рамках школы младограмматиков 171

Нефедова Л. А.
О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого языка) 185

Попова М. В.
Особенности идентификации носителями немецкого языка отклонений от произносительной нормы в результате интерференции русского языка 197

Ставицкая Е. А.
Трудности перевода теологических текстов (немецкий и русский языки) 210

Талески А.
Коммуникативное использование указательных жестов разных типов в среде виртуальной реальности 218

Харламова М. В.
Выражение объективности и субъективности в немецких и русских научных статьях: анализ грамматических средств 231

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Велигорский Г. А.
Страна колдовских снегов: формирование образа волшебной России в британской детской литературе («Русские народные сказки» У. Р. Ролстона, «Русские сказки дедушки Петра» А. Рэнсома) 245

Ганин В. Н.
Английский диалог с французской классикой (К. Рейн «1953») 264

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Полетаева М. А.
Политика мультикультурализма в Великобритании в контексте взаимодействия титульной нации и этнических меньшинств 280

Гундрова А. В.
Трансляция культурных ценностей и смыслов в процессе музейной коммуникации 294

CONTENTS

LINGUISTICS

Bashilova Ju. V.
Language Representation of Romantic Duality
in the Novel by Ludwig Tieck 9

Bojkova I. B.
German Advertising Slogans in the Discourse of the New Reality 17

Vashunina I. V.
The Specifics of the Formation of Images of Consciousness
in Speech Activity in a Foreign Language 32

Gorozhanov A. I.
Specific Features of the use of Modal Verbs
in the Novel «The Castle» by F. Kafka 44

Efimova O. S.
Specific Functional Features of Pronouns in Spoken Modern German 56

Kasanzeva Ju. M.
Language Means of Compressing Text Structures 70

Karpenko E. I., Taktaeva O. A.
Types of Personification in Landscape Descriptions in the German Language 82

Klyuchenovich S. S.
Polynomy in German Legislative Discourse 96

Kosmarskaya I. V.
Formation of Elements of the Internet Speech
(on the Example of Smiley and Emoji) 110

Kuznetsov A. V., Pisanova T. V.
Allusion and Precedent Fields as Part of the Intertextual Space
(as Exemplified in Interviews with the Spanish Media) 122

Kuzmin O. I.
The Problem of Databases Creation
(based on the vocabulary of the sublanguage «logistics») 134

Kulikova V. A.
Anthroponyms of the Domain «Music» in Linguocognitive Comparative
Models 146

Kutieva M. V.
Contextual Polysemy of Portuguese Phraseologisms Referring
to Aquatic Fauna 160

Lazareva T. A.
Semantic Processes in Ambivalent Vocabulary within the Framework of the Neogrammarian School 171

Nefedova L. A.
On Discourse Markedness of the Coronavirus Pandemic Vocabulary (in the German Language) 185

Popova M. V.
Specifics of the Identification of Deviation from the Pronunciation Norm as a Result of the Interference of the Russian Language by Native Speakers of the German Language 197

Stavitskaya E. A.
The Problem of Translating Theological Texts (German and Russian) 210

Taleski A.
Communicative use of Various Types of Pointing Gestures in a Virtual Reality Environment 218

Kharlamova M. V.
Expression of Objectivity and Subjectivity in German and Russian Scientific Articles: Analysis of Grammatical Means 231

LITERARY STUDIES

Veligorsky G. A.
The Wonderful Snow-Land: Formation of the Image of Magic Russia in British Children's Literature («Russian Folk-Tales» by W. R. Ralston and «Old Peter's Russian Tales» by A. Ransome) 245

Ganin V. N.
The English Dialogue with French Classical Literature (C. Raine «1953») 264

CULTUROLOGY

Poletaeva M. A.
The Multiculturalism Policy in Great Britain in the Context of the Interaction of the Dominant Ethnic Group and Ethnic Minorities 280

Gundrova A. V.
Transmission of Cultural Values and Meanings in the Process of Museum Communication 294

УДК 821.112.2 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_9

Ю. В. Башилова

аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
j.b-wulf@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ДВОЕМИРИЯ В РОМАНЕ ЛЮДВИГА ТИКА

Романтическое двоемирие отражено в структуре семиосферы романтизма. В художественном тексте связующим звеном между лингвистическим и семиотическим компонентами является бинарная оппозиция. С целью выявления языковых средств репрезентации романтического двоемирия проведен лексико-семантический анализ употребления бинарных оппозиций в романе Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда», в результате которого составлен перечень лексических единиц, обладающих определенной семантикой и объективирующих двоемирие в романе.

Ключевые слова: романтическое двоемирие; бинарная оппозиция; семиотическое пространство; Людвиг Тик.

Ju. V. Bashilova

PhD Student, Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University
j.b-wulf@yandex.ru

LANGUAGE REPRESENTATION OF ROMANTIC DUALITY IN THE NOVEL BY LUDWIG TIECK

The structure of romantic semiosphere is defined by romantic duality. Romantic duality is conveyed in literary texts by the system of binary oppositions. Binary opposition is a connecting link between linguistic and semiotic components of the text. The aim of research is to reveal language means by which romantic duality is implemented in literary text. Semantic analysis carried out on the basis of the novel Franz Sternbald's journey by Ludwig Tieck shows the leading role of lexical units.

Key words: romantic duality; binary opposition; semiotic space; Ludwig Tieck.

Введение

Актуальность данного исследования объясняется возможностью раскрытия языковых механизмов, лежащих в основе репрезентации семиотического кода немецкого романтизма в тексте художественных произведений. Проведение лингвосемиотического исследования на материале художественной литературы представляет интерес в связи с тем, что художественный текст «превращается в фундаментальное понятие современной семиотики» [Жигарева 2009, с. 27]. В многообразие существующих подходов к изучению текста добавляется исследование текста как семиотической системы. Художественное произведение представляет собой «семиотически неоднородный текст», «сложное устройство, хранящее многообразные коды» [Лотман 2002, с. 160].

В рамках исследования мы рассматриваем художественный текст эпохи романтизма, созданный на рубеже XVIII–XIX веков и принадлежащий к жанру романа. Художественный текст обладает структурной и логической завершенностью, художественной целостностью. В нем эксплицируются как индивидуальные авторские, так и общественно значимые идеалы и ценностные ориентации, продиктованные социально-историческим контекстом эпохи.

Двоемирие и бинарные оппозиции

Художественный текст участвует в процессе литературной коммуникации, выступая посредником между автором и читателем. «Необходимой предпосылкой для осуществления коммуникации» является *семиотическое пространство*, в которое «изначально погружены все участники коммуникации» [там же, с. 250]. Семиотическое пространство представляет собой «ментальный конструкт», возникающий как результат интерпретации текстов [Бразговская 2019, с. 157]. Ю. М. Лотман предлагает рассматривать семиотическое пространство как «многослойное пересечение различных текстов… со сложными внутренними соотношениями» [Лотман 2002, с. 30]. Это суждение справедливо в отношении семиотического пространства романтизма, так как его границы значительно превосходят границы отдельного текста.

Семиотическое пространство немецкого литературного романтизма сконструировано в соответствии с принципом двоемирия. А. Г. Коваленко рассматривает двоемирие как «наиболее универсальный

конфликт художественной литературы, концентрирующий в себе все возможные бинарные конфликтные оппозиции…» [Коваленко 2001, с. 141]. Двоемирие представлено не только в литературе романтизма, поэтому в рамках нашего исследования следует сопроводить термин «двоемирие» определением *романтическое*. Е. Г. Милюгина характеризует двоемирие как «универсальное средство познания мира, которое оперирует системой бинарных оппозиций» [Милюгина 1998, с. 25]. В основе последнего определения лежит понимание специфики познавательного процесса, обусловленной особенностями строения мозга, а именно, функциональной асимметрией левого и правого полушарий. Объединяя наиболее существенные характеристики двоемирия, можно сформулировать следующее определение: *романтическое двоемирие* – это конструктивный и эстетический принцип построения семиотического пространства, отражающий особенности познания мира, представляющий собой проекцию романтической картины мира на структуру художественного произведения, его мотивную и хронотопическую организацию.

Для раскрытия механизмов языковой репрезентации романтического двоемирия целесообразно использовать лингвистический аппарат. Концепция романтического двоемирия репрезентируется в художественном тексте в системе бинарных оппозиций (БО). Бинарная оппозиция представляет собой противопоставленные друг другу признаки [Цивьян 1990]. В рамках данного исследования мы выделяем БО *день / ночь*, *утро / вечер*, *свет / тьма*. В название оппозиции выносятся лексемы, отражающие суть данной оппозиции, поэтому мы называем их *титульными членами*. Титульные члены оппозиции соотносятся друг с другом как прямые или контекстные антонимы. Каждая оппозиция состоит из двух частей. В языковом отношении левая и правая части оппозиции представляют собой два семантических поля, каждое из которых включает ряд членов, представленных лексическими единицами различной частеречной принадлежности. Так, бинарная оппозиция *свет / тьма* содержит два семантических поля (СП). В СП «свет» представлены следующие лексемы: *Sonne – солнце*, *Schein – сияние*, *hervorgehen – восходить* (о солнце), *glänzen – сверкать*, *funkeln – блестеть*, *искриться*, *blendend – ослепительно*. Содержание СП «тьма» представлено лексемами: *Finsternis*, *Dunkelheit – тьма*, *мрак*, *Dämmerung – сумерки*, *finster*, *dunkel – темный*. Доминантой

СП является титульный член БО. Например, доминантой СП «свет» является лексема *Licht – свет*, а в СП «тьма» преобладает *Dunkelheit – темнота*.

Бинарные оппозиции в романе Людвига Тика

Если в данном контексте объективируется только одна БО (т. е. происходит изолированная объективация БО), в тексте выявляются члены СП, принадлежащего к левой либо правой части оппозиции. Одной из наиболее частотных БО в тексте романа Л. Тика является *свет / тьма*. Следующий фрагмент иллюстрирует изолированную объективацию данной оппозиции. В приводимом фрагменте представлены лексические единицы, относящиеся к СП «свет». В тексте они выделены светлым курсивом. Таким образом, объективируется левая часть оппозиции.

> Jetzt ging die Sonne in aller Majestät hervor und Sebastian und Franz sahen abwechselnd nach den Türmen von Nürnberg zurück, deren Kuppeln und Fenster blendend *im Schein der Sonne glänzten* (*L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen*).
>
> Теперь уже *солнце* взошло во всем своем великолепии, и Франц с Себастьяном всё оглядывались на башни Нюрнберга, купола и окна которого *ослепительно сверкали на солнце* (*Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда*).

Однако следует отметить, что в художественном тексте бинарные оппозиции редко актуализируются изолированно. Чаще происходит одновременная актуализация членов нескольких БО (по одному члену от каждой). Мы называем это *наложением оппозиций*. В результате возникают *комбинантные оппозиции*. Наложение как процесс взаимодействия БО доказывает наличие связи между оппозициями как элементами структуры семиотического пространства.

В романе «Странствия Франца Штернбальда» представлен процесс наложения исходных оппозиций *день / ночь*, *утро / вечер* и *свет / тьма*, в результате которого образуются комбинантные БО ***день – свет*** и ***утро – ночь***. Для различения исходных и комбинантных БО, возникающих в результате наложения, мы вводим следующие графические обозначения: члены исходных БО разделяем косой чертой (*день / ночь*), члены комбинантных БО – тире (*день – свет*).

Первый случай наложения, рассматриваемый нами, схематически можно отразить следующим образом: ***день – свет*** = (*день*)/*ночь* + (*свет*)/*тьма*, где в круглые скобки заключены члены, объективируемые в тексте. День – значимый элемент романтического хронотопа, так как объединяет в себе художественное время и пространство. Комбинантная БО **день – свет** объективируется при описании пейзажа, ландшафта, служащего фоном для развития сюжета. День предстает как время бодрости, ясности мысли, когда окружающее видится герою в позитивном свете. Светлым курсивом выделены лексемы, являющиеся членами бинарных оппозиций, участвующих в наложении:

> ...ein *schöner heiterer Tag glänzte* über die Dächer, die alten Weiden standen ruhig am kleinen See, denn kein Wind rührte sich. Franz ging auf die Wiese… auf und ab, er zog die ruhige heitere Luft in sich, und stillentzückende Gedanken regierten seinen Geist (*L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen*).
>
> ...*прекрасный день радовал* своим теплом и *светом*, недвижны были старые ивы у озерца, не колеблемые и малейшим дуновением ветерка… Франц прогуливался… и душа его полнилась тихим восторгом (*Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда*).

Лексема *Tag – день* является титульным членом БО *день/ночь*. В приводимом фрагменте данная лексическая единица сопровождается прилагательным *heiter – ясный*, *безоблачный* и глаголом *glänzen – сиять*, *сверкать*, входящими в семантическое поле «свет», относящееся к БО ***свет/тьма***. Наложение БО дополняется описанием природы и душевного состояния героя. Повтор прилагательного *ruhig – спокойный* поддерживает атмосферу гармонии. Ментальная сфера воплощена в существительных *Geist – дух* и *Gedanken – мысли*.

Светлому и теплому дню романтики традиционно противопоставляют холодную мрачную ночь. Мотив ночи занимает важное место в эстетике романтизма. В связи с этим в романтизме сложилась метафора «ночного сознания», обозначающая пограничное и неустойчивое состояние культуры на рубеже XVIII–XIX веков [Левочский 2019]. Переходными состояниями между ночью и днем являются утро и вечер. БО ***утро/вечер*** вступает в комбинации с БО ***день/ночь*** при наложении, что позволяет подчеркнуть контраст между днем и ночью. В следующем фрагменте представлена комбинация ***утро/ночь***, полученная при наложении БО ***день***/(***ночь***) и (***утро***)/***вечер***. Смысловая

доминанта заключается в том, что ночь несет смутные ощущения, которые исчезают с приходом утра:

> Wenn er nach dem Walde sah, empfand er eine seltsame Beklemmung; in manchen Augenblicken glaubte er, dass dieser Tag für ihn sehr merkwürdig sein würde; dann verflog es wie eine ungewisse Ahndung aus seiner Seele, die zuweilen *nächtlich* um den Menschen wandelt, und beim Schein des Morgens schnell entflieht (*L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen*).
>
> Когда взглядывал он в сторону леса, сердце его странным образом стеснялось: вдруг начинало ему представляться, что нынешний день станет чрезвычайно достопримечателен для него, потом мысль эта улетучивалась, подобно смутному предчувствию, что порой посещает нас *ночью* и рассеивается с наступлением *утра* (*Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда*).

Бинарная оппозиция ***день/ночь*** представлена прилагательным *nächtlich – ночной*. Существительное *Morgen – утро* – титульный член БО ***утро/вечер***. Спутанность чувств, составляющая содержание метафоры ночного сознания, вербализуется прилагательными *seltsam – странный* и *ungewiss – неопределенный*, *сомнительный*. Субъективность восприятия подчеркивают глаголы *empfinden – ощущать*, *glauben – полагать*. Неуловимость ощущений передают глаголы *verfliegen – улетучиться* и *entfliehen – сбежать*. В этом отражается тенденция использовать метафору «ночного сознания», описывая сознание героя, его ментальное состояние. Данная тенденция зарождается в раннем романтизме, что проявляется в произведениях Людвига Тика, представителя йенской романтической школы.

Заключение

Художественный текст, представляющий собой сложную семиотическую систему, выполняет роль посредника в литературной коммуникации между автором и читателем. Литературная коммуникация протекает в семиотическом пространстве, структура которого организована по принципу двоемирия и включает систему бинарных оппозиций. Таким образом, устанавливается связь между ментальной составляющей романтического двоемирия и его лингвистической (лексико-семантической) репрезентацией.

В тексте члены БО вступают во взаимодействие, что подтверждает, во-первых, высокую семиотическую плотность текста, во-вторых,

наличие логической связи между БО. Экспликация и последующий анализ бинарных оппозиций, объективируемых в тексте романа Людвига Тика, показывает, что ключевая роль в репрезентации семантики романтического двоемирия в художественном тексте принадлежит лексическим средствам, среди которых представлены различные части речи: существительные *Morgen*, *Tag*, *Sonne*, *Schein*; глагол *glänzen*, наречия *blendend*, *nächtlich*. Все это – лексемы, относящиеся к одному из СП: «свет», «утро», «день», «ночь».

Наличие в тексте лексических единиц, являющихся членами той или иной бинарной оппозиции, недостаточно для раскрытия семантики двоемирия. Необходимо также учитывать окружение (дистрибуцию) языковой единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте.

В рассмотренных контекстах существенными являются лексемы, семантика которых позволяет причислить их к одной из следующих групп:

а) настроение: *heiter – радостный*, *ruhig – спокойный*;

б) дух, душа, настрой: *Geist – дух*, *Gedanken – мысли*, *Seele – душа*; *empfinden – ощущать*;

в) неопределенность: *seltsam – странный*, *merkwürdig – достопримечательный*, *необычайный*, *ungewiss – смутный*.

Важнейшим фактором корректной интерпретации БО в художественном тексте является понимание того, что дуальность (двойственность) романтического мировоззрения, присутствие оппозиционного начала становятся более явными при сопоставлении фрагментов, выделенных во всем объеме литературного произведения методом сплошной выборки. Семантический анализ необходим, но недостаточен для полного понимания роли и места той или иной БО в семиотическом пространстве произведения. В связи с этим представляется перспективным построение системы бинарных оппозиций на материале корпуса литературных произведений немецкого романтизма, а также дальнейшее исследование лингвистической репрезентации выделенных БО в текстах этих произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. [Brazgovskaya, E. E. (2019). Semiotika. Yazyki i kody kul’tury: uchebnik i praktikum dlya

akademicheskogo bakalavriata (Semiotics. Languages and codes of culture: a textbook and a practical course for academic BA). Moscow: Yurait. (In Russ.)].

Жигарева Е. А. Текст как семиотическая категория // Вестник Актюбинского университета им. С. Баишева. 2009. №3 (25). С. 27–41. [Zhigareva, E. A. (2009). Tekst kak semioticheskaya kategoriya (Text as a semiotic category). Vestnik Aktyubinskogo universiteta im. S. Baisheva, 3(25), 27–41. (In Russ.)].

Коваленко А. Г. Принцип двоемирия в русской литературе XX в. Дергачевские чтения – 2000 // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. С. 141–146. [Kovalenko, A. G. (2001). Printsip dvoemiriya v russkoi literature XX v. (The two-world principle in the Russian literature of the 20th century). Dergachevskie chteniya – 2000. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti (pp. 141–146). Ekaterinburg: Isdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russ.)].

Левочский С. С. Концептуализация символа ночи в философской культуре немецкого романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Levochskii, S. S. (2019). Kontseptualizatsiya simvola nochi v filosofskoi kul'ture nemetskogo romantizma (Conceptualization of the symbol of the night in the philosophical culture of German Romanticism): abstract of PhD in Philology). Moscow. (In Russ.)].

Лотман М. Ю. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство СПБ, 2002. [Lotman, M. Yu. (2002). Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury (History and typology of Russian culture). St. Petersburg: Iskusstvo SPB. (In Russ.)].

Милюгина Е. Г. Своеобразие романтического дуализма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. [Milyugina, E. G. (1998). Svoeobrazie romanticheskogo dualizma (The peculiarity of romantic dualism): abstract of PhD in Philology. Tver'. (In Russ.)].

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. [Tsiv'yan, T. V. (1990). Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira (Linguistic foundations of the Balcan model of the world). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

УДК 81-25, 811.112.2 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_17

И. Б. Бойкова

кандидат филологических наук, доцент
профессор кафедры немецкого языка
Московского педагогического государственного университета
irbbo@mail.ru

НЕМЕЦКИЕ РЕКЛАМНЫЕ СЛОГАНЫ В ДИСКУРСЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается процесс перехода немецких рекламных слоганов во фразеологические единицы. Учитывается связь этого процесса с изменениями в общественной жизни Германии. Анализируются семантические изменения, происходящие на отдельных этапах перехода. Выявлено два пути перерождения слоганов. Автор приходит к выводу, что превращение немецких рекламных слоганов во фразеологизмы сопровождается проникновением рекламы в систему языка.

Ключевые слова: рекламный слоган; прецедентный текст; фразеологические единицы; дискурс; перерождение

I. B. Bojkova

PhD (Philology), Associate Professor
Professor at the Department of German
Moscow Pedagogical State University
irbbo@mail.ru

GERMAN ADVERTISING SLOGANS IN THE DISCOURSE OF THE NEW REALITY

The article is devoted to the transition of advertising slogans in phraseological units. The connection of this process with the changes in public life of Germany is considered. Semantic changes are also analyzed. Two ways of the conversion of slogans to phraseological units have been identified. The author comes to the conclusion that the conversion of slogans to phraseological units is accompanied by the penetration of advertising in the language system.

Key words: advertising slogan; precedential text; phraseological units; discourse; conversion.

Введение

С конца XX века немецкие рекламные слоганы проявляют тенденцию к выходу за пределы рекламного дискурса и приобретают черты фразеологизмов, превращаясь таким образом в языковые единицы.

CC BY

Этот процесс и его этапы отражены в исследованиях, посвященных языку рекламы. В 2003 году сотрудниками предприятия «Satelliten Media Design» создан сайт слоганов, актуальных для различных компаний в различные периоды, существует энциклопедия слоганов, изменивших свой статус, с 2008 года словарь «Zitate und Aussprüche» серии «Duden» приводит примеры обращения к слоганам в публицистических текстах [Slogans.de URL; Hars 2002; Duden … 2008].

Изменения, происходящие в рекламных слоганах, наиболее полно систематизированы сотрудниками Института немецкого языка им. Лейбница на портале OWID, где в словарь пословиц включен раздел, посвященный слоганам [Sloganliste URL]. Материалы портала OWID активно используются лингвистами, изучающими процесс перерождения слоганов. Этапы этого процесса были обозначены в исследованиях Х. М. Шмидта, Х. Люгера, Я. Полайнар и ряда других авторов [Schmidt 2003; Lüger 1999; Polajnar 2019]. В обобщенном виде данные этапы могут быть представлены следующим образом:

1) слоган в рекламе одного товара (одной услуги);
2) слоган в рекламе нескольких товаров (нескольких услуг);
3) слоган как цитата в СМИ;
4) намек на слоган в СМИ;
5) слоган превращается в языковую единицу:
   – фразеологизм, в котором предполагается различная лексическая наполняемость одного или нескольких компонентов при сохранении общего значения;
   – фразеологизм, в котором такое варьирование компонентов не предполагается.

Слоган, превратившийся во фразеологизм с вариативной лексической наполняемостью, обозначают термином «Slogan-Muster» («слоган-образец»). Фразеологизм такого типа – вне связи со слоганом – имеет русскоязычное обозначение «фразеологизм-конструкция» [Баранов, Добровольский 2016, с. 69], а в терминологии И. И. Чернышевой он определяется как «моделированное образование» («modellierte Bildung»), находящееся, правда, согласно классификации автора, за пределами фразеологического фонда [Чернышева1970, с. 64]. Далее для обозначения фразеологизмов с вариативными компонентами будет использоваться термин «моделированное образование» как наиболее прозрачный.

Таким образом, немецкие исследователи рассматривают перерождение слоганов в функциональном, дискурсивном и структурном аспектах. Изменение содержания при этом также отмечается, но подробно не анализируется.

В статье поставлены две цели: 1) установить наличие связи между переходом слоганов в статус языковых единиц и изменениями в общественной и экономической жизни Германии, происходившими примерно в то же время; 2) охарактеризовать данный переход с учетом семантических изменений в исходной фразе. Анализируются слоганы, представленные на портале OWID [Sloganliste URL].

Новая реальность и новый статус рекламных слоганов

Переход ряда слоганов в статус языковых единиц связан с изменениями действительности. Изучение примеров этого типа позволяет говорить о сходстве между названными выше этапами превращения слоганов в языковые единицы и способами существования прецедентных текстов, выделенными Ю. Н. Карауловым. Будучи емкими, запоминающимися, часто повторяемыми фразами, имеющими не только образно-логическое, но и эмоциональное содержание, рекламные слоганы укладываются в понятие «прецедентный текст», предложенное Ю. Н. Карауловым: «Назовем прецедентными – тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010, с. 216]. Ю. Н. Караулов выделил три способа существования и обращения прецедентных текстов. Если учитывать только вербальный способ коммуникации, то вкратце это: 1) простое цитирование; 2) вторичные размышления по поводу исходного текста; 3) полное или частичное воспроизведение текста в виде намека на предмет обсуждения [там же, с. 217]. Последний способ проиллюстрирован примером трансформированной цитаты, в которой имя *Пушкин* заменено на *Иванцов*: «Ай да Иванцов! Ай да сукин сын!». Автор видит в данном случае аналогию «с пословично-поговорочными выражениями, обладающими одновременно и генерализующими и ситуативно-оценочным возможностями» [там же, с. 231].

Функционируя в дискусе меняющейся реальности, немецкие рекламные слоганы в различной степени реализуют названные три способа обращения, при этом третий способ служит базой для превращения исходных текстов в единицы языка.

Опуская случаи прямого цитирования, приведем примеры вторичных критических размышлений по поводу исходного смысла слогана, обусловленные изменившимися условиями жизни. Так, созданный в 2002 году лозунг сети магазинов электроники «Сатурн» – *Geiz ist geil* (*Экономия – это круто*)[1] уже в 2005 году стал предметом критики. До этого слоган успел расширить сферу применения и поддерживал погоню за дешевизной на рынке товаров в целом. Агрессивная формулировка слогана соответствовала агрессивной рыночной политике периода финансового кризиса. Со временем покупательная способность населения выросла и приоритет качества перед ценой вновь стал очевиден для потребителей. Критические высказывания относительно содержания данного слогана могли включать сам слоган либо в исходной, либо в модифицированной форме:

> Als Freiberufler… dürfen wir uns nicht dem Wettbewerb ‘Geiz ist geil’ unterwerfen (*Rhein-Zeitung. 19.02.2005*).
>
> – Как частные предприниматели мы не можем включиться в гонку под девизом «Geiz ist geil».

> Ist Geiz noch geil?
>
> – Экономия – это ещё круто? (*https://www.ihk-nuernberg.de/de/IHK-Magazin-WiM/WiM-Archiv/WIM-Daten/2005-05/Berichte-und-Analysen/Ist-Geiz-noch-geil-.jsp*).

Параллельно, как косвенное проявление неприятия содержания, развиваются модификации слогана с заменой *Geiz* на другие лексемы. Электронный словарь «Sloganliste» приводит варианты *Geist / Gewalt / asozial* (*дух / сила / асоциальность*) *ist geil* [Sloganliste URL]. Формируется моделированное образование «X ist geil». Исходный смысл «это круто» сохраняется, но непосредственная связь с рекламой дешевизны теряется, отходя в область ассоциаций. Фактически это третий способ существования прецедентного текста, который Ю. Н. Караулов проиллюстрировал примером «Ай да Иванцов!

[1] Зд. и далее перевод наш. – *И. Б.*

Ай да сукин сын!» [Караулов 2010, с. 231]. Различие состоит лишь в том, что пример Ю. Н. Караулова – это пример идиолекта конкретной языковой личности, а реализации модели «X ist geil» осуществляются на коллективном уровне, варианты реализации этой модели известны носителям немецкого языка.

В еще более резкой форме призыв к приобретению дешевой электротехники выражал слоган сети магазинов «Медиа Маркт» – *Ich bin doch nicht blöd*. Фразу *Ведь я не дурак* следовало домыслить: *…чтобы покупать товары по более высоким ценам*. Данный слоган стал предметом критики в то же время, что и *Geiz ist geil*. Часто оба слогана упоминались рядом:

> Auf ihrem Einkaufsweg geleitet von den Slogans ‘Ich bin doch nicht blöd’ und ‘Geiz ist geil’, wollen sie die Schnäppchen zu Dauertiefstpreisen angeln, wobei sie nicht merken, dass sie sich ihre eigenen Arbeitsplätze kaputtmachen (*Nürnberger Nachrichten, 29.01.2005*).
>
> – Руководствуясь лозунгами «Ведь я не дурак» и «Экономия – это круто», они выискивают товары по самым низким ценам, не замечая, что тем самым они ликвидируют свои рабочие места.

В отличие от *Geiz ist geil*, фраза *Ich bin doch nicht blöd* не превратилась в единицу языка, а скорее осталась ею: употреблявшаяся в речи до того, как стать слоганом, она вернула себе изначальный смысл «я не так глуп, чтобы действовать себе во вред». Очевидно, выражение этого смысла теперь сопровождается мыслью о сети магазинов «Медиа Маркт».

Слоган *Wer wird denn gleich in die Luft gehen?* (*Это кто сейчас выйдет из себя? – букв.* ‘Это кто сейчас поднимется в воздух’?) с середины XX века использовался для рекламы сигарет марки «HB». В контексте рекламы эта фраза была обращена к известному в Германии персонажу по имени Бруно, который постоянно терял самообладание по пустякам. Выкурив сигарету, он успокаивался. В связи с запретом на рекламу сигарет в странах Евросоюза эта фраза используется теперь только как призыв к спокойствию, а воспоминание о сигаретах «HB» и Бруно является ассоциативным фоном. Кроме того, языковое сообщество нашло возможность переосмыслить данную фразу, дав «обратный ход» идиоматике сочетания *in die Luft gehen*: сочетание понимается *букв*. ‘подниматься в воздух’.

Wer wird denn gleich in die Luft gehen? Die Franken! Kaum sind die Schulhaustüren ins Schloss gekracht, heben sie ab. Und damit geht es seit gestern mächtig rund am Nürnberger Flughafen (*Nürnberger Zeitung, 30.07.2005*).

– Кто сейчас поднимется в воздух? Франконцы! Едва захлопнулись школьные двери, а они уже в полете. Вот почему со вчерашнего дня в аэропорту Нюрнберга такое оживление.

Лозунг немецкой железнодорожной компании «Deutsche Bahn» *Alle reden vom Wetter. Wir nicht* (*Все говорят о погоде. Мы – нет*) прошел более сложный путь от слогана до языковой единицы. Лозунг был выдвинут в 1966 году и призывал пользоваться железнодорожным транспортом как самым надежным, не зависящим о погоды; на плакате был изображен локомотив, идущий сквозь пургу. Почти сразу члены Социалистического союза немецких студентов перенесли слоган в сферу политики, устранив из него идею надежности. Плакат студентовсоциалистов содержал тот же текст, что и плакат компании «Deutsche Bahn», но вместо локомотива на нем были изображены Маркс, Энгельс и Ленин. Первая фраза слогана *Alle reden vom Wetter* относилась уже не к обсуждению погодных препятствий, ограничивающих транспортное сообщение, а к пустым разговорам о несущественном, в то время как страна и общество должны решать более важные вопросы, над которыми уже задумывались теоретики социализма. Такой способ переосмысления первой части слогана был объективно ожидаем, так как коллокация *vom Wetter reden* (*говорить о погоде*) в бытовом дискурсе относится к светскому разговору на общие темы. Этот очевидный способ переосмысления фразы не стал всеобщим достоянием, он отражал лишь позицию Социалистического союза немецких студентов.

Второй вариант перерождения исходного смысла слогана имеет прямое отношение к проблеме изменения климата на Земле и роли человека в этом изменении. Первая часть слогана *Alle reden vom Wetter* понимается как всеобщее обсуждение глобальных климатических аномалий, при этом значение слова *Wetter* трактуется расширенно: не как «состояние атмосферы в регионе», а как «климат на планете», поэтому *Wetter* может заменяться на *Klima* (*климат*) или *Klimaschutz* (*защита климата*): *Alle reden vom Wetter / Klima / Klimaschutz*. Продолжение варьируется, в зависимости от того, выражают ли говорящие

свою озабоченность проблемами климата или сообщают о том, что вносят свой вклад в борьбу за его улучшение, например: *Und wer tut was?* (*А кто-нибудь что-нибудь делает?*); *Wir auch* (*Мы тоже говорим*), *Warum wir nicht auch?* (*А почему мы не говорим?*), *Wir handeln* (*Мы действуем*) и др.

В рамках данного переосмысления возможна также перестановка *alle* (*все*) и *wir* (*мы*): *Alle reden von Deutschland. Wir reden vom Wetter* (*Все говорят о Германии. Мы говорим о погоде*). Этот лозунг западногерманской партии зеленых, выдвинутый накануне выборов в Бундестаг сразу после объединения Германии в 1990 году, утверждал приоритет климатических проблем над государственными.

Третья возможность изменения исходного смысла обусловлена заменой *Wetter* на другие существительные. Таким образом, круг обсуждаемых в обществе проблем расширяется, теряет четкость, а стабильность содержания первой части бывшего слогана обеспечивается только стабильностью сочетания *Alle reden von*… При этом вторая часть может быть представлена многими лексическими и синтаксическими вариантами, но неизменно начинается с *Wir*. Устойчивые части обеих фраз составляют основу моделированного образования «Alle reden von X. Wir Y», а само образование – способом сопоставления *alle* и *wir*. В зависимости от наполнения переменных X и Y, результатом сопоставления является непохожесть X и Y (очевидно, чаще) или похожесть (очевидно, реже).

Рассмотренные слоганы больше не используются по прямому назначению, так как выраженные в них призывы потеряли актуальность в силу изменения экономических, общественных и погодных условий, в частности участившиеся погодные аномалии одержали верх над возможностями железной дороги.

Другие рекламные слоганы, развившие признаки языковых единиц, не обнаруживают прямой связи с изменениями в жизни Германии. Их содержание не подвергается критике, и они могут сосуществовать со своими новыми воплощениями, если продолжают использоваться производителем.

Большинство рассмотренных слоганов имеют исходную форму, соответствующую фразам бытового дискурса. Тем самым они сокращают дистанцию между производителем и потенциальным потребителем товаров и услуг. Потребители, будучи носителями немецкого языка, реагируют на отсутствие дистанции между собой и предложенной

языковой формой и обращаются со слоганами как с фразами обыденного языка. Активность говорящих по отношению к слоганам проявляется двояко: во-первых, в слоганах появляются переменные компоненты, что превращает их в моделированные образования; во-вторых, варьируются лексические значения постоянных компонентов.

Переход рекламных слоганов в статус языковых единиц

Немецкие слоганы независимо от критики переходят в статус языковых единиц двумя путями.

Первый путь. Слоган, созданный для рекламы товара, становится крылатой фразой, которая приобретает признаки моделированного образования. Возможности моделирования ограничены структурой фразы, поэтому в разных случаях они развиты в различной степени:

Wohnst du noch oder lebst du schon? (*букв*. ‘Ты еще «проживаешь» или уже живешь’?). Этот рекламный лозунг, созданный для фирмы IKEA в 2002 году, породил модель «X du noch oder Y du schon?» и в настоящее время трансформируется в *Telefonierst du noch oder chattest du schon?* (*Ты всё еще общаешься по телефону или уже в чате?*), *Denkst du noch oder studierst du schon?* (*Ты еще раздумываешь или уже учишься?*) и др., сохраняя идею улучшения качества жизни, повышения социального статуса и вызывая ассоциацию с исходным вариантом. Данная модель допускает не только лексическое, но и формальное варьирование, при котором первая и вторая части фразы меняются местами: «X du schon oder Y du noch?»

Nie war er so wertvoll wie heute (*Никогда он не был так ценен как сегодня*). Этот слоган С 1925 по 1985 год дважды использовался фармацевтическим предприятием «Klosterfrau». С его помощью предприятие рекламировало настой мелиссы, предлагая приобретать его именно сегодня, так как сегодня качество настоя еще лучше, чем вчера. Крылатая фраза, в которую превратился слоган, служит выражением похвалы и допускает ироничное употребление. Фраза приобрела также черты моделированного образования. OWID приводит следующие варианты [Sloganliste URL]:

– X war er so wertvoll wie heute.
– Nie war er so wertvoll wie X.
– Nie war X so wertvoll wie heute.
– Nie war X so Y wie heute.

Man gönnt sich ja sonst nichts (*Только это и могу себе позволить*). Эту фразу в восьмидесятых произносил с телеэкрана импозантный немецкий актер Гюнтер Штрак, рекламируя марку аквавита с бокалом в руке на фоне барной стойки. С одной стороны, слоган предлагал людям с высокими доходами алкоголь высокого качества, с другой – содержал явную иронию. Вне рекламного дискурса слоган стал крылатой фразой, выражающей иронию по отношению к потребностям обеспеченных людей в целом. Возможности моделирования, показанные в OWID, ограничены [Sloganliste URL]:

– Man(n) gönnt sich ja sonst nichts.
– X (мн. ч.) gönnen sich ja sonst nichts.

Da weiß man, was man hat (*букв*. ‘Тут знаешь, что имеешь’). Смысл данной фразы может быть истолкован как «Это вам не кот в мешке». В качестве слогана она в последней четверти двадцатого века несколько раз служила рекламой стирального порошка «Персил», теперь используется как характеристика надежности сельскохозяйственной продукции. Неопределенно-личное местоимение *man* может быть заменено на личные местоимения.

В приведенных выше примерах крылатая фраза выражает один и тот же смысл при любых допустимых лексических заменах. В более сложных случаях может развиться несколько трактовок. Таков слоган *Quadratisch. Praktisch. Gut* (*Квадратный. Практичный. Хороший*), созданный для рекламы шоколада «Ritter Sport» в 1970 году. Можно сформулировать три трактовки, которые всё дальше отходят от изначальной: «просто и качественно», «хорошо, но чего-то не хватает», «прагматичный». Первая трактовка является расширенным толкованием исходного текста, который теперь относится к разным товарам высокого качества. В примерах, представленных на портале OWID, таким товаром являются марки машин [Sloganliste URL]:

> Sie nannten ihn Bulli. Der Kosename galt einem Kasten auf vier Rädern, der an Schlichtheit kaum zu überbieten war … Quadratisch, praktisch, gut – und sparsam im Benzinverbrauch (*Die Zeit. 09.03.2006*).
>
> – Они назвали его ласковым именем Bulli, этот ящик на четырех колесах, проще которого ничего и быть не может … Квадратный, практичный, хороший – к тому же с малым расходом бензина.

Возможно использование той же языковой формы для характеристики детских книжек в твердом переплете:

Quadratisch, praktisch, gut – das sind die kleinen Pixi-Bücher, die Generationen von Kindern entzückt haben… (*Berliner Zeitung. 28.04.2004*).

– Квадратные, практичные, хорошие – это они, книжки «pixi», которые приводили в восторг несколько поколений детей…

В рамках данной трактовки развились три моделированных образования:

– Quadratisch, praktisch, X.
– X, quadratisch, praktisch.
– Quadratisch, X, praktisch.

По данным Я. Полайнар, место X занимает прилагательное, обозначающее в первых двух моделях форму или цвет, а в третьей – положительное качество; возможен также иной характер семантики прилагательных [Polajnar 2019]. Содержание трех моделей сводится к трактовке «просто и качественно», но высказывания относятся не к маркам машин или детским книжкам, а к другим товарам.

Вторая трактовка, «хорошо, но чего-то не хватает», реализуется в высказываниях о зданиях и помещениях:

Die Halle ist quadratisch, praktisch, gut – aber verfügt von sich aus über keinerlei Ambiente (*Rhein-Zeitung. 05.01.2007*).

– Зал – квадратный, практичный, хороший, но лишен какой бы то ни было атмосферы.

Третья трактовка, «прагматичный», распространяется не на материальные объекты, а на поведение и образ мыслей отдельного человека или группы людей:

Die Jugend von heute – quadratisch, praktisch, gut? …vorherrschend bleibt der positive Eindruck: eine Generation, die sich den Herausforderungen stellt. Das macht Mut (*DPA, 21.09.2006*).

– Современная молодежь – «quadratisch, praktisch, gut»? …превалирует позитивное впечатление: поколение, которое способно противостоять вызовам. Это внушает оптимизм.

Встречаются и различные модификации исходной формы: *Praktisch*, *quadratisch* (*und gut*). *Quadratisch*, *praktisch*. Развитие нескольких трактовок исходного текста, нескольких моделированных образований на его основе и нескольких модификаций формы объясняется, очевидно, тем, что вне связи с рекламируемым продуктом исходный текст теряет единство содержания.

Er läuft und läuft und läuft (*Он едет, и едет, и едет*). С пятидесятых годов этот слоган на протяжении многих лет служил рекламой легкового автомобиля «Volkswagen Käfer». Слоган должен был показать преимущества данной модели над конкурентами, делая акцент на ее надежности. Вне рекламного дискурса эта фраза стала употребляться по отношению к безотказно функционирующим устройствам и продуктивно работающим людям. При такой расширенной трактовке глагол *laufen* самопроизвольно изменил значение «ехать» на «функционировать». Оба значения являются производными от прямого «быстро двигаться, отталкиваясь ногами от земли», и это прямое значение теперь тоже может быть реализовано, например:

> Grünen-Gallionsfigur Joschka Fischer... ist lebender Beweis für die Auflehnung des Mannes gegen sein Schicksal. Den Bauch hat er im Schweiße seines Angesichts abgetragen; er läuft und läuft und läuft (*die Tageszeitung. 18.04.1998*).
>
> – Флагман зеленых Йошка Фишер… – живой пример непокорности судьбе. В поте лица своего он избавился от живота; он бегает, и бегает, и бегает.

Переменным компонентом фразы является *er*. Модель имеет вид «X läuft und läuft und läuft».

Крылатые фразы с признаками моделированного образования, развившиеся из слоганов, становятся общеупотребительными единицами языка, вызывающими ассоциацию с рекламой определенного товара. Так реклама укрепляется в сознании говорящих через систему языка.

Второй путь. Языковая форма, использованная как слоган, возвращает себе прежний статус. Этот путь не описан в известных автору исследованиях. Подобные языковые формы не выделяются лингвистами из общей массы слоганов и не рассматриваются отдельно.

Nichts ist unmöglich – Toyota (*Нет ничего невозможного – Тойота*). С середины восьмидесятых годов и до конца столетия эта крылатая фраза с добавлением *Toyota* использовалась для рекламы автомобиля. Постепенно ассоциация с автомобилем закрепилась и его название исчезло из рекламного слогана. В настоящее время фраза продолжает жить в языке, употребляясь, как и раньше, по разным поводам, но вызывая при этом ассоциацию с автомобилем и, очевидно, с рекламными роликами, в которых слово *Toyota* произносили животные.

Mach mal Pause (*Сделай паузу*). В 1950-е годы, когда данная фраза служила рекламой напитка «Кока-Кола», она могла иметь продолжение *...trink Coca-Cola* (*выпей «Кока-Колы»*). Реклама призывала делать перерывы в работе, наслаждаясь при этом газированным напитком. В настоящее время данная устойчивая фраза, давно закрепившаяся в немецком языке, используется по прямому назначению: как предложение сделать перерыв в работе или приостановить какую-либо другую деятельность. Согласно данным портала OWID, возможна грамматическая модификация [Sloganliste URL]: *Machen Sie mal Pause*.

Ich liebe es (*Я люблю это*). Это рекламный слоган сети ресторанов «Макдоналдс» в Германии с 2003 года. Данная фраза, полностью соответствующая английскому оригиналу *I'm loving it*, не является расхожим выражением в речи немцев, однако она достаточна проста, чтобы быть сказанной в самых разных ситуациях. Покинув рекламный дискурс, она, судя по данным OWID, демонстрирует ограниченные возможности применения и выражает преимущественно положительную оценку атмосферы общения [Sloganliste URL]. Это можно объяснить тем, что рекламные ролики, в которых использовался слоган *Ich liebe es*, демонстрировали не столько еду, сколько приятную атмосферу в ресторане.

Некоторые фразы не только реализуют свои прежние возможности, как, например, фраза *Ich bin doch nicht blöd* (*Ведь я не дурак*), рассмотренная выше, но и расширяют их, возвращая отдельным словам их прямые значения, а словосочетаниям – буквальное понимание:

Wir machen den Weg frei (*Мы даем дорогу / Мы расчищаем путь*). С конца 1980-х годов этот слоган выражает предложение ряда банков содействовать решению финансовых проблем вкладчиков. Коллокация *den Weg frei machen* (*дать кому-л. возможность сделать что-л.*) принадлежит к словарному фонду немецкого языка, и фраза *Wir machen den Weg frei*, употребляемая, как и раньше, за пределами рекламного дискурса, теперь вызывает у говорящих мысль о банковских корпорациях. Возможно, подобная ассоциация присутствует и тогда, когда реализуется модель «X macht / machen den Weg frei». Есть примеры, в которых *Weg* (*путь*) употребляется в прямом значении «дорога», а расчистка пути понимается буквально. Это новый способ осмысления данного словосочетания:

Nach dem Motto: wir machen den Weg frei, stürzten sich zwölf begeisterte Männer… in die Arbeit. Jetzt kann man wieder bequem und zur Freude vieler Naturfreunde ein Stück über den Limes wandern (*Rhein-Zeitung. 14.08.2001*).

– Под лозунгом «Мы расчищаем путь» дюжина мужчин… с энтузиазмом берется за дело. Теперь, к радости многочисленных любителей природы, можно будет опять спокойно погулять по лимесу.

Аналогичное явление было описано выше, в комментарии к фразе *Wer wird denn gleich in die Luft gehen?* (*букв.* ‘Это кто сейчас взлетит в воздух’?), понимание которой может сводиться к «видению исходного образа».

Если учесть только способность рассмотренных выше фраз выражать прежнее содержание и выполнять свои прежние функции, следует задаться вопросом: идентичны ли эти фразы самим себе в своем прежнем состоянии до использования их в качестве слоганов? Иначе говоря, насколько важна и устойчива в них новая ассоциация с рекламой определенного товара?

Заключение

Слоганы, о которых идет речь в настоящей статье, не содержат прямого указания на рекламируемый товар или услугу. Это фразы общего характера с искусственно заданными денотатами. Название товара в виде отдельного слова может только временно сопровождать фразу.

Когда денотат (товар или услуга) перестает быть востребованным в изменившейся реальности, представители немецкой лингвокультуры подвергают содержание слогана критике (слоган как прецедентный текст), а затем перестают учитывать его связь с искусственно заданным денотатом и соотносят исходную фразу с естественными денотатами – последнее возможно благодаря общему характеру фразы и ее близости к бытовому дискурсу.

Отрыв фразы, выполняющей функцию слогана, от рекламируемого товара (искусственно заданного денотата) происходит в любом случае, независимо от отношения общества к содержанию слогана.

Всякая фраза, вышедшая за пределы рекламного дискурса, приобретает признаки моделированного образования – настолько, насколько позволяет ее синтаксическая структура и лексическое наполнение.

Лексические значения постоянных компонентов также варьируются, если эти лексемы многозначны.

Фраза общего характера, функционирующая как слоган, может быть специально создана. За пределами рекламного дискурса она становится крылатой фразой, которая приобретает признаки моделированного образования.

Фраза общего характера, функционирующая как слоган, может быть заимствована из обыденного языка. За пределами рекламного дискурса она возвращает себе прежний статус, при этом возможны дальнейшие семантические изменения. Проблематична идентичность таких фраз до использования в рекламном дискурсе им же после выхода за пределы рекламного дискурса.

Реклама проникает в сознание говорящих через систему языка, поскольку все фразы, выполнявшие ранее функцию слоганов, продолжают вызывать ассоциацию с рекламой определенного товара. Это явление – новая языковая реальность. Устойчивость дополнительной ассоциации проверит время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. [Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2016). Osnovy fraseologii (kratkij kurs): uchebnoe posobie (Fundamentals of Phraseology). 3nd ed. Moscow: FLINTA : Nauka. (In Russ.)].

Караулов Ю. М. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : ЛКИ, 2010. [Karaulov, Yu. M. (2010). Russkij jasyk i jasykovaja lichnost' (Russian language and language personality). 7nd ed. Moscow: LKI. (In Russ.)].

Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1970. [Chernysheva, I. I. (1970). Fraseologija sovremennogo nemeckogo jazyka (Modern German language phraseology). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].

Duden. Zitate und Aussprüche. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2008. Bd. 12.

Hars W. Nichts ist unmöglich! Lexikon der Werbesprüche: 500 bekannteste Werbeslogans und ihre Geschichte. München ; Zürich: Piper Taschenbuch, 2002.

Lüger H.-H. Satzwertige Phraseologismen: Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien : Ed. Praesens, 1999.

Polajnar J. Alle reden vom Wetter. Wir nicht. Fahr lieber mit der Bundesbahn: Von Slogan-Karrieren in und außerhalb der Werbung // Werbegeschichte(n):

Markenkommunikation zwischen Tradition und Innovation / Hrsg. von Sabine Heinemann. Wiesbaden : Springer-Verlag, 2019. S. 253–277.

Schmidt Ch. M. Markenslogan als Instrument unternehmenskultureller Persuasions-Strategien aus kognitionslinguistischer Perspektive // Wirtschaftskommunikation im Wandel: Dynamik, Entwicklung und Prozessualität / Hrsg. von M. Nielsen. Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. S. 79–105.

Sloganliste. URL: https://www.owid.de/service/stichwortlisten/slgn (дата обращения: 15.01.2021).

Slogans.de. URL: https://www.slogans.de/ (дата обращения: 15.01.2021).

УДК 81.112 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_32

М. В. Вашунина

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
vashunina@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ СОЗНАНИЯ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты экспериментального исследования смыслового восприятия текстов на немецком языке, проведенного с применением метода семантического дифференциала. Целью исследования была характеристика формирования образов сознания при смысловом восприятии сообщения на иностранном языке. Полученные результаты позволяют выдвинуть гипотезу, что образы сознания, вызываемые единицами иностранного языка, менее содержательно и ассоциативно наполнены по сравнению с образами сознания, активируемыми единицами родного языка.

Ключевые слова: экспериментальное исследование; семантический дифференциал; немецкий язык; смысловое восприятие текста; образы сознания.

I. V. Vashunina

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Department of Grammar and History of German
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University
vashunina@yandex.ru

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF IMAGES OF CONSCIOUSNESS IN SPEECH ACTIVITY IN A FOREIGN LANGUAGE

The article presents the results of an experimental study of the semantic perception of texts in German, conducted using the method of semantic differential. The aim of the study was to characterize the formation of images of consciousness in the semantic perception of a message in a foreign language. The results obtained allow us to hypothesize that the images of consciousness evoked by the units of a foreign language are less meaningful and associative in comparison with the images of consciousness activated by the units of the native language.

Key words: experimental research; semantic differential; the German language; semantic perception of the text; images of consciousness.

Введение

Обучая студентов (и не только) иностранному языку, преподаватель ставит перед собой цель добиться как можно более полного владения этим языком обучающимися. Что включают в понятие «владение языком»? Конечно же, это знание лексики и грамматики, правильное произношение, умение составлять синтаксические конструкции, знание норм и узуса. В последние десятилетия к языковой компетенции добавилась лингвокультурная составляющая.

Но даже если обучающийся и овладел всеми этими знаниями, навыками и умениями в высокой степени, то язык всё равно остается для него иностранным. Это утверждение связано с пониманием того факта, что производство и восприятие речевых сообщений на иностранном языке будет каким-то образом и в какой-то степени отличаться от речевой деятельности на родном языке (мы исключаем из рассмотрения случаи билингвизма и недостаточного знания иностранного языка). В этой связи встают два вопроса. Во-первых, можно ли найти объективные материальные различия в производстве и восприятии иноязычного дискурса и дискурса на родном языке. Во-вторых, существуют ли способы устранения этих различий, то есть приближения речевой деятельности на иностранном языке к речевой деятельности на родном языке. Ответы на эти вопросы мы попытаемся дать в настоящей статье.

Проведенное исследование базируется на основных положениях теории языкового сознания [Тарасов 1993]. Еще А. А. Потебня отмечал: «Говорить – значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли. Таким образом понимание в смысле передачи мысли невозможно» [Потебня 1990, с. 113–114]. Протекание речевой деятельности условно представляется как «овнешнение» своих образов сознания продуцирующих речевое высказывание (т. е. придание им материальной формы в определенном языке – звуковой или графической) и дальнейшее восприятие этой языковой формы реципиентом, которое завершается возникновением соответствующих образов в сознании воспринимающего и конструированием смысла полученного сообщения.

Используемый в психолингвистической традиции термин «овнешнение» делает акцент на том, что в ходе общения происходит не просто кодировка информации (термин теории коммуникации), а именно, попытка передать свои образы сознания. Образы сознания (в отличие

от когнитивных структур) слабо структурированы, полимодальны, а также имеют сильные ассоциативные связи, потому что в нашем представлении присутствуют не отдельные образы, а фрагменты картины мира [Поляков 2011]. Иными словами, образы сознания относятся к области как индивидуальной психологии (в понимании И. А. Бодуэна де Куртене), так и к области коллективной психологии, поскольку они формируются в лигвокультурном сообществе, обладающем определенной картиной мира.

Таким образом, лексические единицы могут рассматриваться как способ овнешнения образов сознания, свойственных носителям определенной лингвокультуры. Образы сознания формируются как образы представления, образы воспоминания, образы воображения [там же]. Носитель языка как бы множит случаи применения определенной лексической единицы в конкретных ситуациях. И вследствие этого, с одной стороны, лексическая единица обретает множество связей и ассоциаций, а с другой – создается алгоритм ее употребления, т. е. облегчается и отчасти автоматизируется ее дальнейшее употребление. Из этих теоретических оснований следует гипотеза проведенного исследования. Мы считаем, что образы сознания, стоящие за единицами родного языка, в некоторой степени отличаются от образов сознания, которые вызывают единицы иностранного языка. Основной причиной этого видится различие в практике применения единиц родного языка и единиц иностранного языка.

Смысловое восприятие текста на немецком языке как иностранном

Целью проведенного исследования было выявление различий образов сознания, вызываемых вербальными единицами иностранного и родного языка. Для этого был проведен психолингвистический эксперимент.

Экспериментальный материал

В качестве экспериментальных использовались два текста на немецком языке с сайта «Немецкая волна». Это тексты предназначены для изучающих немецкий язык уровня B1. Текст 1 (T1) «Das Problem mit der schnellen Mode»[1] (1,5 тыс. знаков). В нем поднимается проблема

[1] URL: https://www.dw.com/de/das-problem-mit-der-schnellen-mode/l-52203621.

причинения вреда окружающей среде в результате навязывания модных тенденций и, как следствие, роста производства одежды и обуви, в тексте намечаются пути решения этой проблемы. Текст 2 (Т2) «Klimaveränderung macht Pinguine glücklich»[1] (1 406 знаков) описывает одно из последствий глобального потепления – рост численности пингвинов, которым рост температуры окружающей среды пошел на пользу. Темы обоих текстов могут считаться довольно близкими читателям (не личностно близкими, а социально близкими), понятными и довольно интересными.

Экспериментальная методика

Исследование проводилось с применением метода семантического дифференциала, что предполагает оценку объекта (в нашем случае текстов на немецком языке) по шкалам-характеристикам. Метод семантического дифференциала, прочно вошедший в практику экспериментальных исследований в середине XX века, позволяет выявить компоненты содержания речевого сообщения, не подлежащие выявлению другими способами [Нистратов, Тарасов 2017; Osgood, Suci, Tannenbaum 1957; Osgood 1959; Osgood 1962; Osgood 1988]. Это компоненты, существование которых объясняется ассоциативными связями, синестетическими реакциями, спецификой образов сознания представителей определенной лингвокультуры. Обычно для создания шкал группе испытуемых предлагают охарактеризовать текст с помощью нескольких прилагательных. Наиболее частотные из них становятся именами шкал.

Мы также провели такой подготовительный этап работы и получили «ядерные» характеристики. Однако мы исходили из того, что смысловое восприятие текста шире, хотя реципиенты и не всегда это осознают. Поэтому к этим «ядерным» характеристикам были добавлены и другие.

Нами использовались биполярные семибалльные шкалы (от –3 до 3), представленные антонимами.

Т1 предлагалось оценить по шкалам: *легкомысленный – серьезный* (*leichtsinnig – ernst*), *будничный – праздничный* (*alltäglich – festlich*), *далекий – близкий* (*fern – nah*), *успокаивающий – возбуждающий*

[1] URL: https://www.dw.com/de/klimaveränderung-macht-pinguine-glücklich/av-53995861.

(*beruhigend – erregend*), *поверхностный – глубокий* (*oberflächlich – tief*), *низкий – высокий* (*niedrig – hoch*), *тревожный – спокойный* (*beunruhigend – ruhig*), *бедный – богатый* (*arm – reich*), *злой – добрый* (*böse – gutmütig*), *лживый – правдивый* (*lügnerisch – wahr*), *пассивный – активный* (*passiv – aktiv*), *печальный – радостный* (*traurig – fröhlich*).

Т2 оценивался по шкалам: *легкомысленный – серьезный* (*leichtsinnig – ernst*), *холодный – теплый* (*kalt – warm*), *далекий – близкий* (*fern – nah*), *успокаивающий – возбуждающий* (*beruhigend* – erregend), *поверхностный – глубокий* (*oberflächlich – tief*), *темный – светлый* (*dunkel – hell*), *тревожный – спокойный* (*beunruhigend – ruhig*), *глупый – умный* (*dumm – klug*), *злой – добрый* (*böse – gutmütig*), *лживый – правдивый* (*lügnerisch – wahr*), *пассивный – активный* (*passiv – aktiv*), *печальный – радостный* (*traurig – fröhlich*).

Процедура эксперимента

Испытуемыми являлись студенты выпускных курсов Московского государственного лингвистического университета и Российского университета Дружбы народов, обучающиеся по специальности «Немецкий язык». Им было предложено оценить два текста по шкалам семантического дифференциала. Задание звучало: «Прочитайте текст и оцените его по каждому параметру, ставя + в клеточке, соответствующей Вашей оценке». Одной группе испытуемых (числом 25 человек) шкалы предлагались на русском языке, другой группе (числом 25 человек) – на немецком. Всего число испытуемых составило 50 человек.

Полученные результаты были подвергнуты статистической обработке. Была выявлена средняя оценка по каждой шкале, определена дисперсия по каждой шкале: устанавливалось, насколько реальные оценки удалены от полученной средней оценки. Это необходимая процедура, потому что, например, оценку 0 можно получить как среднее из трех нулей или же как среднее из –1, –2, 3. В первом случае мы констатируем отсутствие корреляции соответствующей характеристики с экспериментальным текстом, а во втором – отсутствие относительно стабильного образа в сознании массового реципиента.

Далее было проведено сопоставление данных, полученных в результате оценки по шкалам на русском и на немецком языках.

Результаты эксперимента

Сначала дадим общую характеристику результатов. Подавляющее большинство шкал оказались релевантными для оценки выбранных текстов. Это показывают оценки, отличные от нуля. Большое количество нулевых оценок (45–60 %) обнаружено для Т1 по шкалам *низкий – высокий*, *бедный – богатый*, *niedrig – hoch*, *arm – reich*. Всего по двум текстам по немецким шкалам обнаружено около 25 % нулевых оценок, а при оценке этих текстов по русским шкалам – около 14 % нулей. Нулевые оценки означают отсутствие в сознании реципиентов связи названного качества со смыслом текста.

Отрицательные оценки отсутствуют у Т1 по шкалам *легкомысленный – серьезный*, *низкий – высокий*, *лживый – правдивый*; у Т2 – по шкалам *холодный – теплый*, *темный – светлый*, *тревожный – спокойный*, *злой – добрый*, *лживый – правдивый*, *глупый – умный*. Нахождение оценок в одной области (положительной) свидетельствует о наличии устойчивой связи между определенной характеристикой и смыслом текста, а также о существовании стабильного образа качества, номинируемого этой характеристикой, в сознании реципиентов. Результаты показывают, что характеристики на русском языке (*далее* русские характеристики) гораздо чаще, чем характеристики на немецком языке (*далее* немецкие характеристики) демонстрируют корреляцию со смыслом текста. Немецкие характеристики, называющие качества, имеющие стабильный образ в сознании реципиентов, являются вербализацией ощущений зрительной и тактильной модальностей.

Единичные отрицательные оценки (при основной массе положительных) присутствуют у Т1 по шкалам *далекий – близкий*, *успокаивающий – возбуждающий*, *поверхностный – глубокий*, *бедный – богатый*, *пассивный – активный*, *leichtsinnig – ernst*, *beruhigend – erregend*, *kalt – warm*, *dunkel – hell*, *arm – reich*, *böse – gutmütig*, *lügnerisch – wahr*, *passiv – aktiv*; у Т2 по шкалам *поверхностный – глубокий*, *печальный – радостный*, *beunruhigend – ruhig*, *dumm – klug*, *böse – gutmütig*, *lügnerisch – wahr*, *passiv – aktiv*, *traurig – fröhlich*.

Единичные положительные оценки (при основной массе отрицательных) есть у Т1 по шкалам *будничный – праздничный*, *тревожный – спокойный*, *печальный – радостный*, *alltäglich – festlich*; у Т2 по шкале *успокаивающий – возбуждающий*.

Обобщая эти данные, можно констатировать, что коррелирующие со смыслом текста русские и немецкие характеристики почти полностью совпадают. Русские характеристики более однозначно (в одной области значений) связаны в сознании реципиентов со смыслом текста. При оценке по немецком шкалам больше отклонений.

Обратимся к анализу цифровых значений. Их, конечно же, не следует принимать как абсолютные характеристики, но они дают наглядную картину сопоставления смыслового восприятия текста по отдельным шкалам и по их немецкому и русскому вариантам.

Данные для Т1 и Т2 обобщены в таблицах 1 и 2. Оценки по русским и немецким шкалам представлены в средних столбцах для удобства сравнения.

Таблица 1

Средняя оценка Т1 по шкалам

Немецкие шкалы	Средняя оценка	Средняя оценка	Русские шкалы
leichtsinnig – ernst	1,1	2,2	легкомысленный – серьезный
alltäglich – festlich	–1,2	–1,4	будничный – праздничный
fern – nah	0,9	1,2	далекий – близкий
beruhigend – erregend	1	1,1	успокаивающий – возбуждающий
oberflächlich – tief	0,6	1,3	поверхностный – глубокий
niedrig – hoch	0,3	0,6	низкий – высокий
beunruhigend – ruhig	–0,05	–1,2	тревожный – спокойный
arm – reich	0,4	0,6	бедный – богатый
böse – gutmütig	0,7	0,8	злой – добрый
lügnerisch – wahr	1,6	2,5	лживый – правдивый
passiv – aktiv	0,9	1,95	пассивный – активный
traurig – fröhlich	–0,05	–1,2	печальный – радостный

Таблица 2

Средняя оценка Т2 по шкалам

Немецкие шкалы	Средняя оценка	Средняя оценка	Русские шкалы
leichtsinnig – ernst	0,5	1,3	легкомысленный – серьезный
kalt – warm	1,4	1,92	холодный – теплый

Немецкие шкалы	Средняя оценка	Средняя оценка	Русские шкалы
fern – nah	0,6	0,9	далекий – близкий
beruhigend – erregend	–0,3	–0,9	успокаивающий – возбуждающий
oberflächlich – tief	0,5	1	поверхностный – глубокий
dunkel – hell	1,4	2,2	темный – светлый
beunruhigend – ruhig	1,4	2,2	тревожный – спокойный
dumm – klug	1,4	1,7	глупый – умный
böse – gutmütig	1,8	2,4	злой – добрый
lügnerisch – wahr	1,8	1,9	лживый – правдивый
passiv – aktiv	0,7	1,4	пассивный – активный
traurig – fröhlich	1,1	1,4	печальный – радостный

Как видно из таблиц, знак оценки (положительный или отрицательный) всегда сохраняется как при оценке по немецким шкалам, так и при оценке по русским. Этот факт очевиден, потому что сигнификативное и денотативное значения переводных слов в основном (хотя и не полностью) совпадают (собственно говоря, перевод заключается именно в нахождении максимально соответствующих по значению лексических единиц языка перевода). Поэтому полученные результаты доказывают валидность применяемой методики измерения значений.

Большая часть шкал была одинаковой для оценки обоих текстов, что позволило проверить достоверность данных.

Одним из достоинств методики семантического дифференциала является возможность сопоставления полученных цифровых величин, то есть можно проводить системное сравнение результатов. При сравнении показателей понятно, что тексты по русским шкалам всегда оцениваются в цифровом выражении выше, чем по немецким шкалам. По многим шкалам наблюдается разница в 2 (а иногда и более) раза. При этом речь не может идти о непонимании лексических единиц – названий шкал на немецком языке. Во-первых, уровень владения языком у испытуемых (это студенты выпускных курсов специальности «Немецкий язык») намного выше, чем понимание отдельных употребительных характеристик. Во-вторых, большая разница (в два раза) оценок по русским и немецким шкалам обнаружена для обоих

текстов по шкале *пассивный – активный / passiv – aktiv,* номинированной хорошо известными интернационализмами.

Следовательно, существует иная причина расхождения оценок по русским и немецком шкалам.

Интерпретация результатов эксперимента

Представляется очевидным, что величину оценки определяет использование родного или неродного языка. Применение метода семантического дифференциала связано с обращением к той составляющей смысла текста, которая до конца не может осознаваться реципиентами. Это в первую очередь эмоциональные реакции, часто на основе ассоциаций. Обнаруженная разница в оценках текстов по немецким и русским шкалам должна означать, что такие реакции, связанные с немецкими лексическими единицами, слабее, а ассоциации беднее, чем связанные с русскими характеристиками.

Объяснение этому представляет теория языкового сознания. Стоящие за лексической единицей образы сознания («овнешняемые» этой языковой единицей) являются комплексными, а точнее синтетическими: «образы представления и воспоминания объекта сосуществуют с образами его восприятия» [Поляков 2011, с. 304]. Образ «овнешняемый» словами *легкомысленный*, *серьезный*, *leichtsinnig*, *ernst* и т. д. в сознании реципиентов представляет собой не только образ восприятия (что в отдельном конкретном случае будет значением языковой единицы), но и весь комплекс эмоций, ассоциаций, воспоминаний, связанных с предшествующим активным и пассивным использованием этого слова. Естественно, речь не идет о полной картине прошлого, и мы не будет углубляться в вопрос о том, как функционирует память и как происходит формирование образов сознания. Однако очевидно, что в сознании носителей языка существует какое-то содержание (в форме образа), которого нет у людей, для которых этот язык не является родным. Это связано с богатой практикой применения слов родного языка и относительно скудной практикой использования иностранного языка.

В процессе говорения мы не только конструируем дискурс, но и каждый раз обогащаем содержание своих образов сознания, овнешняемых используемыми единицами.

Заключение

Полученные результаты можно рассматривать с различных позиций лингвистической и психолингвистической науки.

Во-первых, они являются ярким подтверждением того факта, что существуют образы именно языкового сознания, т. е. образы, «привязанные» к определенным лексическим единицам. Об этом свидетельствует разница «видения» немецких и русских характеристик и, соответственно, разница в оценке объектов по этим характеристикам.

Во-вторых, полученные результаты подтверждают положение, что «свойства вещей – это не только их свойства», они являются таковыми для воспринимающего объекта и не существуют сами по себе [Поляков 2011, с. 110]. Реципиент может «видеть», называть какое-то свойство, ощущать его интенсивность. Другими словами, по своему происхождению образы являются индивидуальными, однако гносеологически мы рассматриваем их как коллективные. Для получения сведений о коллективных образах и проводится психолингвистический эксперимент, который позволяет провести обобщение данных индивидуального восприятия.

В-третьих, доказана валидность метода семантического дифференциала для сопоставительного измерения значений единиц родного и иностранного языка. Полученные результаты (в большинстве случаев) подтверждены материалом двух объектов оценивания (двух текстов), а также поддаются трактовке с позицией современной психолингвистической теории. Оценки по немецким и по русским шкалам всегда лежат в одной области значений (положительной или отрицательной), что объясняется наличием общего (хотя не всегда полностью одинакового) сигнификативного и денотативного значения. Этот тривиальный результат в нашем случае также свидетельствует о валидности применяемой методики.

В-четвертых, результаты эксперимента показывают, что за единицами иностранного языка стоят более «бедные» и менее содержательно наполненные образы, чем за единицами родного языка. Об этом свидетельствуют значительно более низкие в цифровом выражении оценки текста по немецких шкалам по сравнению с русскими. Отсутствие оценок в одной области значений (только неотрицательных или только неположительных) по всем немецким шкалам говорит о меньшей степени сформированности образов языкового сознания

у коллективного реципиента – носителя русского языка, для которого немецкий является иностранным. Это объясняется разницей в частотности употребления слов родного и иностранного языка, что влияет на содержательную наполненность образов языкового сознания.

В целом можно предположить, что основное отличие семантики немецких характеристик от семантики русских характеристик в понимании носителя русского языка заключается в следующем: у немецких лексических единиц при наличии общего с русскими сигнификативного и денотативного значения обеднен прагматический компонент. Прагматический компонент лексико-семантической информации имеет разнообразное содержание: это экспрессивная, коннотативная, стилистическая информация, в том числе и та, которая обязана своим существованием ассоциативным связям и синестетическим реакциям [Кобозева 2000]. В общем, это всё то, что возникает естественным путем в процессе реальной речевой деятельности на родном языке. Иностранный язык обычно не предоставляет обучающимся постоянных возможностей его применения, и прагматический слой лексико-семантической информации формируется гораздо менее интенсивно, чем для единиц родного языка. Эта с трудом преодолимая ситуация усугубляется тем фактом, что в процессе обучения предлагается мало личностно значимого тематического материала.

В-пятых, можно говорить о дидактических и методических выводах. Признав, что обучающиеся неизбежно испытывают трудности не с пониманием лексических единиц чужого языка (сигнификативное и денотативное значения подлежат выучиванию, этот вопрос не обсуждается), а с их применением (ввиду слабой сформированности прагматического компонента лексико-семантической информации), можно наметить пути преодоления этих трудностей. Эмоции, коннотации, экспрессия возникают, когда информация затрагивает реципиента, в этом случае улучшается и запоминание, что создает прецедентность при последующем употреблении лексической единицы. Поэтому привлечение к изучению личностно значимого материала, обращение к личности обучающегося, стимуляция высказываний об объектах и явлениях, представляющих интерес, могут ускорить формирование прагматического компонента лексико-семантической информации, обогатить образы языкового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. [Kobozeva, I. M. (2000). Lingvisticheskaja semantika (Linguistic semantics). Moscow: Jeditorial URSS. (In Russ.)].

Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолингвистики. 2017. № 32. С. 124–134. [Nistratov, A. A., Tarasov, E. F. (2017). Psychosemantic experiment as a tool for analyzing the meaning and meaning of a word. *Voprosy psiholingvistiki, 32*, 124–134. (In Russ.)].

Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб. : Питер, 2011. [Poljakov, S. Je. (2011). Fenomenologija psihicheskih reprezentacij (Phenomenology of Mental Representations). St Petersburg: Piter. (In Russ.)].

Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М. : Высшая школа, 1990. [Potebnja, A. A. (1990). Teoreticheskaja pojetika (Theoretical Poetics). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].

Тарасов Е. Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Институт языкознания, 1993. [Tarasov, E. F. (1993). Jazyk i soznanie: paradoksal'naja racional'nost' (Language and consciousness: paradoxical rationality). Moscow: Institut jazykoznanija. (In Russ.)].

Osgood Ch. E. Psycholinguistics. Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, 1988.

Osgood Ch. E. Semantic space revisited. Word. 1959. Vol. 15. P. 195–200.

Osgood Ch. E. Studies on Generality of affective meaning system // American Psychologist. 1962. Vol. 17. P. 10–28.

Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

УДК 811.112.2 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_44

А. И. Горожанов

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
a.gorozhanov@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РОМАНЕ Ф. КАФКИ «ЗАМОК»

В статье рассматриваются особенности употребления модальных глаголов в романе Ф. Кафки «Замок». В качестве основного метода исследования применяется автоматизированный количественный анализ текста с применением авторского программного обеспечения, а также компаративный и интерпретационный анализ. Делается вывод о том, что применяемые методы позволяют с высокой степенью точности зафиксировать все словоформы модальных глаголов и получить искомые количественные данные для их последующей интерпретации, результаты которой дают основание говорить о наличии индивидуального авторского модального «отпечатка» Ф. Кафки.

Ключевые слова: модальные глаголы; роман Ф. Кафки «Замок»; грамматика; немецкий язык; интерпретация художественного произведения; регулярные выражения.

A. I. Gorozhanov

Doctor of Philology (Dr. habil), Assoc. Prof.
Professor in the Department of German Language Grammar and History
at the Faculty for German Language
Moscow State Linguistic University
a.gorozhanov@linguanet.ru

SPECIAL FEATURES OF THE USE OF MODAL VERBS IN THE NOVEL 'THE CASTLE' BY F. KAFKA

The article touches upon special features of the use of modal verbs in the novel 'The Castle' by F. Kafka. The main research method is quantitative analysis of the text applying a special software designed by the author, as well as comparative and interpretive analysis. The results revealed the possibility of using the considered methods with a high degree of accuracy to record all forms of modal verbs and obtain the required quantitative data for the further interpretation, which shows the presence of an individual author's modal 'finger print' of F. Kafka.

Key words: modal verbs; F. Kafka's 'The Castle'; grammar; German language; interpretation of a fiction work; regular expressions.

Введение

Проблема интерпретации творческого наследия Ф. Кафки не теряет своей актуальности. В современной предметно-специальной литературе творчество писателя рассматривается в многочисленных работах в первую очередь с позиции литературоведения и культурологии, но также и в контексте юриспруденции и психотерапии [Minic 2018; Lévy 2020; Rooden 2020; Wagner 2020; Labi 2021]. Напротив, исследованиям языка Ф. Кафки и, более того, его особой грамматике посвящены единичные работы [Gebert 2002; Proulx, Heine 2009].

По нашему мнению, именно анализ грамматического материала предоставляет в распоряжение исследователя данные, позволяющие более точно и объективно интерпретировать художественное произведение, а привлечение методов компьютерной лингвистики помогает не только ускорить процесс анализа, но и уменьшить количество погрешностей, неизбежно возникающих в ходе «ручного» труда.

Категория модальности релевантна тем, что «выражает как разные виды отношения высказывания к действительности (объективная модальность), так и разные виды отношения говорящего к предмету сообщения (субъективная модальность)» [Добросклонская 2009, с. 86]. Среди всего набора конституентов категории модальности в рамках настоящей работы мы сфокусируемся на употреблении модальных глаголов *müssen*, *sollen*, *dürfen*, *können*, *wollen* и *mögen*, которые представляют собой комплексные средства выражения объективной и субъективной модальности в немецком языке [Duden 2009].

Необходимость создания объективных автоматизированных инструментов интерпретации произведений художественной литературы обусловливает актуальность настоящего исследования, которое ставит перед собой цель проанализировать употребление важнейших конституентов грамматической категории модальности – модальных глаголов – в последнем романе Ф. Кафки «Замок». В соответствии с поставленной целью сформулируем задачи исследования:

1) провести автоматическую обработку текста романа, приведя его к состоянию неразмеченного лингвистического корпуса;

2) используя регулярные выражения, провести количественный анализ единиц полученного лингвистического корпуса с целью определения доли употребления каждого из рассматриваемых модальных глаголов;

3) провести интерпретационный анализ единиц лингвистического корпуса, содержащих модальные глаголы, для выявления особенностей их употребления.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы для создания более точных переводов романа на другие языки (в первую очередь – на русский язык), поскольку большое количество ошибок при переводе немецких художественных текстов связано с неверной интерпретацией значений модальных глаголов, а также в том, что собранные в ходе исследования контекстные примеры употребления модальных глаголов можно будет использовать для составления учебных материалов в рамках процесса обучения практической грамматике немецкого языка.

Материал и методы исследования

Материалом исследования служит оригинальный электронный текст романа Ф. Кафки «Замок» в формате TXT. Текстовый файл подлежит программной обработке с целью превращения его в неразмеченный лингвистический корпус (решение первой задачи исследования), а именно – разбивается на предложения, которые организуются в нумерованный список. Эти предложения служат основными контекстуальными единицами в процессе дальнейшей автоматической обработки материала.

Затем, в ходе решения второй задачи исследования, с помощью специализированного корпусного менеджера на основе регулярных выражений производится поиск модальных глаголов [Gorozhanov, Guseynova 2020]. Регулярные выражения составлены таким образом, чтобы предусмотреть поиск всей парадигмы глагола, учесть написание с большой или маленькой буквы, а также написание по старым правилам орфографии. Приведем ниже эти регулярные выражения:

‘müssen’:

(\b+([Mm]üssen)|([Mm]u(ß|ss)(t|te|test|ten)?)|([Mm]ü(ß|ss)(t|test|en|tet?))|([Gg]emu(ß|ss)t)\b+)

‘sollen’:

(\b+([Ss]oll(t|st|en|te|test|ten|est|et|e)?)\b+|\b+([Gg]esollt)\b+)

‘dürfen’:

(\b+([Dd]ürf(en|t|e|est|et|te|test|ten|tet))\b+|\b+([Dd]arf(st)?)\b+|\b+([Dd]urf(tet|te|test|ten))\b+|\b+([Gg]edurft)\b+)

‘können’:

(\b+([Kk]önn(en|t|e|est|et|te|test|ten|tet))\b+|\b+([Kk]ann(st)?)\b+|\b+([Kk]onn(te|test|ten|tet))\b+|\b+([Gg]ekonnt)\b+)

‘wollen’:

(\b+([Ww]oll(t|st|en|te|test|ten|est|et|e)?)\b+|\b+([Gg]ewollt)\b+)

‘mögen’:

(\b+([Mm]ög(en|t|e|et|est))\b+|\b+([Mm]ag(st)?)\b+|\b+([Mm][oö]ch(tet|te|test|ten))\b+|\b+([Gg]emocht)\b+)

С помощью регулярных выражений определяется точное количество употреблений модальных глаголов и далее рассчитывается, сколько единиц корпуса (в нашем случае, предложений) содержат эти глаголы.

Технически доля словоформ модальных глаголов определяется как их количественное отношение к общему объему словоформ в романе. Количество единиц корпуса, содержащих модальные глаголы, определяется путем исключения из текстового вывода программы немаркированных единиц корпуса, т. е. единиц, в которых в результате поиска модальные глаголы не фиксируются. Получаемые данные сохраняются в отдельные файлы формата HTML.

Указанный метод автоматического анализа можно считать универсальным, поскольку при замене регулярных выражений становится возможным анализировать текстовые массивы на наличие широкого спектра языковых явлений, в том числе и на синтаксическом уровне.

Далее необходимо провести интерпретационный анализ полученных результатов, чтобы оценить значения употребляемых словоформ модальных глаголов (решение третьей задачи исследования). Поскольку в ходе автоматической фазы уже были отобраны единицы, содержащие те или иные модальные глаголы, исследователю уже можно не работать со всем текстом романа, а сосредоточиться только на отобранных единицах корпуса.

Ход исследования и его результаты

После автоматической обработки текста романа и его приведения к состоянию неразмеченного лингвистического корпуса мы сосредоточились на отборе единиц, содержащих словоформы модальных глаголов. В результате были полученны следующие общие данные: из 4 466 единиц корпуса модальные глаголы содержатся в 1 314 единицах, что составляет 29,4 %. Иными словами, почти каждое третье предложение романа содержит один или несколько модальных глаголов. Всего в романе зафиксировано 109 940 словоформ, из них словоформ модальных глаголов – 1 715, или 1,56 %.

Модальный глагол *müssen* употребляется в тексте романа 336 раз (0,3 % от всех словоупотреблений) и встречается в 309 единицах корпуса.

Модальный глагол *sollen* проявляет 201 словоформу (0,18 % от всех словоупотреблений) и входит в состав 189 единиц корпуса.

Модальный глагол *dürfen* употребляется 104 раза (0,09 % от всех словоупотреблений) и встречается в 92 единицах корпуса.

Модальный глагол *können*, самый частотный из рассматриваемых, имеет в тексте романа 713 словоформ (0,65 % от всех словоупотреблений) и входит в состав 622 единиц корпуса.

Наконец, модальные глаголы *wollen* и *mögen* употребляются 280 раз и 81 раз (0,25 % и 0,07 % от всех словоупотреблений) и входят в состав 260 и 74 единиц корпуса, соответственно.

Представим полученные результаты в виде диаграммы.

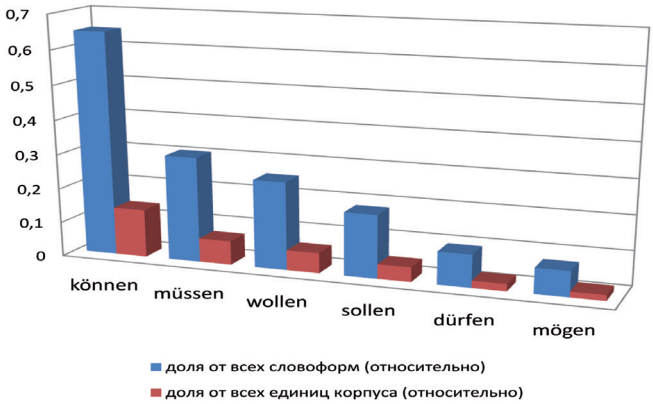

Диаграмма. Визуализация результатов автоматического анализа

Далее были рассмотрены единицы корпуса, содержащие каждый из рассматриваемых модальных глаголов, для определения спектра проявляемых ими значений.

Употребление глагола *müssen* интересно оценить с точки зрения выражения субъективной и объективной модальности. В подавляющем количестве случаев *müssen* выражает в романе значение объективной необходимости. Не более десяти раз встречаются субъективные значения высокой степени вероятности события, например:

> K. hatte sie wohl lange angesehen, dieses sich nicht verändernde schöne, traurige Bild, dann aber mußte er eingeschlafen sein, denn als er, von einer lauten Stimme gerufen, aufschreckte, lag sein Kopf an der Schulter des Alten neben ihm (*Kafka F. Das erzählerische Werk*).

или

> …ist am Gesicht und Körper die Jämmerlichkeit zweifellos, muß sie doch wenigstens andere Geheimnisse haben, die niemand nachprüfen kann, etwa ihr angebliches Verhältnis zu Klamm (*там же*).

Модальный глагол *sollen* проявляет себя в различных значениях. Однако примечательно, что в 78 случаях из суммарного 201 он употребляется в форме *sollte*(*n*), например, в значении «ожидание чего-либо»:

> Nach dem Frühstück, das, wie überhaupt K.s ganze Verpflegung, nach Angabe des Wirts vom Schloß bezahlt werden sollte, wollte er gleich ins Dorf gehen (*там же*)

или в значении «в случае, если»:

> Sollte ich zum Beispiel hier unten arbeiten, dann wird es auch vernünftiger sein, hier unten zu wohnen (*там же*),

или в значении «сомнение / удивление»:

> Wie sollte eine Auskunft, die ein Beamter aus dem Schloß gibt, bedeutungslos sein? (*там же*).

Впрочем, вариант *sollte*(*n*) частотен уже потому, что временная форма претерита в принципе превалирует в романе:

> Frieda sollte den Fußboden reinigen und K. würde Wasser holen und sonst Ordnung machen; ans Frühstücken war vorläufig nicht zu denken (*Kafka F. Das erzählerische Werk*).

Достаточно частотна форма *soll* (48 употреблений). Здесь выделяются значение «риторический вопрос – растерянность»:

> ‘Wie soll ich es dem Herrn Landvermesser erklären?’ K. horchte auf (*там же*)

или

> ‘Lieber Herr Landvermesser’, sagte der Vorsteher, ‘wie soll ich denn alle Söhne aller Unterkastellane kennen?’ (*там же*),

а также значение «чужой воли»:

> Und Barnabas soll mir dazu verhelfen, viel von meiner Hoffnung liegt auf ihm (*там же*)

или

> ‘Dann soll er endlich herüberkommen’, sagte es wieder; auf Bürgel oder darauf, daß er etwa K. noch benötigen könnte, wurde keine Rücksicht genommen (*там же*).

Отметим также употребление *sollen* в качестве полнозначного глагола [Duden Online 2021]:

> ‘Was soll uns also ein Landvermesser?’ K. war, ohne daß er allerdings früher darüber nachgedacht hätte, im Innersten davon überzeugt, eine ähnliche Mitteilung erwartet zu haben (*там же*).

Модальный глагол *dürfen* выражает почти во всех случаях значение разрешения или, совместно с отрицанием, категорического запрета:

> K. war dankbar, sich endlich setzen zu dürfen (*Kafka F. Das erzählerische Werk*)

или

> ‘Ihr dürft mit niemandem ohne meine Erlaubnis sprechen’ (*там же*),

или

> ‘Kochen dürfen Sie in der Schule nicht, dafür werden Sie und die Ihren auf Kosten der Gemeinde hier im Wirtshaus verpflegt’ (*Kafka F. Das erzählerische Werk*).

Всего в 4-х случаях из 104 фиксируется форма *dürfte* в значении достаточно высокой субъективной вероятности наступления события:

> ‘Unten dürfte es sein, unten’, sagte der Vorsteher, vom Bett aus dirigierend (*там же*)

или

> ‘Aber auch Ihnen dürfte doch schon die Lückenlosigkeit der amtlichen Organisation aufgefallen sein’ (*там же*).

Модальный глагол *können*, как мы уже выяснили, является самым многочисленным – 713 словоформ в 622 единицах корпуса. Доминанту его употреблений составляют значения «иметь возможность» / «способность», например:

> Wollte K. Arbeiter werden, so konnte er es werden, aber dann in allem furchtbaren Ernst, ohne jeden Ausblick anderswohin (*там же*)

или

> Klamm kann doch nicht alle Protokolle lesen, er liest sogar überhaupt keines (*там же*).

Также встречаются значение «иметь право»:

> ‘Als Beamten kann ich ihn nur in seinem vielleicht unzugänglichen Büro sprechen, im Schloß oder, was schon fraglich ist, im Herrenhof’ (*там же*)

и значение «иметь пятидесятипроцентную вероятность случиться»:

> ‘Dagegen kann es allerdings in auserlesener Stunde geschehen, daß, wenn man den kleinen Registrator anruft, Sordini selbst die Antwort gibt’ (*там же*)

или

> ‘Das kann noch sehr lange dauern’, sagte plötzlich eine rauhe Stimme so nahe bei K., daß er zusammenfuhr (*там же*).

Форма *könnte*(*n*) фиксируется 112 раз в 107 единицах корпуса и имеет значение «вежливого вопроса / предложения / просьбы»:

> K. holte daraus das Recht zu fragen: ‘Könnte ich Sie, Herr Lehrer, einmal besuchen?’ (*Kafka F. Das erzählerische Werk*)

или

> Vielleicht könnten wir einmal in Ruhe miteinander sprechen, nicht von so vielen Augen angestarrt [*там же*].

или

> An dieser Mitteilung vor allen anderen sich festhaltend, fragte K.: ‘Könnte sie nicht auch meine Botschaft ins Schloß bringen?’(*там же*).

Модальный глагол *wollen* достаточно однороден в своих значениях, среди которых доминирует «категорическое желание», например:

> Einige Bauern waren noch beim Bier, aber er wollte sich mit niemandem unterhalten, holte selbst den Strohsack vom Dachboden und legte sich in der Nähe des Ofens hin (*там же*),

или

> ‘Warte!’ sagte K. zu dem sich verbeugenden Barnabas, dann rief er den Wirt, daß er ihm ein Zimmer zeige, er wollte mit dem Brief eine Zeitlang allein sein (*там же*).

Единично встречается императивное значение «побуждения к действию»:

> ‘Wollen wir’, sagte Barnabas, ‘ins Wirtshaus zurückgehen, damit du mir dort den neuen Auftrag geben kannst?’ Schon hatte er einen Schritt weiter zum Haus hin gemacht (*там же*).

Наконец, самый редко употребляемый в романе модальный глагол *mögen* (81 словоформа на 74 единицы корпуса) проявляет, в основном, четыре значения: во-первых, выражения предположения (43 % случаев):

> An dem Abend im Herrenhof magst du aber den jetzigen Stand erkannt haben: Frieda mit der Peitsche in der Hand und ich in dem Haufen der Knechte (*там же*);

во-вторых, выражения уступки (27 % случаев):

> Ich bin aus eigenem Willen hierhergekommen, und aus eigenem Willen habe ich mich hier festgehakt, aber alles, was seither geschehen ist, und vor allem meine Zukunftsaussichten – so trübe sie auch sein mögen, immerhin, sie bestehen –, alles dies verdanke ich Frieda, das läßt sich nicht wegdiskutieren (*Kafka F. Das erzählerische Werk*);

в-третьих, выражения побуждения (18 % случаев):

> ‘Es möge dir gehen wie einem Diener’ heißt ein Segensspruch der Beamten… (*там же*);

в-четвертых, выражения желания (12 % случаев):

> Wenn Sie noch lange zögern, kommt Erlanger über mich, das möchte ich sehr gern vermeiden (*там же*).

Только один раз встречается значение «любить, выражать симпатию»:

> ‘Sie mag dich wohl nicht mehr?’ fragte Pepi, während sie Kaffee und Kuchen brachte (*там же*).

Анализ результата

Автоматический анализ употребления модальных глаголов *müssen*, *sollen*, *dürfen*, *können*, *wollen* и *mögen* в тексте романа Ф. Кафки «Замок» показал, что самым частотным является глагол *können*, самым редким – *mögen*. Концентрация модальных глаголов в тексте высока (1,56 % от всех словоформ романа), причем они достаточно равномерно распределены по тексту.

Высокую частотность *können* можно отнести к одной из особенностей авторского стиля писателя, поскольку этот глагол имеет сходную высокую долю употребления в других романах Ф. Кафки («Процесс» – 0,62 %; «Америка» – 0,64 %).

Значение желания несет на себе модальный глагол *wollen*, в то время как *mögen* почти полностью сосредоточен на передаче предположения, уступки и побуждения.

Модальный глагол *müssen* в 97 % случаев обозначает объективную необходимость, что хорошо коррелирует с содержанием произведения, поскольку над главными героями постоянно довлеет не сложившаяся по чьей-то воле необходимость, а объективная необходимость, противостоять которой не в силах ни один персонаж, какую бы позицию он не занимал.

У модального глагола *sollen* не фиксируется определенного ядра значений и напротив, *dürfen* употребляется почти во всех случаях для обозначения разрешения или категорического запрета. Также в ходе исследования были обнаружены единицы корпуса, в которых одновременно употребляются несколько модальных глаголов, например:

> Wenn nun der junge Mann telefonieren mußte, dann konnte er beim besten Willen K.s Schlaf nicht schonen, es handelte sich nur darum, ob K. ihn telefonieren lassen sollte, er beschloß, es zuzulassen (*Kafka F. Das erzählerische Werk*).

В этой связи можно говорить о тесном взаимодействии модальных глаголов в пределах малого контекста, однако эта проблема требует отдельного подробного рассмотрения.

В настоящей работе мы не преследовали цель проведения и описания комплексного и исчерпывающего анализа средств выражения категории модальности в романе «Замок». Мы сознательно сфокусировались на указанных модальных глаголах, на примере которых были протестированы возможности созданного нами программного обеспечения. В таком контексте исследование приобретает законченный характер и одновременно становится своеобразной стартовой площадкой для дальнейшей работы.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что применяемые методы оправдали себя и могут быть признаны эффективными, так как практически полностью исключают погрешность при автоматическом поиске и значительно сокращают работу исследователя в фазе интерпретационного анализа.

В качестве перспективы обозначим возможность расширения материала исследования на все три романа Ф. Кафки для проведения компаративного анализа употребления в них модальных глаголов, включая модальные значения *lassen*, а также другие конституенты категории модальности, в том числе во взаимодействии с элементами категории отрицания и других категорий [Ноздрина 1997].

Количественные и качественные данные об употреблении модальных глаголов в тексте романа позволяют сформировать гипотезу о наличии индивидуального авторского «отпечатка» Ф. Кафки, который выражается не столько в ранжировании модальных глаголов по частотности употребления (их расположении в списке от самого частотного к наименее частотному), сколько в пропорциональных отношениях параметров частотности внутри этого ранжирования и в характере доминанты значений для каждого модального глагола.

Проверка этой гипотезы также требует отдельного компаративного исследования с привлечением текстов художественных произведений других немецкоязычных писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2, С. 85–94. [Dobrosklonskaya, T. G. (2009). Linguistic ways of expressing ideological modality in media texts. Vestnik of Moscow State University, 2, 85–94. Ser. 19. Linguistics and crosscultural communication. (In Russ.)].

Ноздрина Л. А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале нем. яз.): дис. … д-ра филол. наук. М., 2017. [Nozdrina, L. A. (2017). Vzaimodeistvie grammaticheskikh kategorii v khudozhestvennom tekste (na materiale nem. yaz.) (Interaction of grammatic categories in artistic text (on the material of Ger. lang.)): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)]

Duden. Die Grammatik. 8. Auflage. Mannheim: Bibliographisches Institut AG, 2009.

Duden Online. Sollen. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/sollen (дата обращения: 22.02.2021).

Gebert S. Kafka's grammar in 'The Trial'. [Kafkas Grammatik im 'Prozeß'] // Weimarer Beitrage. # 48 (3). Berlin: Passagen Verlag, 2002. P. 364–379.

Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Corpus analysis of the grammatical categories' constituents in fiction texts considering the linguo-regional component // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. # 13 (12). P. 2035–2048. DOI: 10.17516/1997-1370-0702.

Kafka F. Das erzählerische Werk. Bd. II. Berlin : Rütten u. Loening, 1988.

Labi C. Let those commandments be burned unto your heart: Kafka's in the penal colony and legal transmission // International Journal for the Semiotics of Law. Cham: Springer Nature, 2021. DOI: 10.1007/s11196-021-09824-y.

Lévy A. Letter to his father: Kafka, from shame to obsession. [Lettre au pire: Kafka, de la honte à la hantise] // Psychotherapies. 2020. # 40 (3). P. 183–189. Doi: 10.3917/psys.203.0183.

Minic A., Jozef K. and Mersault – Transnationality of Absurd // Folia Linguistica et Litteraria. Issue 23. Montenegro: Univ. Montenegro, 2018. P. 131–138. Doi: 10.31902/fll.23.2018.10.

Proulx T., Heine S. J. Connections from Kafka: Exposure to meaning threats improves implicit learning of an artificial grammar // Psychological Science. 2009. # 20 (9). P. 1125–1131. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2009.02414.x.

Rooden van A. Kafka Shared Between Blanchot and Sartre // Arcadia. 2020. # 55 (2). P. 239–259. DOI: 10.1515/arcadia-2020-2010.

Wagner E. S. Narrativity, coherence and literariness: A Theoretical Approach With Analyses of Laclos, Kafka and Toussaint. Berlin: De Gruyter, 2020.

УДК 81.367.626 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_56**

А. С. Ефимова

кандидат филологических наук
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
jefimija3@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РАЗГОВОРНОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается функционирование местоимений в современном разговорном немецком языке. Конкретный характер тематики разговорного языка, активное использование невербальных средств общения обусловливают лингвистические особенности данной сферы. В частности, это находит свое выражение в специфике употребления местоимений в разговорном языке: местоимения одного вида могут выполнять функции местоимений другой группы, что часто сопровождается появлением оценочной окрашенности языковой единицы.

Ключевые слова: разговорный язык; местоимения; вторичные функции местоимений; субъективная оценка; переосмысление; ослабление местоименного значения в разговорном языке.

A. S. Efimova

PhD (Philology)
Associate Professor at the German Language and German History Department,
Faculty for the German Language
Moscow State Linguistic University
Jefimija3@yandex.ru

SPECIAL FUNCTION FEATURES OF PRONOUNS IN SPOKEN MODERN GERMAN

The article is devoted to special function features of pronouns in spoken modern German. Concrete nature of the subjects in the spoken language, active use of non-verbal communication aids cause special features of the spoken language. Particularly it is expressed in special functions of pronouns. The pronouns of the one group perform the functions of other pronouns, the pronouns connote offen.

Key words: the spoken language; pronoun; secondary functions of pronouns; subjective estimation; different interpretation; substantivisation of pronouns; attenuation of pronoun meaning.

Введение

Разговорный язык – одна из разновидностей литературного языка, употребляемая в условиях непринужденного общения и противопоставленная кодифицированному книжному языку.

Основная форма реализации разговорного языка – произносимая, устная речь. Именно устная форма обусловливает целый ряд особенностей разговорного языка. Кроме устной формы речи различие между разговорным языком и книжным языком создается еще целым рядом экстралингвистических факторов, в частности, жестами, мимикой говорящих, опорой на конкретную неязыковую ситуацию, неподготовленностью речевого акта. Все эти факторы определяют специфические лингвистические особенности разговорного языка в его различных сферах: фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике и др.

В книжном языке местоимения выполняют заместительную функцию, они нейтральны. Как словесные знаки они не имеют собственного предметного содержания. Именно это качество местоимений отличает их от других лексически полноценных слов. Различные группы местоимений объединяет указательная функция. Но в сфере разговорного языка ситуация меняется, наблюдается транспозиция местоименных значений, многие местоимения приобретают оценочную функцию, частота их употребления возрастает. Данные процессы описываются и иллюстрируются в предлагаемой статье. Нам представляется, что эта тема является весьма актуальной, так как разговорный язык обладает определенными закономерностями, которые находят свое выражение в грамматике, фонетике, лексике. Рассмотрение особых функций местоимений в разговорном языке дает возможность наглядно показать, какие изменения претерпевают эти лексемы, оказываясь в разговорной речи.

Лексикографическим источником для нашего исследования послужил «Немецко-русский словарь разговорной лексики» В. Д. Девкина [Девкин 1994]. Большинство примеров, приводимых в статье, взяты из этого словаря. Также для анализа и обобщения полученного практического материала использовались следующие труды и пособия: В. Д. Девкин «Особенности немецкой разговорной речи» [Девкин 1965], М. П. Брандес «Стилистика немецкого языка» [Брандес 1990], И. Б. Голуб «Стилистика русского языка» [Голуб 1999], М. Н. Кожина «Стилистика русского языка» [Кожина 2012].

Особенности разговорного языка

Типичной сферой функционирования разговорного языка являются бытовые отношения. Это определяет и содержание общения и характер мышления, которые отражаются в разговорной речи. М. Н. Кожина считает, что к общим лингвистическим признакам разговорной речи, в частности, относятся «активность языковых средств субъективной оценки, оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц всех уровней от фонетического до синтаксического… активизация личных форм, слов (личных местоимений), конструкций» [Кожина 2012, с. 434]. М. Н. Кожина подчеркивает активную роль местоимений в разговорном языке, объясняя это их скрытым потенциалом, который проявляется при замене одних личных местоимений другими и экспрессии определенных местоимений. «Стилистика местоимений касается, естественно, не столько их формообразования и синонимики, сколько особенностей употребления, а именно – случаев использования одних личных местоимений вместо других, и экспрессии отдельных видов местоимений» [там же, с. 251].

И. Б. Голуб также указывает на использование местоимений в разговорной речи. «Непосредственный контакт участников диалога, его ситуативная восполняемость, возможность использования говорящими предситуации, которая определяет тему и является своеобразным «прологом» к высказыванию, – всё это позволяет использовать местоимения в разговорной речи несравненно чаще, чем в книжной» [Голуб 1999, с. 271].

В. Д. Девкин рассматривает эту же характеристику разговорной речи, как активное функционирование слов, которые указывают на замещающую функцию. «Одной из отличительных особенностей применяемой в разговорной речи лексики является большой удельный вес всеозможных “ситуативных” слов. Наличие общего опыта говорящих, опора на ситуацию, стремление к предельной простоте, краткости и удобству выражения мысли побуждает говорящих часто употреблять различные “малосодержательные” (inhaltsarme), неполнознаменательные и незнаменательные лексические единицы» [Девкин 1965, с. 259].

Вторичные функции немецких местоимений в разговорном языке

Употребление местоимений в разговорной речи не всегда соответствует правилам классической грамматики «…в разговорной речи

встречается своеобразное отклонение от существующих норм функционирования немецких местоимений. Это наблюдается в случаях, которые условно можно было бы объединить как “вторичные” функции немецких местоимений» [Девкин 1965, с. 259–260].

Местоимения одного разряда могут выполнять функции другого. На это явление указывает также М. П. Брандес, она называет его функциональной транспозицией. «Функциональная транспозиция имеет место также в классе местоимений, прилагательных, междометий, частиц. Она, как правило, сопровождается особой экспрессивностью и эмоциональностью, что является следствием расхождения между контекстом и грамматическим значением формы» [Брандес 1990, с. 288].

В. Д. Девкин также подчеркивает, что «…для немецких личных местоимений вторичные функции менее характерны, чем для других разрядов этой части речи» [Девкин 1965, с. 260]. Рассмотрим конкретные примеры, которые демонстрируют «переключение» функций местоимений в немецкой разговорной речи.

Функционирование личных местоимений и местоимений, их замещающих

Местоимение *du*, например, используется не столько для называния собеседника, сколько для выражения эмоций и модальности, выражаемых интонационно:

> Na du! Man klopft aber an, wenn man ein fremdes Zimmer betritt. – Ведь надо стучаться, когда входишь в чужую комнату (*R. Kraft. Menschen im Gegenwind*) (цит. по: [Шендельс 1988, с. 232]).

> «Du, diesen Wein habe ich noch nie gekostet. // Du, sei mir nicht böse! Du Scheusal, schweig schon lieber!» – Слушай, такое вино я еще не пробовал. // Не злись на меня! Молчи уж лучше, изверг!

Местоимение *du* в данной функции встречается в фамильярной речи, В. Д. Девкин называет его «избыточным обращением» [Девкин 1994, с. 260].

Употребление *du* в конструкции *dativus ethicus* придает ей разговорную окраску *Das ist dir ein Kerl! Ein prächtiger Bursche!* (Молодец, отличный парень!) (цит. по: [Брандес 1990, с. 288]).

Местоимение *du* может заменить *ich*, если говорящий обращается к самому себе и одновременно к слушателю в повседневной практике: «*Und du Lappen hast dabei versagt!*» (*Ты, бесхарактерный человек, не справился с этим!*) (цит. по: [Девкин 1965, с. 260]).

Личное местоимение *sie* (*они*) употребляется в разговорной речи вместо *man*. В этих случаях подчеркивается, что оно не подразумевает конкретных лиц, а имеет неопределенно-личное или обобщенное значение:

> Dem haben sie das Fahrrad gestohlen. // In den Anlagen wurde Ordnung geschaffen, sogar die Bänke haben sie neu gestrichen. – У него украли велосипед // Скверы привели в порядок, даже покрасили скамейки [Девкин 1994, с. 641].

Обратное явление наблюдается с *man*, которое уподобляется *ich*. Предпочтение *man* объясняется эмоциональным состоянием говорящего «Собственные переживания типизируются, обобщаются и воспринимаются как нечто свойственное любому человеку: «Das hat man nun davon, dass man… Dabei soll man nun nicht den Mut verlieren!» [Девкин 1965, с. 261].

Иногда местоимение *man* выступает в роли личных местоимений, тогда оно теряет характер обобщения или типизации, скрытого указания на определенных лиц. Следующие примеры из учебника Е. И. Шендельс иллюстрируют данное явление:

> Ich kann nicht schneller arbeiten. Man ist schließlich keine Rechenmaschine (man=ich). – Я не могу работать быстрее. В конце концов я не счетная машина.

> Seien Sie (sei) doch vernünftig! Man ist ja ein intelligenter Mensch (man = du, Sie). – Будьте благоразумны! Вы же умный человек!

> Beeilen Sie sich! Man wartet auf Sie! (man=er, sie). – Поторапливайтесь, он (она) ждет вас!

> Die Kinder in der ersten Reihe sahen zu und lachten. Man hatte große, aufgeregte Augen. (man=sie). – Дети в первом ряду следили за происходящим и смеялись. Они удивлялись и были взволнованы [Шендельс 1988].

В определенном контексте *man* может обозначать определенных лиц:

> “Was hat dir Therese eigentlich von Doktor Berthold erzählt?“ fragte Anna. – „O“, scherzte Georg, „man interessiert sich ja noch sehr lebhaft, wie es scheint.“ Anna antwortete nicht (*Schnitzler D., Weg ins Freie*). – «Что, собственно, рассказала тебе Тереза о докторе Бертольде?», – спросила Анна. – «О, судя по всему, ты еще весьма живо им интересуешься» – ответил он.

Местоимение *man* также используют, чтобы избежать неловкой ситуации, когда говорящий не знает, как обратиться к собеседнику – на «вы» или на «ты»:

> Man ist ja eine junge Dame (ein junger Mann) geworden. – Вижу перед собой юную даму / юного господина (цит. по: [Девкин 1965, с. 262]).

Местоимение *wir* может обозначать не только участников беседы, оно может заменять местоимение *ich*, так называемое лекторское *wir*.

В русском языке также наблюдается подобная ситуация, например, *В нашей работе мы опираемся на следующие принципы*. В немецком языке это местоимение употребляется в качестве доверительного, дружеского обращения к детям, пациентам вместо *Sie*, *ihr*, *du*:

> Kinder, nun, wie fühlen wir uns heute? – Как мы себя сегодня чувствуем?
>
> Na, was haben wir denn für Sorgen? – Что нас тревожит?
>
> Das dürfen wir nicht machen! – Это нам нельзя делать.
>
> Was macht unser Zahn? – Как наш зуб?
>
> Haben wir alles aufgegessen? – Мы всё съели?

Местоимение *es* в составе определенных устойчивых оборотов имеет чисто внешнюю функцию, оно не замещает определенное знаменательное слово, не указывает на конкретного участника описываемой ситуации, например:

> er mit der Lunge haben – у него что-то с легкими;
>
> es mit der Angst zu tun bekommen – перетрусить, натерпеться страху;
>
> es auf j-n abgesehen haben – иметь на кого-либо виды;
>
> es im Magen haben – не выносить, не переваривать кого-либо.

Особая активность указательных местоимений в разговорном языке

Указательные местоимения активнее, чем другие местоимения, функционируют в разговорной речи. Поэтому их вторичные значения проявляются более четко, ярко, чем у остальных местоимений. Часто наблюдается замещение личных местоимений местоимениями *der*, *die*, *das*. Это охватывает все три лица.

Was machen denn deine Umzugspläne? (Die habe ich vorläufig aufgesteckt. (Как обстоят дела с твоим переездом? – Я отказался от него.

Er machte einen Vorschlag. Den begrüßten alle. – Он выступил с предложением. – Все его (предложение) поддержали.

Der und ein Wort halten! – Он не сдержит обещание!

Mein Gott, wie der lacht! – Боже мой! Как он смеется!

Sieh bloß an! Wie die angezogen ist! – Посмотри! Как она одета!
(цит. по: [Девкин 1994, с. 157]).

Сдвоенное указательное местоимение *der und der* приобретает значение неопределенности, при этом значение указательности теряется.

Man sagte mir, die und die sei dafür zuständig. – Мне сказали, что такая-то ответственна за это.

Указательные местоимения, сопровождаемые определенным тоном голоса, могут использоваться для выражения оценки говорящим определенного факта, предмета, лица, события. При этом указательная, первичная функция этих местоимений может ослабляться, отступать на задний план или вообще утрачиваться:

Dieses Wetter! Herrlich! – Такая чудесная погода!

Diese Kälte! – Какой холод!

Dieser Schuft! – Какой подлец!

Nein, dieses Ungeheuer! – Какой изверг!

Diese Misswirtschaft! – Какая бесхозяйственность!

Solch eine Tat! Keiner konnte das wagen. – Какой поступок! Никто не мог на это решиться!

Solch ein Pech! – Какая неудача!

Solch ein Scheusal! – Какой изверг!

Местоимение *solch* в разговорной речи в устойчивых словосочетаниях может выступать как прилагательное:

Sie ist keine solche (keine leichtfertige Person). – Она порядочная.

Es gibt immer solche und solche Leute. – Люди всякие бывают.

Местоимение *so* также может приобретать качественные значения:

Das ist auch so einer (eine)! – Тоже хорош!

So siehst du aus! – Вот ты какой!

nicht so sein – быть великодушным, снисходительным

Sei doch nicht so, und gib mir ein Stück Schokolade ab. – Не жадничай, дай мне кусочек шоколадки.

Ich will mal nicht so sein. – Я не такой, мне не жалко.

Trägst du mir die Geschichte noch nach? – Ach wo, ich will mal nicht so sein. – Ты еще помнишь ту неприятную историю? – Ах, ты об этом, нет, я ничего не помню.

Местоимение *dieser* может иметь уничижительную коннотацию чаще всего, если стоит перед именами собственными:

Was ging ihn diese Irina an? (*Hauptmann, Im Wirbel der Berufung*).

Ein seltsames Geschlecht – diese Denker und Grübler. (*Hauptmann, Tagebuch*) (цит. по: [Девкин 1965, с. 264]).

Иногда местоимение *man* заменяется указательным местоимением *die*, когда неизвестно, кого конкретно имеет в виду говорящий:

Jetzt haben die den Weg wieder gesperrt! – Они снова перекрыли дорогу!

«Местоимение *das* может относиться к лицам: *Das* (*Kinder*) *lacht und singt den ganzen Tag! Wie das noch läuft und springt. Как они (дети) смеются и поют весь день! И при этом еще бегают и прыгают!* Чаще при этом местоимение *das* сопровождается отрицательной оценкой, выраженной интонационно. Отчасти пренебрежительный оттенок связывается с “опредмечиванием” лица: “Das schlendert wie Schnecken” (Schiller, Tell)» [Девкин 1965, с. 264].

Если указательное местоимение не связано с описываемой ситуацией, то оно употребляется с целью познакомить слушающего с ситуацией, дать почувствовать ее атмосферу: «Wir gingen sehr langsam in diese dunkle holprige Straße hinein… (*Böll, Wanderer*)». [цит. по Девкин 1965, с. 264]

Трансформация значений неопределенных, притяжательных, вопросительных местоимений в разговорном языке

Неопределенное местоимение *etwas* в некоторых ситуациях в разговорной речи теряет свое значение неопределенности и может иметь значение «что-то важное, достойное»:

Seine Meinung gilt etwas. – Его мнение что-то значит.

Er möchte gern etwas vorstellen. – Он хотел бы изобразить из себя нечто особенное.

Aus dem Jungen wird nochmal etwas werden. – Молодой человек достигнет успехов.

Sie wird es noch zu etwas bringen. – Он добьется успеха.

Местоимение *etwas* может указывать на положительные качества чего-либо:

Der Plan hat etwas für sich. – План в определенной степени интересный.

An der Geschichte musste etwas dran sein. – В истории, должно быть, есть доля правды.

Сочетание *so etwas* используется в усилительных конструкциях:

Wie kannst du so etwas sagen? – Как ты можешь говорить такое?

So etwas von Dummheit ist mir noch nicht vorgekommen. – Такой глупой истории со мной еще не случалось.

Неопределенное местоимение *viel* может подчеркивать превышение нормы: *Das ist ein bisschen viel auf einmal!* (*Это многовато для одного раза!*). Оно может выражать отрицательное отношение к предмету разговора: *Mit ihm ist nicht viel los.* (*Что от него толку?*) Это местоимение может иметь значение, противоположное традиционному:

Du wirst uns dabei viel helfen können! (*ирон.*) – Очень-то ты нам поможешь!

Der versteht aber viel davon! (*ирон.*) – Много он в этом понимает!

Ach, ich weiß viel, was sie will. – Да откуда мне знать, что она хочет.

Was kann dabei schon viel passieren? – Да что тут может случиться?

Неопределенное местоимение *wenig* в сочетании immer weniger werden приобретает значение «худеть»: *Sie wird immer weniger.* Оценочное значение имеет выражение *weniger wäre mehr*: *Sie hat ja so viel Schmuck an sich! Weniger wäre mehr!* В устойчивом выражении *jemand hat einen zu wenig* (*быть не в себе*) нейтрализуется значение неопределенности: *Er hat einen zu wenig. – Он не в себе*.

Неопределенное местоимение *einer* (*eine*, *eines*) теряет свое первичное значение, употребляясь во фразеологизированных конструкциях *einen trinken* (*выпить по рюмочке*); *einen heben* (*выпить*); *j-m eine langen* (*ударить кого-л.*); *sich eins pfeifen* (*насвистывать песенку*).

Неопределенное местоимение *jeder* в разговорной речи в выражении *jede Menge* подчеркивает большое количество чего-либо:

Hast du Hunger? – Jede Menge. – Ты хочешь есть? – Очень.

Augenblicklich gibt es jede Menge Obst. – Сейчас есть большое количество фруктов.

Притяжательные местоимения в выражении *mein und dein verwechseln* (*быть нечистым на руку*) утрачивают свои исконные значения в составе данного эвфемизма: *Gib Acht auf deine Sachen! Dieses Bürschchen verwechselt mein und dein.* (*Следи за вещами! Этот тип нечист на руку!*)

Вопросительные местоимения *wer*, *was*, *welcher* (*welche*, *welches*) могут приобретать значение неопределенности, местоимение *wer* может употребляться вместо *jemand*: *Ist wer dagegen? – Кто-нибудь против?*

Ist wer da? – Здесь есть кто-нибудь?

Guck mal! Es ist wohl wer gekommen. – Посмотри, кажется, кто-то пришел.

Сочетание *Wer weiß wer* (*was*, *wie*, *wo*...) также имеет значение неопределенности: *Das Buch hat wer weiß wer.* (*Бог знает, у кого книга*).

Местоимение *was*, завершающее предложение, используется не для вопроса, а для того, чтобы удостовериться в наличии определенной информации: *Du weißt das, was?* Также это местоимение используется в ответных репликах, выражающих возражение: *Ach was! – Ничуть! Habe ich Sie damit gekränkt? – Ach was! Nicht im Geringsten! – Я вас этим обидел? – Ничуть!* В выражении *und was nicht alles* (*чего только нет*) показывает большое количество чего-либо. Местоимение *was* также является синонимом *etwas* в разговорной речи: *Kann ich sonst noch was für dich tun? – Могу я еще что-нибудь для тебя сделать?* В выражении *so etwas wie* (*нечто*, *вроде*) указывает на размытость, неопределенность признака, может выражать отрицательную оценку: *Er ist so was wie Dichter.* (*Он нечто вроде поэта*). Местоимение *was* может замещать вопросительные наречия *warum*, *inwiefern*, *wie*:

Was regst du dich so auf? – Почему ты так волнуешься?

Was stehst du hier herum? – Почему ты здесь стоишь?

Wenn du wüsstest, was das weh tut. – Если бы ты знал, как это больно.

Lauf, was du kannst! – Беги как можно быстрее!

Was hast du dich verändert! – Как ты изменился!

Was ist das doch schwierig! – Как это, однако, сложно!

Вопросительное местоимение *welche* может выполнять функцию указательного местоимения, употребляется форма множественного числа, подразумеваются люди: *Seid bitte leise! Es schlafen noch welche.* (*Не шумите! Некоторые еще спят*).

Также это указательное местоимение может замещать личные местоимения: *Im Kännchen ist keine Milch mehr. – Im Kühlschrank ist noch welche.* (*В кувшине нет молока. – В холодильнике еще есть молоко*).

Притяжательные местоимения обозначают не только владение чем-либо и принадлежность в прямом значении этого слова, «…но и более отвлеченную “притяжательность” (*mein Lehrer*, *meine Frau*) или такую соотнесенность с лицом, которая означает нечто характерное, привычное для кого-либо состояние, действие, явление: «*Er hat heute seinen Spaziergang noch nicht gemacht. ...Heute hätte er beinahe seinen Bus verpasst. Sie kann in ihrem 5. Monat nicht einmal ihr Zimmer ausfegen?*» [Девкин 1965, с. 265].

Некоторые местоимения в составе сложных слов утрачивают свое первичное значение: *Sie war seinerzeit eine bekannte Schauspielerin.* (*В свое время она была известной пианисткой*).

Нет связи с первым лицом у сложных слов *meinetwegen*, *meinethalben*:

Meinetwegen soll er kommen. – Не возражаю, пусть он придет.

Meinetwegen macht, was ihr wollt. – Я не против, делайте, что хотите.

Местоимение *alles*, употребляемое вместе с вопросительными местоимениями, утрачивает свою основную функцию и превращается в усилительную частицу:

Wen alles hast du gefragt? – Кого же ты спрашивал?

Was es nicht alles gibt! – Чего только нет!

Ich habe Gott weiß wen alles gefragt! – Боже мой, кого я только не спрашивал!

Подобную ситуацию можно наблюдать и с местоимением *selbst*, которое в определенных конструкциях выступает как усилительная частица: *Selbst seine Freunde haben ihn im Stich gelassen.* (*Даже его друзья оставили его на произвол судьбы*).

Субстантивация местоимений

В разговорной речи можно наблюдать весьма выразительное превращение местоимений в слова знаменательные или полузнаменательные. Например, местоимения *er*, *sie* могут субстантивироваться:

Der Hund ist ein Er. (самец) Hier sind Handtücher, Wäsche und Zigaretten für Sie (она) und Ihn (он).

Helga ist ein Er – Sie – Es. – Хельга – солдафон.

Wer sein (*быть видным человеком, добиться чего-либо*): Er ist ja Wer, er kann sich das leisten.

das Nichts (*ничто*, *ничтожество*): Sein Werk ist ein Nichts. – Его произведение ничего из себя не представляет.

nichts sein (*ничего не достигнуть*, *быть никем*): Sie ist eine bekannte Schauspielerin, ihr Mann ist aber nichts. – Она известная актриса, а ее муж ничего из себя не представляет.

Wenn du heute krank bist, dann ist es wohl heute nichts mit unserem Ausflug. – С поездкой за город, наверное, ничего не получится.

Субстантивированное местоимение etwas имеет значение «нечто неопределенное, загадочное»:

Sie hat das gewisse Etwas. Daher kommt ihr Erfolg bei den Männern. – В ней что-то есть. Поэтому она имеет успех у мужчин.

Sie lächerliches Etwas! Wer soll Ihnen das schon glauben! – Вы нелепое нечто! Кто вам поверит!

Местоимение *wenig* с помощью суффиксации превращается в *Wenigkeit* и образует с местоимением *meine* устойчивое словосочетание *meine Wenigkeit – ваш покорный слуга*: *Ich beanspruche für meine Wenigkeit nur ein Stück Kuchen*.*– Моя скромная персона претендует на кусочек пирога*.

Субстантивироваться могут притяжательные местоимения: *Er fährt zu den Seinigen* (*к его родственникам*). *Sie hält das Ihrige fest zusammen. Sie haben das Ihrige* (*имущество*) *schwer erarbeitet. – Они тяжело наживали свое имущество*.

В. Д. Девкин указывает на ослабление местоименного значения в таких конструкциях *как vom Sie zum Du übergehen*, *das steife Sie lassen*. «Здесь субстантивированное *Sie* (или *Du*) означает вполне конкретное понятие, не нуждающееся в обязательной для истинного местоимения соотнесенности с ситуацией, а именно “обращение на вы (или на ты)”. Другие субстантивации местоимений также сопровождаются усилением их знаменательности: *Wir entwickeln uns vom Ich zum Wir. Mein zweites Ich.* (двойник). *Sein besseres Ich siegte.* (Победили добрые побуждения)» [Девкин 1965, с. 267].

Заключение

Таким образом, в лексической сфере разговорной речи выявляются определенные закономерности, характеризующие ее своеобразие, отличающие ее от речи подчеркнуто литературной. В частности, к ним относится активное употребление местоимений, так как для разговорной речи характерны спонтанность, конкретность, ситуативность, тесная связь с обстановкой, наличие общего опыта собеседников, при этом речевые высказывания могут подкрепляться (или заменяться) мимикой.

В разговорной речи местоимения употребляются весьма активно, и их функционирование отличает характерное отклонение от традиционных зафиксированных в грамматике правил употребления. Они выполняют в разговорной речи особые, вторичные функции. Реализуемые значения местоимений отличаются от традиционных значений, что придает речи особое, неповторимое своеобразие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М. : Высшая школа, 1990. [Brandes, M. P. (1990). Stilistika nemetskogo yazyka (German Stylistics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М. : Айрис Пресс, 1999. [Golub, I. B. (1999). Stilistika russkogo yazyka (Russian Stylistics). Moscow: Airis Press. (In Russ.)].

Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М. : Международные отношения, 1965. [Devkin, V. D. (1965). Osobennosti nemetskoi razgovornoi rechi (Special features of the German spoken language). Moscow: Mezdunarodnye otnosheniya. (in Russ.)].

Девкин В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М. : Русский язык, 1994. [Devkin, V. D. (1994). Nemetsko-russkii slovar razgowornoi lexiki (German-Russian dictionary of colloquial speech). Moscow: Russkii yazyk. (In Germ. Russ.)].

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М. : Флинта, 2012. [Kozhina, M. N. (2012). Stilistika russkogo yazyka (Russian Stylistics). Moscow: Flinta. (In Russ.)].

Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. М. : Высшая школа, 1988. [Shendels, E. I. (1988). Prakticheskaya grammatika nemetskogo yazyka (Practical german grammar). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

УДК 811.112.2 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_70

Ю. М. Казанцева

кандидат филологических наук, профессор
заведующая кафедрой грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
julia.kasanzeva@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМПРЕССИИ ТЕКСТОВЫХ СТРУКТУР

Рассматриваются языковые средства компрессии текстовых структур в поверхностной структуре текста, представляющие собой вербализацию последовательных уровней развертывания пропозиционного концепта в текстах энциклопедического дискурса (хронологические таблицы, словарные статьи в энциклопедических словарях и т. п.), описываются особенности вербализации темпоральной, локальной, персональной, референтной и модальной структур данных текстов.

Ключевые слова: текстовая структура; поверхностная структура; пропозиция; пропозиционный концепт; предикация; компрессия; субъектно-предикатная структура.

J. M. Kasanzeva

PHD (Philology)
Professor at the Department of Grammar and History of German
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University
julia.kasanzeva@gmail.com

LANGUAGE MEANS OF COMPRESSING TEXT STRUCTURES

The article discusses language means of compressing surface text structures that are actualized as a verbalized continuum of propositional concept in encyclopedic discourse (chronological charts, encyclopedic dictionaries etc.), verbalization of temporal, local, referential and modal text structures are described.

Key words: text structure; surface structure; proposition; propositional concept; predication; compression; subject-predicate structure.

Введение

Современные подходы к анализу текстовых структур являются продолжением синтаксической теории как учения о предложении / высказывании и его категориях. Особое внимание в данном контексте необходимо уделить взаимозависимости и взаимосвязанности морфологического и синтаксического уровней в тексте, вербальном компоненте

дискурса как единственной лингвистической сущности, доступной непосредственному анализу. Расширение сугубо структурного подхода к интерпретации предложения как единицы языка, обращение к функциональному аспекту предложения, понимание функции не только как значения, но и прагматического эффекта, выводит рассмотрение предложения на уровень языкового употребления. На передний план выходят информативные и функциональные аспекты предложения / высказывания, которые наиболее полно проявляются в составе единицы более высокого уровня – текста. При этом все текстовые категории выступают как завершающие звенья восходящей цепи от морфологии (глагольные категории лица-числа, времени, наклонения; категория определенности / неопределенности существительного) к синтаксису (комплексная категория предикативности, категория референции) и к тексту (темпоральная, локальная, персональная, референтная, модальная текстовые структуры). Актуальным остается и логическое направление в синтаксисе, обращенное к структурным и семантическим типам предложения – «глубинному синтаксису» (О. И. Москальская), предоставляющему возможность содержательной интерпретации моделей предложения на основе понятий «семантическое ядро предложения», «пропозициональный концепт», «пропозиция».

Теоретические предпосылки исследования

Предметом рассмотрения в данной статье являются речевые произведения типа хронологических таблиц (Zeittafel), статей в энциклопедических словарях, кратких биографических описаний, к которым мы в преподавательском обиходе прибегаем либо в курсе теоретической грамматики для иллюстрации значений форм настоящего времени (вневременной презенс), либо в курсе практической грамматики, предлагая студентам в качестве задания развернуть предложенную информацию в связный текст:

5–6 Jh. Germanische Staaten auf dem Gebiet des weströmischen Reiches; älteste Volksgesetze Zwischen Rhein und Elbe Stämme der Alemannen, Franken, Sachsen, Thüringer, Bayern Bestand gewinnt das Reich der Franken, die sich vom Niederrhein her über Gallien ausbreiten.

482–511 Chlodwig macht sich zum Alleinherrscher der Franken, macht Paris zur Hauptstadt. Römisch-katholisch getauft. Franken und Galloromanen verschmelzen miteinander… (*Reise in die Romanik*)

Как мы видим, в приведенном фрагменте «соседствуют» как словосочетания, так и полные предложения, можно даже проследить некоторые структурные связки (*Bestand gewinnt*), создается впечатление, что мы имеем дело с проспектом или планом будущего текста, т. е. каким-то уровнем порождения окончательного связного высказывания.

Процесс порождения текста в различных теоретических построениях (синтаксическая семантика, функционально ориентированная лингводидактика, когнитология) предстает как сложный многоуровневый процесс, по завершении которого результаты индивидуальной мыслительной деятельности предстают, по словам В. Б. Касевича, в общезначимых формах. Общепринято различать три фазы или три уровня порождения высказывания, которые идентичны по существу, но могут незначительно различаться терминологически: фазы планирования (концептуализации), формулирования и артикуляции.

Как представляется, фаза планирования высказывания определяет в конечном счете степень «развернутости» предикации, что в анализируемых нами текстах проявляется в сочетании (1) свернутой и (2) полной предикации:

(1) Römisch-katholisch getauft.

(2) Franken und Galloromanen verschmelzen miteinander…

Вследствие того обстоятельства, что тексты подобного рода (хронологические таблицы в исторических изданиях, краткие словарные статьи в энциклопедических словарях по отдельным видам искусства и т. п.) имеют общие структурные признаки и типизированные средства передачи текстовых структур, можно говорить об особом жанре, назовем его жанром энциклопедического дискурса. Для интерпретации данных текстов представляется целесообразным обратиться к теориям семантики предложения (пропозиция), семантической валентности, теории текстовых структур (языковые средства текстовых структур, их удельный вес в полной и компримированной предикации), дискурсивным аспектам текста (опора на знание о мире).

Понятие «пропозиция» определяется, как правило, в соотношении с другими аспектами высказывания (содержание высказывания и его прагматический компонент), а именно: как та часть предложения, которая остается после вычитания из него прагматического компонента – представления об иллокутивной силе. И. Б. Шатуновский отмечает

косвенный характер определение пропозиции, поскольку семантическая специфика пропозиции определяется через ее возможный денотат: «Важнейшим структурным свойством пропозиции является то, что она представляет собой соединение, комбинацию представлений, концептов», иными словами свернутую информацию об описываемой ситуации, положении дел и т. п. [Шатуновский 1996, с. 23]

Таким образом, обращаясь к поверхностной структуре анализируемых текстов можно говорить о языковых средствах компрессии текстовых структур. В то же время, обращаясь к процессам порождения текста, можно говорить об уровнях, ступенях развертывания пропозиции (свернутая и полная предикация) при вербализации текстовых структур. Как отмечает Л. А. Ноздрина, к последним относятся пять текстовых параметров, входящих в «семантико-смысловую структуру» сообщения / текста: темпоральная, локальная, персональная, референтная, модальная [Ноздрина 2009, с. 5].

Языковые средства развертывания пропозиции в тексте

При исследовании компрессии текстовых структур представляется целесообразным обратиться к двум основополагающим работам О. И. Москальской «Проблемы системного описания синтаксиса» (1974) и «Грамматика текста» (1981), поскольку целый ряд положений, сформулированных О. И. Москальской, позволяет проследить диалектику взаимоотношений основных синтаксических структур – словосочетания, предложения и текста – в плане передаваемых ими значений. Эта диалектика, согласно О. И. Москальской, «заключается в том, что составляющие синтаксической структуры несут в себе те структурные черты и те элементы категориальных значений, которые реализуются в синтаксической единице более высокого уровня» [Москальская 1974, с. 10–11].

Прежде всего, следует упомянуть, что в работе «Проблемы системного описания синтаксиса» О. И. Москальская, опираясь на семиотику, обосновывает наличие у предложения наряду с когнитивным и коммуникативным аспектами ***номинативного аспекта***. Согласно этой точке зрения предложение является сложным знаком по отношению к простым знакам – словам, номинацией особого рода, «денотатом которой является не предмет, а целая ситуация. С этой точки зрения предложение является высшей единицей, полным знаком

непосредственно соотносящимся с ситуацией» [Москальская 1974, с. 9–10]. В этой связи О. И. Москальская обращается к понятию «пропозиция», или «пропозициональный концепт», и приводит определение Филлмора: «Под пропозициональным концептом предложения или пропозиционной номинацией понимается номинация события, состоящая из глагольного ядра и его именных спутников, или аргументов, охарактеризованных по их семантической роли относительно предиката» [там же, с. 10].

В дальнейшем изложении О. И. Москальская уточняет понятие пропозиционной номинации и отмечает, что ее основой являются «не события и факты действительности, как утверждают создатели учения о «пропозиционной номинации», а отражение человеческим сознанием обобщенных моделей фактов и ситуаций», изучаемых в синтаксической семантике [там же, с. 12].

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что О. И. Москальская вводит в рассмотрение данного понятия процессуальный аспект и говорит о «комбинаторных операциях, связанных с номинативной функцией предложения (и словосочетания)» и направленных на формирование «пропозиционального концепта» предложения (и словосочетания) [там же, с. 10–11]. Иными словами О. И. Москальская усматривает параллелизм в номинативных функциях словосочетания и предложения и считает возможным относить к обеим единицам понятие «пропозиционный концепт».

В целом ряде работ когнитивного направления (В. Б. Касевич, Э. Шток, М. Гаррет, М. Левельт, Е. Херрман и др.) понятие «пропозициональный концепт» также соотносится с порождением высказывания, а именно, его планированием или концептуализацией. По согласованному мнению исследователей задачей данного этапа является активирование релевантной информации относительно темы текста, определение коммуникативной задачи или целеустановки, ориентация на целевую аудиторию, учет коммуникативной ситуации и т. п.

Таким образом, можно утверждать, что минимальной семантической единицей относительно содержания текста является пропозиционный концепт, что подтверждается работой О. И. Москальской «Грамматика текста».

В разделе «Приемы анализа реляционной структуры текста», т. е. его логико-семантической структуры, О. И. Москальская в качестве основного приема называет канонизацию или нормализацию

составляющих текста через сведение их к единой форме, к элементарным пропозициям, имеющим форму простой (неосложненной) субъектно-предикатной структуры: *одно предложение – одна пропозиция – одно событие* [Москальская 1981, с. 70].

В этом контексте целесообразно перейти к анализу интересующих нас текстов:

> ***Friedrich Wilhelm August Fröbel***
> ***Kommt, lasst uns unseren Kindern leben***
>
> Am 21.4.1782 als sechstes Kind eines Pfarrers in Oberweiß geboren; Lehre als Förster in Stadtilm, Studium in Jena, später in Berlin; Naturwissenschaften und Geschichte, Mathematik, Baukunst; orientalische Sprachen
>
> 1816 Gründung der „Allgemeinen Deutschen Erziehungsanstalt“
>
> 1837 Rückkehr von einem Aufenthalt in der Schweiz; Erkennen des Spiels als „Schlüssel zur Außenwelt“ und als „Mittel zur Weckung der Innenwelt“; Entwicklung von „Spielgaben“: Kugel, Walze, Würfel, Kegel
>
> 1839 Eröffnung einer Spiel- und Beschäftigungsanstalt im „Haus über dem Keller“ in Bad Blanckenburg.

Возможно ли данное речевое произведение, содержащее как полные, так и не полные предложения, свести к элементарным пропозициям? Безусловно, поскольку словосочетание, как и предложение, является номинативной единицей первого уровня комбинаторных операций, направленных на формирование пропозиционных концептов, подлежащих преобразованию на следующем, более высоком уровне комбинаторных операций.

В качестве следующей группы комбинаторных операций О. И. Москальская выделяет: комбинаторные операции, связанные с когнитивной и коммуникативной функциями предложения, т. е. с оформлением предложения как единицы высказывания и с дальнейшей дифференциацией структуры предложения по видам высказывания.

В данном случае на первый план выходят категории, актуализирующие высказывание, прежде всего категория предикативности, или соотнесения высказывания с действительностью, реализующаяся в более частных категориях синтаксического времени, модальности, утверждения / отрицания, категории целеустановки высказывания.

К данному этапу относятся операции, связанные с выявлением актуального членения, анафоры и пролепсиса, временного и модального планов текста, тематической последовательности (развертывания)

текста и др. [Москальская 1974]. Таким образом, именно на этом этапе автор текста прибегает к языковым средствам выражения текстовых структур: грамматическим категориям, синтаксическим структурам, средствам выражения коммуникативной и структурной преемственности текста.

Соответственно, возникает вопрос, в какой мере можно говорить о выраженности названных категорий в приведенном выше фрагменте биографической справки? Какими языковыми средствами они передаются? Выражена ли категория синтаксического времени, модальности? Можно ли говорить об актуальном членении? С одной стороны, очевидно, что словосочетание предложением не является, именно потому что ему не свойственны такие категории уровня предложения, как предикативность и референция.

Но вряд ли мы согласимся с утверждением, что в данном речевом произведении его структурные элементы имеют только номинативную функцию. Более того, представляется оправданным говорить в данном случае об особом типе текста, в котором в том или ином виде передаются основные текстовые категории и структуры, а именно: темпоральная, локальная, персональная, референтная и модальная. С теоретической точки зрения это оправдано тем обстоятельством, что и словосочетание, и предложение сводимы к элементарным пропозициональным концептам, т. е. словосочетания также содержат в себе в свернутом виде «зародыши» будущего текста.

Рассмотрим следующий текст, словарную статью из лексикона «Wörterbuch der Architektur»:

> **Semper, Gottfried, dt.** Arch.u.Theoretiker (1803 Hamburg – 1979 Rom) Studium in Göttingen, München u. Paris, Schüler von → F.v.Gärtner, Franz Christian Gau (1790–18539 U. → J.I.Hittorf. Aufenthalte in Frankheit, Italien u. Griechenland. 1834 Prof. an der Dresdner Akademie. Wegen aktiver Teilnahme an der Märzrevolution Flucht nach London, tätig als Lehrer für Kunstgewerbe. 1855–71 Prof. an TH Zürich, dann in Wien. Vertreter des Überganges vom Spätklassizismus zur → Neorenaissance, Hauptwerke: Opernhaus (1.Bau 1838–41, 2. Bau 1971–78), Synagoge (1839), Villa Rosa (1839), Palais Oppenheim (1845) u. Gemäldegalerie (1847–54), sämtlich in Dresden. Neue Hofburg (1872ff.) u. Burgtheater (1873) in Wien, bedeutende theoretische Werke, orientiert auf zweckvolle Konstruktion, mit nachhaltigem Einfluss auf das Bauen des 19.Jh. (*Wörterbuch der Architertur 1980*).

В анализируемой словарной статье можно наблюдать такие средства выражения темпоральной и локальной структур текста, как многочисленные обстоятельства времени и места (годы, места пребывания). Сами глагольные действия представлены существительными (*Studium*, *Aufenthalte*, *Vertreter*) и благодаря лексическим средствам локализуются во времени и пространстве.

Примечательно, что принятые сокращения в зависимости от контекста, могут поясняться различными выражениями, например: *Stud.*: *Studium*, *Student*; *R*: *Regie*, *Regisseur*, при этом все они называют действия или события.

Наиболее частым средством свертывания субъектно-предикатных структур, и тем самым компрессии темпоральной структуры является номинализация и образование многокомпонентного субстантивного блока, включающего в себя отглагольное существительное со значением активного или пассивного залогов и указание на производителя или причину действия (агенс):

Universitätsbibliothek Heidelberg. Wichtige Daten zur Geschichte

1386 Gründung der Universität durch Kurfürst Ruprecht I. von der Pfalz, ca. 700 Handschriften

1436 Vergrößerung der in der Heiliggeistkirche aufgestellten Stiftsbibliothek durch eine Schenkung Ludwigs III. von der Pfalz

1556–59 Regierung des bibliophilen Kurfürsten Ottheinrich: Vereinigung der Schlossbibliothek mit der Stiftsbibliothek zur berühmten „Bibliotheca Palatina“ oder „Kurfürstlichen öffentlichen Bibliothek“

Следующим языковым средством выражения темпоральной характеристики текстов данного типа являются именные формы глагола – инфинитив I, I причастие и II причастие, передающие соответственно отнесенность действия к настоящему (в широком смысле слова) и прошедшему, причем в последнем случае в зависимости от значения глагола речь может идти либо об активной, либо пассивной структуре предложения:

Idealentwurf. Möglichkeit zur Veranschaulichung von Vorstellungen über künftige gesellschaftliche Verhältnisse mit Hilfe gezeichneter oder modellierter Raumstrukturen. In der Geschichte oft *angewendetes* Mittel, über architektonische Lösungswege ***entwicklungsfördernden, verändernden oder hemmenden Einfluss einzuüben*** (*Wörterbuch der Architertur*, *1980*).

В данном фрагменте можно выделить следующие пропозиции: *Idealentwurf*: *wurde / wird angewendet*; *übt einen Einfluss aus*; *der Einfluss fördert Entwicklung*; *der Einfluss verändert*, *der Einfluss wirkt hemmend.*

При анализе языковых средств выражения темпоральной структуры словарных статей можно отметить также наличие обоих видов предикации: свернутой (именные единицы) и развернутой (временные формы глагола):

Gedda, Nicolai, geb. 11.7.1925 Stockholm; schwed. Tenor- Sein Vater, M. Ustinow, war russ. Emigrant, die Mutter Schwedin. Die Fam. Lebte 1928/36 in Leipzig, wo der Vater Kantor der russ.-orthodoxen Gemeinde war; hier erste misik. Ausbildungs ab 1936 in Schweden; nach dem Abitur Lehre als Bankkaufmann (Opernlexikon, 1978).

В этом и аналогичных текстах можно усмотреть связь средств выражения темпоральной структуры с референтной структурой: свернутые пропозиции должны относиться к одному и тому же референту (Gedda), в противном случае автор прибегает к развернутой предикации (sein Vater, die Familie), при этом четко обозначается временная отнесенность действия (в данном случае к прошедшему).

Преобладание именных частей и форм речи (свернутых пропозиций) при выражении темпоральных отношений создает эффект вневременности, не соотнесенности с конкретной коммуникативной ситуацией, в отличие от полной предикации. В этом отношении примечательно употребление временных форм: 1) атемпоральный презенс, 2) претерит в следующем фрагменте приведенного ранее текста о педагоге Фребеле:

Am 21.6.1852 gestorben, (1) *wird* Fröbel in Schweina *beigesetzt*.

Sein 200. Geburtstag (2) wurde auf Vorschlag der DDR in den UNESKO-Gedenkkalender aufgenommen.

Как известно, в подобном употреблении презенс не соотносит событие с настоящим временем, но только называет его, что в данном типе текста роднит его с отглагольными существительными. В завершающем предложении претерит употреблен для обозначения события более позднего по времени, при этом читатель сразу замечает смену точек зрения, а также смену референта.

Персональная и референтная структуры текста строятся вокруг текстового референта, вводимого в названии словарной статьи или в заголовке текста «Friedrich Wilhelm August Fröbel», «Universitätsbibliothek Heidelberg», «Idealentwurf», и в дальнейшем тексте не именуемого. Основной тип введения текстового референта – определенная идентифицирующая референция:

Französischer Garten, auf dem Vorbild regelmäßiger röm. Gartenanlagen basierender Park des 17.–18. Jh. Typische Anlage des Barock. Gekennzeichnet durch die zentrale, zum Schloss im Mittelpunkt der Gesamtkonzeption führende Hauptallee, parallele oder strahlenförmige Nebenachsen, Rondelle, geometrisch geschnittene Baum- u. Heckenpflanzungen, Labyrinthe, Kaskaden, Wasserkanäle, Sprungbrunnen und Plastiken (*Wörterbuch der Architertur*, *1980*).

В целом для текста характерно опущение артикля (*Typische Anlage*), если существительное соотносится с текстовым референтом. В других случаях употреблен определенный артикль (*durch die zentrale*, *zum Schloss im Mittelpunkt der Gesamtkonzeption führende Hauptallee*) при ситуативной обусловленности (парк вокруг замка) и нулевой артикль при существительных во множественном числе (*parallele oder strahlenförmige Nebenachsen*, *Rondelle...*).

При полной предикации в ряде синтаксических структур, например, в придаточных определительных, следующее за текстовым референтом тематическое выражение (*die mit Ikonen behangene Trennwand*) употребляется с определенным артиклем:

Ikonostas (Ikonostasis) (griech.), die mit Ikonen behangene Trennwand im Ostteil griech.-katholischer u. Orthodoxer Kirchen, die das Allerheiligste mit dem Altar vom Gemeinderaum scheidet u. nur an besonderen Feiertagen durch 1-3 Türen für die Gläubigen sichtbar macht (*Wörterbuch der Architertur*, *1980*).

Модальная структура текста, тесно связанная с явлением предикации, как правило, не эксплицируется, поскольку сама предикация за редким исключением представлена либо существительными, либо именными формами глагола. Однако, исходя из того факта, что все тексты данного типа относятся по своей функции к информирующим, можно говорить об имплицитно представленной модальности действительности.

В целом можно утверждать, что наибольшей эксплицированностью обладают средства передачи локальной и темпоральной характеристик текста, референтная и модальная структуры одноплановы и не обнаруживают вариаций.

Заключение

В заключение представляется возможным утверждать, что во всех проанализированных случаях мы имеем дело с целыми речевыми произведениями, основанными на компрессии универсальных текстовых структур, при этом особенности их построения и языкового оформления обусловлены прагматически: дать краткую, но исчерпывающую информацию о предмете сообщения. Для текстов энциклопедического дискурса характерно преобладание функции номинации лиц, событий, при этом их соотнесенность вытекает из знания правил распределения информации в тексте: в словарной статье дается дефиниция понятия; в хронологической таблице указываются даты, действующие лица, в частности, и таким образом: *814–840 Ludwig der Fromme*, и читателю предстоит самому определить, о чем идет речь, о времени жизни или периоде правления и т. п.

Информирующий характер проанализированных текстов предопределяет и преобладание среди языковых средств компрессии свернутых субъектно-предикатных структур, именных частей речи (отглагольные существительные) и именных форм (инфинитивы и в большей мере причастия переходных и непереходных глаголов для различения активного и пассивного залогов действия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Москальская О. И. Грамматика текста. М. : Высшая школа, 1981. [Moskalskaja, O. I. (1981). Grammatika teksta (Text Grammar). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].

Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М. : Высшая школа, 1974. [Moskalskaja, O. I. (1974). Problemi sistemnogo opisanija sintaksisa (Problems of systematic description of syntax). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)]

Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. М. : Дрофа, 2009. [Nosdrina, L. A. (2009). Interpretazija chudoshestwennogo teksta (Interpretation of literary text). Moscow: Drofa. (In Russ.)]

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. [Shatunovskij, I. B. (1996). Semantika predloshenija i nereferentnije slova (Semantic of Sentence and Non-referential Words). Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» (In Russ.)].

УДК 811.112.2 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_82**

Е. И. Карпенко, О. А. Тактаева

Карпенко Е. И., кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
elena_karpenko@list.ru

Тактаева О. А., аспирант
кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
oxanataktaeva@mail.ru

ПРИЕМЫ ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ЛАНДШАФТНЫХ ОПИСАНИЯХ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются приемы одушевления природных объектов и погодных явлений в динамических ландшафтных описаниях. Показано, что персонификация может рассматриваться в качестве прототипической категории, представители которой обладают разным набором признаков одушевленного объекта. На примерах из произведений классических и современных немецкоязычных писателей проиллюстрированы основные приемы персонификации и описан их стилистический потенциал.

Ключевые слова: ландшафтные описания; персонификация; когнитивная метафора; художественная литература; немецкий язык.

E. I. Karpenko, O. A. Taktaeva

Karpenko E. I., PhD (Philology), Associate Professor
at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University
elena_karpenko@list.ru

Taktaeva O. A., PhD Student
at the Department of Lexicology and Stylistics of German
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University
oxanataktaeva@mail.ru

TYPES OF PERSONIFICATION IN LANDSCAPE DESCRIPTIONS IN GERMAN LANGUAGE

The article is devoted to the methods of animating natural objects and weather phenomena in dynamic landscape descriptions. Based on the analysis, the authors conclude that personification can be considered as a prototypical category, which includes allegory, animation, and different types of pseudo-personifications. These types of personifications are identified and described in the works of classical and contemporary German-language authors. In addition, the authors discuss lexico-grammatical and stylistic potentials of different types of personification.

Key words: landscape descriptions; personification; cognitive metaphor; belles-lettres; German language.

Введение

Литературно-лингвистическое изучение описаний природы в художественной литературе (пейзажных, ландшафтных нарративов) многоаспектно: ученых Т. А. Гостеву (2007), Е. В. Серебряковв (2010), Е. В. Чистякову (2015) интересуют их формы и функции, способы и приемы концептуализации, роль в организации художественного текста, стилистический потенциал. В последнее время ландшафтные описания изучаются в связи с необходимостью разработки методов геопоэтической интерпретации категории художественного пространства [Карпенко, Любимова 2020]. Внимание к персонификации в данной статье обусловлено ее ролью в одной из ведущих композиционно-речевых форм ландшафтных нарративов, а именно в динамическом описании.

В стилистике персонификация традиционно рассматривается в качестве тропа, заключающегося в «перенесении человеческих свойств, признаков и действий на животные и растительные организмы, а также на неодушевленные предметы» [Ризель 2006, с. 158]. В то время как одни исследователи разделяют эту точку зрения, другие подчеркивают, что областью источником при персонификации являются свойства не только людей, но и любых живых существ. Такое понимание персонификации берет начало в античной риторике и развивается в современных литературоведении и стилистике, где также используются термины «очеловечивание» («Vermenschlichung») и «одушевление» («Verlebendigung», «Beseelung») [Sowinski 1999; Квинтилиан URL].

Лингвистам хорошо известно, что под понятие персонификации подпадают различные явления. В контексте теории концептуальной метафоры подчеркивается не только разнообразие доменов-источников

персонификации (свойства людей, животных, птиц, рыб, насекомых), но и исследуются различные направления переноса: человек → животное, человек → предмет, человек → явление природы, человек → абстрактное понятие [Lakoff, Johnson 1980; Bloomfield 1963; Серебрякова 2010; Третьякова 2014]. Внимание лингвистов привлекают смежные понятия, такие как аллегория и символическая аллегория. В отличие от персонификации аллегория – это не просто антропоморфное воплощение абстрактных идей и понятий: ей свойственны культурная значимость, интертекстуальность, дидактические черты [Ризель 2006].

В контексте лингвистического оформления следует отметить, что персонификация является не единственным приемом динамического описания объектов и явлений природы. Важная роль отводится глагольной многозначности, включая глагольную метафору [Bloomfield 1963]. При этом часто отграничение прямого употребления предикатов от переносного остается вопросом исследовательской интерпретации [Зализняк 2013]. Экспликация приемов динамического описания помогает более дифференцировано подойти к выявлению стилистических функций ландшафтных описаний в художественном тексте.

Целью данной статьи является систематизация приемов одушевления природных объектов и погодных явлений в динамических ландшафтных нарративах. Материалом исследования послужили ландшафтные описания, отобранные методом сплошной выборки из произведений классических и современных немецкоязычных писателей: Г. Гейне, З. Ленца, Ф. Дюрренматта, В. Г. Зебальда и др. Методами исследования являются анализ субъектно-предикатной структуры предложения, анализ концептуальной метафоры и стилистический анализ художественного текста.

Способы концептуализации субъекта в динамическом описании ландшафтов

Персонификация представляет собой когнитивную метафору и предполагает категориальный сдвиг в референции: неодушевленное → одушевленное или животное → человек. Традиционно употребляющиеся синонимически термины «персонификация» и «олицетворение» заставляют думать об источнике метафоризации как о лице – персоне – человеке. Однако воплощение неодушевленных объектов или абстрактных идей в индивидуализированном

человеческом образе, как в аллегориях *Gevatter Tod*, *Freund Lenz* свойственны фольклору, сказкам, басням, поэзии. В современной художественной прозе категориальный сдвиг при персонификации чаще всего осуществляется на основе одного или нескольких качеств одушевленного объекта. Хотя неодушевленный объект здесь не предстает в образе человека, он одушевляется по определенному фокусному признаку, обычно обладающему рядом коннотаций [Зализняк 2013; Шендельс 2006]. Очевидно, что категориальный сдвиг на основе концептуальной метафоры является необходимым условием персонификации. В случае глагольной многозначности вопрос о наличии категориального сдвига решается для каждого конкретного литературного контекста отдельно. Таким образом, персонификация может быть рассмотрена как прототипическая категория, представители которой обладают различным качественным и количественным набором прототипических признаков [Lakoff 1987]. Далее будут рассмотрены различные способы придания динамичности ландшафтным описаниям в немецкоязычной художественной литературе и описаны их стилистические функции.

Субъект-подлежащее (явление природы или объект ландшафта) + глагол физического (воз)действия

Как известно, характер физического (воз)действия требует активного производителя, поэтому формой выражения субъекта является одушевленное существительное в именительном падеже [Петрова 2002]. Постановка в позицию субъекта неодушевленного существительного способствует его концептуализации как «фиктивного деятеля». Чем больше усложняется ситуация, тем более «контролируемым» становится совершаемое действие и тем более активным представляется субъект. Ср. в примерах (1), (2) и (3):

(1) Der Wind brauste. – Ветер шумел.

(2) …und manchmal, nur in unvermittelten Stößen, *brauste der Wind über die Lichtung her*, Laub tanzte auf, raschelte, und dann war es wieder still (*F. Dürrenmatt. Das Versprechen*). – …изредка на прогалину налетал внезапный порыв ветра, листва кружилась, шурша, и снова всё стихало (*Ф. Дюрренматт. Обещание*, *пер. Н. Г. Касаткиной*).

(3) Feller hatte sich in der Nähe des Waldweges hinter einem Gesträuch postiert, wo er im Schatten lag, vor sich hin döste in der sommerlichen

Herbsthitze und einmal auch so heftig schnarchte, dass *der Wind sein Schnarchen über die Lichtung hinwehte*… (*F. Dürrenmatt. Das Versprechen*). – Феллер расположился в тени за кустарником и так разомлел от запоздалой летней жары, что разок даже громко всхрапнул, и ветер разнес его храп по прогалине… (*Ф. Дюрренматт. Обещание*, *пер. Н. Г. Касаткиной*).

При включении в ситуацию пространственного ориентира *über die Lichtung her – на прогалину* (в примере 2) и при появлении «участника» ситуации, на которого оказывается воздействие *sein Schnarchen – его храп* (в примере 3), неодушевленное подлежащее *der Wind – ветер* воспринимается как «целенаправленный деятель» [Ирисханова 2014, с. 185; Богуславская 2000; Болдырев 2000]. По сравнению с примером (1) ситуации в примерах (2) и (3) являются более динамичными. Ср. пример (4) и более динамичный пример (5), в котором благодаря зевгме появляются совместимые лишь в юмористическом контексте объекты воздействия, *die Hitze – жара* и *die Hüte – шляпы*:

(4) Der Wind wehte. – Дул ветер.

(5) Anfang Oktober *wehte* der erste Herbstwind *die Hitze* aus den Straßen und *die Hüte* von den Köpfen der Passanten (*R. Seethaler. Der Trafikant*). – В начале октября первый осенний ветер сдувал жару с улиц и шляпы с головы прохожих (*пер. наш. – Е. К., О. Т.*).

Глаголы *brausen* и *wehen* употребляются при этом в своих прямых значениях: категориального сдвига в неодушевленном подлежащем не происходит.

(Неполная) персонификация

В случае глагольной многозначности литературный контекст может менять восприятие стертых метафор, способствуя усилению персонификации неодушевленного объекта или метафоризации производимого им действия. Считается, что категориального сдвига не происходит в таких контекстах как *солнце встает* или *зима пришла*. Подтверждением тому служит лексикографическая практика («Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache»): в качестве примера переносного употребления первого (прямого) значения глагола *lecken – лизать* приводится: *Die Wellen lecken* (= bespülen) *das Ufer – Волны лижут* (= омывают) *берег*. Здесь стертая метафора не дает

представления о субъекте, совершающем контролируемое действие. В таких случаях говорится о неполных персонификациях или псевдоперсонификациях [Bloomfield 1963]. В примере *der Sturm schleuderte das Schiff gegen ein Riff* значение глагола *schleudern – швырять*, *кидать* в вышеуказанном словаре рассматривается в качестве прямого.

Несмотря на то, что нет оснований считать неполные персонификации тропами, в литературном тексте они также несут стилистическую нагрузку. Интерпретация стертых глагольных метафор может меняться, если их рассматривать в полной синтагме, ср.:

(6) Alles war an seinem Platz, aber alles sah anders aus jeden Tag, unter verändertem Licht, unter verändertem Himmel, mit wie vielen Überraschungen konnte allein *die Nordsee aufwarten*, die bei der Hinfahrt noch breit, *fast verschlafen den Strand leckte*, auf der Rückfahrt dann taumelige Wellen aus grünblauer Tinte gegen die Buhnen *schleuderte* (*S. Lenz. Deutschstunde*). – Всё было на месте, и всё каждый день выглядело иначе, в изменившемся освещении, под изменившимся небом, а сколько сюрпризов готовило мне Северное море: когда я ехал в школу, еще распластанное, почти сонное, оно лизало прибрежный песок, а при моем возвращении, бушуя и вздымаясь, швыряло о буны зелено-синие чернила волн (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*).

Данный контекст передает эмоциональное восприятие Северного моря рассказчиком-подростком в автодиегетическом нарративе. Предикат *mit vielen Überraschungen aufwarten – готовить сюрпризы* имплицирует одушевленный объект и определяет дальнейшее восприятие моря как «деятеля с богатой фантазией». Удивление рассказчика вызвано контрастом между спокойным утренним и бушующим послеполуденным морем, переданным при помощи двух, на первый взгляд, стертых метафор: *lecken – лизать* и *schleudern – швырять*. При этом в структуру предиката *lecken* входит обстоятельство *verschlafen – сонно*, имплицирующее лицо. В контексте персонифицированного контраста и второй элемент антитезы (*verschlafen*) *lecken – schleudern* воспринимается как энергичное движение изменчивого «деятеля» – моря. Возможна и другая интерпретация события, разворачивающегося перед взором юного рассказчика. Обстоятельство *verschlafen* может быть направлено не на персонифицированное восприятие моря (хотя это и предопределяется предикатом *mit vielen*

Überraschungen aufwarten – готовить сюрпризы), а на метафорическое восприятие производимого им действия, сообщая последнему дополнительные характеристики: море омывало прибрежный песок тихо, спокойно, медленно так, как производит действия человек спросонья. По мнению М. Блумфильда, образные глагольные метафоры ошибочно интерпретируются как персонификации. В терминологии автора они называются одушевленными метафорами (*simple animate metaphors*) [Bloomfield 1963, с. 164].

Следует отметить, что во многих случаях отграничение описанных выше псевдоперсонификаций от прямого употребления предикатов остается дискуссионным и еще более усложняется, если последние выражены глаголами физического воздействия. Например:

(7) Schräg stehen die Warntafeln unten am verlassenen Strand; *Eisschollen haben sich an den Pfählen gescheuert und sie dabei gelockert*, *das Hochwasser hat nachgedrückt, der Wind hat sie schiefgeweht*, so daß die Wassersportler, die die Warnung vor allem betrifft, schon den Kopf schräg legen müßten, um zu erfahren, daß jedes Anlegen, Festmachen und Zelten auf unserer Insel verboten ist (*S. Lenz. Deutschstunde*). – На пустынном берегу покосились таблички с предостерегающими надписями, прибившийся лед расшатал столбы, полая вода довершила дело, а ветер их накренил, так что любителям водного спорта, к кому эти надписи обращены в первую очередь, приходится сильно нагнуть голову, чтобы прочесть, что причаливать, швартоваться и разбивать лагерь на этом берегу строго воспрещается (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*).

Данный контекст описывает «слаженную работу» льдин, прилива и ветра по расшатыванию предупреждающих знаков на пляже. Один из четырех предикатов *sich scheuern – тереться* создает впечатление активного самостоятельного воздействия на объект (предупреждающие знаки) за счет возвратной частицы *sich*, предполагающей определенную самостоятельность, внутреннюю силу субъекта, действие которого она характеризует; а также благодаря появлению в синтагме пространственного ориентира *an den Pfählen – о столбы* (т. е. льдины терлись о столбы, на которых были закреплены предупреждающие знаки). В синтагмах *die Eisschollen haben sie gelockert – льдины их расшатали* и *der Wind hat sie schiefgeweht – ветер их покосил* впечатление

направленного действия создается за счет прямых дополнений, обозначающих объект, на который направлено действие льдин и ветра. Если глаголы *nachdrücken – дожимать* и *schiefwehen – накренить ветром* употребляются в прямых значениях, то предикаты, описывающие «работу» льдин (*sich scheuern*, *lockern*), можно не без основания считать глагольными метафорами. То же самое относится к глаголам движения, употребляющимся в качестве (стертых) глагольных метафор, сравните:

(8) Die Koppeln waren leer, an den Drähten *liefen Tropfen* entlang und *sprangen ab* (*S. Lenz. Deutschstunde*). – Опустели выгоны, по проволоке бежали и отскакивали капли (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*).

Если предикат *liefen* (*капли* ***бежали***) является стертой метафорой, то глагол *abspringen – отскакивать* вполне может рассматриваться в качестве образной характеристики энергичного движения, с которым капли падали с проволоки на землю.

Довольно часто неодушевленный объект оживляется по минимальному количеству признаков живого существа (не всегда человека) или только по одному из них. В качестве «персонификатора» может выступать (отглагольное) прилагательное, причастие, находящееся в позиции определения к одушевляемому объекту, или наречие [Шендельс 2006]. По мнению М. Блумфильда, такие случаи также относятся к псевдоперсонификациям, поскольку из множества признаков антропонима в фокусе переноса оказывается только один [Bloomfield 1963]. Так, в примере (6) образ *шатающихся* (*вздымающихся*) *волн – taumelige Wellen* создается за счет отглагольного прилагательного *taumelig*, обычно характеризующего нетвердую походку больного человека. В примере (9) образ колышущейся поверхности реки уподобляется дыханию – *atmender Fluss*, ср:

(9) …und die Schiffsungetüme blasen ihr vitales Saurier-Gestöhn unruhig über die Stadt hin, in den eisig rosigen Frühnebel, den sonnenüberhauchten Silberdampf des *atmenden* Flusses hinein (*W. Borchert. Im Mai, im Mai schrie der Kuckuck*). – …Тревожный животный стон чудищ-пароходов разносится над городом, над льдисто-розовой утренней мглой, над серебристым дыханием реки (*В. Борхерт. В мае куковала кукушка*, *пер. Н. Ман*).

Чем больше признаков одушевленного объекта находятся в метафорическом фокусе, тем более полным становится персонифицируемый образ, например, образ реки Эльбы в следующем контексте, ср.:

(10) Ich… muß dem Strom zusehen, wie er von seinem Überfluß Eisschollen an unseren Strand abgibt, sie hinaufdrückt, *knirschend* höherschiebt bis zu den trockenen Schilfstoppeln, wo er sie *vergißt* (*S. Lenz. Deutschstunde*). (…Слежу, как мощная река подбрасывает берегу от своих щедрот избытки льда и со скрипом и скрежетом теснит их все выше до иссохших зарослей прошлогоднего камыша, да там и забывает) (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*).

Впечатление тяжелого физического труда, создаваемое усложненными конструкциями с глаголами физического воздействия *hinaufdrücken*, *höherschieben*, усиливается немецким деепричастием *knirschend – букв.* ‘со скрежетом’. Его частично идиоматизированное употребление в сочетании *mit Zähnen knirschen – скрежетать зубами* вызывает в воображении читателя представление о человеке, выполняющем тяжелую физическую работу, стиснув зубы. При этом окончание работы передано глаголом ментальной деятельности человека *vergessen – забывать*, завершающим образ не только трудящегося, но и мыслящего человека.

Усиливать персонификацию образа могут модальные глаголы, выражающие в прямом значении отношение субъекта действия к действительности; а также любые предикаты, относящиеся к ментальной, эмоционально-чувственной, социальной сферам человека, сравните:

(11) …die längliche Qualmwolke *will* nicht sinken, *will* sich nicht auflösen, weil *der Frost Streik ausgerufen hat* und darum *vieles unerledigt bleibt*, sogar *die Atemstöße bleiben sichtbar* (S. Lenz. Deutschstunde). (…продолговатое облачко отказывается погрузиться в воду или растворить в воздухе, да и многое нынче осталось незаконченным, оттого что мороз объявил забастовку, и даже дыхание застывает в воздухе клубочками пара) (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*).

Модальный глагол *wollen – хотеть* употребляется в усилительно-персонифицирующей функции, так как создает впечатление осознанного волеизъявления, целенаправленность действия, ср.: *Qualmwolke will nicht sinken – букв.* ‘облачко не желает садиться’.

Выражение *Streik ausrufen – объявлять забастовку* в отчасти юмористическом ключе персонифицирует мороз, при этом на концептуальном уровне часть признаков домена «забастовка» проецируется в домен «погодные явления». Мороз становится причиной ряда невыполненных действий: облачко не растворяется, дыхание застывает, многое остается незаконченным, подобно тому, как во время забастовки на предприятии останавливается весь производственный цикл.

Олицетворение

Очевидно, что олицетворение – это не просто одушевление или оживление неодушевленных объектов. Олицетворение, как следует из самого термина, подразумевает придание человеческого облика, лица не только неодушевленным объектам, но и живым существам, например, животным. В последнем случае (сдвиг животное → человек) перенос также может осуществляться по одному фокусному признаку, ср.:

> (12) Widerwillig beobachte ich die Krähen, die, scheint's, eine Verabredung bei Stade haben: von Wedel her, von Finkenwerder und Hahnöfer-Sand schwingen sie einzeln heran… (*S. Lenz. Deutschstunde*). С неприязнью наблюдаю я ворон, которые, видимо, уговорились собраться у Штаде: от Веделя, Финкенвердера и Ганёфер-Занда слетаются они поодиночке… (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*).

Данный прием характеризуется очеловечиванием (Vermenschlichung) одушевленного объекта: выражение *eine Verabredung haben – назначить встречу* (от *verbum dicendi sich verabreden – договариваться*) характеризует исключительно человеческую деятельность. Вороны, слетающиеся в небольшой городок Штаде с соседних островов, кажутся рассказчику одинокими прохожими, собирающимися на встречу в оговоренном месте.

Тем не менее олицетворение *par exellance* предполагает, что источником переноса является именно лицо, причем в сферу мишени попадает максимальное количество его признаков. Как считает М. Блумфильд, при персонификации имеет место индивидуализация, т. е. перенос большинства основных признаков лица (an individual human being) на неодушевленный объект [Bloomfield 1963].

Неслучайно хрестоматийными стали примеры персонификации-олицетворения из «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне, где лес оживает в образе большой и дружной семьи: тетушки-берёзы и отцы-буки,

радуясь, наблюдают, как резвится их милое дитя – горный ручей по имени Ильза. Важно, что у Г. Гейне данные олицетворения имеют дополнительные контекстуальные коннотации как средства сатиры и юмора [Ризель 2006]. Для современной художественной литературы более типичен перенос нескольких антропоморфных признаков на неодушевленный объект. В данном ландшафтном описании маркерами олицетворения являются: имя собственное; антропоним; соматизмы; личные и притяжательные местоимения; глаголы говорения, мышления, состояния, чувственного восприятия; модальные глаголы; возвратные глаголы; субстантивные, адъективные и адвербиальные элементы, обозначающие и/или выражающие эмоции и др. Чем больше признаков лица перенесено в сферу мишени и чем больше лексико-грамматических и стилистических маркеров аккумулировано в подобном амплификативном нарративе, тем более ярким является олицетворение, ср.:

(13) Oder der Wind: einmal pfiff er durch die Speichen und war vergnügt und wollte sich totlachen, wenn man ins Schleudern kam, dann warf er einem wütend den Regenumhang ins Gesicht oder ließ den Umhang flattern und schlagen oder schubste einen vom Deich (S. Lenz. Deutschstunde). (Или ветер: то посвистывает в спицах, смерть как доволен и готов хохотать до упаду, когда тебя заносит, то в бешенстве кидает тебе в лицо накидку или треплет ее и рвет, а то еще норовит спихнуть тебя с дамбы) (*пер. Р. М. Гальпериной и В. Н. Курелла*)..

Сильный ветер – непременное и одно из наиболее опасных погодных явлений североморского побережья Германии. Рассказчик-подросток в романе З. Ленца «Урок немецкого» воспринимает его как необузданного хулигана (*pfiff durch die Speichen – посвистывает в спицах*, *wollte sich totlachen – готов хохотать до упаду*, *warf einem – кидает в лицо накидку*), встреча с которым опасна для жизни (*schubste einen vom Deich – норовит спихнуть тебя с дамбы*). К маркерам олицетворения относятся личное местоимение (*er – он*), причастия I (*wütend – бешенстве*) и II (*vergnügt – доволен*) в предикативной и атрибутивной позициях, обозначающие противоречивые эмоции; модальный глагол волеизъявления *wollen – хотеть*; возвратный глагол, выражающий злорадство *sich totlachen – хохотать до упаду*; усложненные предикаты, выраженные стертой метафорой *der Wind pfiff – ветер свистел* и глаголами физического воздействия *ins Gesicht werfen – кидать в лицо*, *vom Deich schubsen – спихивать с дамбы*.

Ввод в ландшафтное описание различных маркеров эмоционального состояния подтверждает, что олицетворения («чистые персонификации» по Э. Г. Ризель) основываются не только на приеме наглядно-образной иллюстрации (Veranschaulichung), но и включают в себя элементы другого риторического приема, а именно оживотворения (Verlebendigung) [Berndt 2014].

Заключение

Как показало проведенное исследование, персонификация может рассматриваться в качестве прототипической категории, каждый представитель которой обладает различным набором прототипических признаков. Ядром категории являются олицетворения, воплощающие явления природы в человеческом образе. По мере удаления от ядра в персонификации уменьшается количество «одушевленных» признаков, лежащих в основе метафорического переноса. Явления природы, наделенные свойствами псевдоактивности, могут быть описаны как периферийные элементы данной категории, находящиеся на наибольшем удалении от ядра. Наименования природных явлений в сочетании с глаголами физического воздействия в прямом употреблении не входят в рассматриваемую категорию, хотя и наиболее приближены к ней особенно в контекстах с усложненной субъектно-предикатной структурой. Проанализированные приемы одушевления и псевдоодушевления явлений природы рассматриваются в качестве средств динамического описания ландшафтов в художественной литературе. Периферийные и пограничные элементы категории (наименования явлений природы и элементов ландшафта в сочетании с глаголами физического воздействия и глагольными метафорами) служат точечной (могут быть выражены одним лексико-грамматическим маркером) передаче природно-ландшафтных деталей динамического описания и основываются на риторическом приеме наглядно-образной иллюстрации. Олицетворения, аккумулирующие максимальное количество «одушевленных» признаков лица, представляют собой протяженные элементы нарратива, служащие динамическому одушевлению природы в ее живом, образном и субъективном восприятии рассказчиком-протагонистом. Включение глагольных, субстантивных, адъективных и адвербиальных

обозначений эмоций позволяет предположить в ландшафтных описаниях подобного типа сочетание риторических приемов наглядно-образной иллюстрации и оживотворения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богуславская О. Ю. Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных // Логический анализ языка. Языки пространств. 2000. С. 20–29. [Boguslavskaya, O. Yu. (2000). Dinamika i statika v semantike prostranstvennyh prilagatel'nyh (Dynamics and statics in the semantics of spatial adjectives). Logical analysis of language. Languages of spaces (pp. 20–29). (In Russ.)].

Болдырев Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. 2000. С. 212–216. [Boldyrev, N. N. (2000). Otrazhenie prostranstva dejatelja i prostranstva nabljudatelja v vyskazyvanii (Representation of figure's space and observer's space in a statement). Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv (pp. 212–216). (In Russ.)].

Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе. М. : Языки славянской культуры, 2013. [Zaliznyak, A. A. (2013). Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive. (Russian semantics in a typological perspective). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. (Focus games in a language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.)].

Карпенко Е. И., Любимова Н. В. Лингволитературное освоение географических пространств // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик : материалы Междунар. науч. конф. 2020. С. 137–140. [Karpenko, E. I., Lyubimova, N. V. (2020). Linguistic and literary description of geographic spaces. Science without borders: Synergy of theories, methods and practices: materials of the international scientific conference (pp. 137–140). (In Russ.)].

Квинтилиан М. Ф. Риторические наставления. Книга VIII. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1355678821 (дата обращения: 28.03.2021).

Петрова Л. А. Актанты семантической позиции глаголов физического действия // Культура народов Причерноморья. 2002. Вып. 27. С. 81–86. [Petrova, L. A. (2002). Aktanty semanticheskoj pozicii glagolov fizicheskogo dejstvija (Actants of the semantic position of verbs of physical action). Culture of the Black Sea Region volks, 27, 81–86. (In Russ.)].

Ризель Э. Г. Персонификация, аллегория, символ // Из научного наследия профессора Э. Г. Ризель = Aus dem wissenschaftlichen Nachlass von Professor

Elise Riesel: к 100-летию со дня рождения. М. : МГЛУ, 2006. С. 158–165. [Rizel, E. G. (2006). Personifikacija, allegorija, simvol. Iz nauchnogo nasledija professora Je. G. Rizel' = Aus dem wissenschaftlichen Nachlass von Professor Elise Riesel: k 100-letiju so dnja rozhdenija. (Personification, allegory, symbol). From the scientific heritage of Professor E. G. Riesel (pp. 158–165). Moscow: MSLU. (In Russ.)].

Третьякова Е. В. Метафора и персонификация: иерархия отношений (на примере рекламного и туристического дискурса Германии) // Вестник иркутского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 1 (26). С. 111–116. [Tretiakova, E. V. (2014). On metaphor and personification: hierarchy of relationship. Vestnik of Irkutsk State Linguistic University, 1(26), 111–116. (In Russ.)].

Шендельс Е. И. Die Kategorie Mensch in der deutschen Grammatik // Избранные труды. К 90-летию со дня рождения. М. : МГЛУ, 2006. С. 294–306. [Shendels, E. I. (2006). Izbrannye trudy. K 90-letiju so dnja rozhdenija (The category of person in German grammar). Selected works. To the 90th anniversary (pp. 294–306). (In Russ.)].

Berndt F. Literarische Bildlichkeit und Rhetorik. Benthien, Claudia; Weingart, Brigitte // Handbuch Literatur Visuelle Kultur. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 48–67.

Bloomfield M. W. A grammatical approach to personification allegory // Modern Philology. 1963. # 60 (3). S. 161–171.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. University of Chicago Press. 1987.

Sowinski B. Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen. Zweite, überarbeitete und aktualisierte Auflage. Stuttgart: Metzler, 1999.

УДК 811.112.2 ’42 (045) DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_96

С. С. Ключенович

кандидат филологических наук, доцент
докторант кафедры общего языкознания
Минского государственного лингвистического университета
sergej.dolm.rd@gmail.com

ПОЛИНОМИЯ В НЕМЕЦКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются процессы языковой экономии применительно к названиям правовых актов ФРГ. На примере 70 законов, отобранных из уголовного, публичного, гражданского кодексов выявлена типология способов свертывания полного названия. На процессы свертывания, помимо прочего, оказывают самое непосредственное влияние такие факторы, как прагматика различных типов кореферентных конструкций, информационно-экспликативная достаточность компрессированных структур и их функции в связи с их позиционированием.

Ключевые слова: полиномия; законодательный акт; кореферентные конструкции; композит; частично сокращенная единица; аббревиация.

S. S. Klyuchenovich

PhD (Philology), Associate Professor, Postdoctoral Student
Department of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
sergej.dolm.rd@gmail.com

POLYNOMY IN GERMAN LEGISLATIVE DISCOURSE

The article considers processes of language economy applied to law acts of FRG. The study offers a typology of ways of full name reduction on example of 70 laws selected from criminal, public and civil codes. The reduction processes are influenced by such factors as pragmatics of different types of co-referential constructions, informative and explicative sufficiency of compressed structures and their functions depending on their positioning.

Key words: polynomy; legislative act; co-referential constructions; compound; partly abbreviated unit; abbreviation.

Введение

Сосуществование в языке в определенный момент параллельных способов номинации одного и того же референта вполне можно

CC BY

считать проявлением «динамической синхронии» [Якобсон 1985]. На возможность «разноименности денотата» в современном немецком языке на примере обиходной лексики указывал В. Д. Девкин, проблему множественности кореферентных имен разрабатывала также Ю. М. Шемчук [Девкин 1979; Шемчук 2006]. Полиномия (многоименность) может возникать, например, в результате использования синонимов, вариантов, параллелей.

Важно обратить внимание на то, что в своем докторском исследовании Ю. М. Шемчук рассматривает переименование как языковое явление, фокусируясь на системном изучении результатов модернизации словарного состава языка, привлекая для этих целей материал из лексикографических источников. В нашем же исследовании релевантным становится рассмотрение полиномии сквозь призму прагматических установок, обусловливающих появление разноструктурных вариантов именования одного референта.

В законодательном дискурсе полиномия реализуется прежде всего через различные способы свертывания названия соответствующего правового акта. Анализ трех кодексов ФРГ (уголовное, публичное, гражданское (хозяйственное) право) позволил выявить определенную типологию языковой экономии применительно к названиям законов, положений, постановлений и т. п.

Материал исследования

В общей сложности в рамках нашего исследования проанализировано 70 законодательных актов, отобранных методом простой случайной выборки репрезентативными долями из трех указанных выше кодексов. Выявленная типология отражена в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Представленность разных типов полиномии в законодательном дискурсе

Тип полиномии	Количество законодательных актов	
	в абсолютном выражении	в процентах
двойная	11	15,7
тройная	38	54,3
четверная	21	30

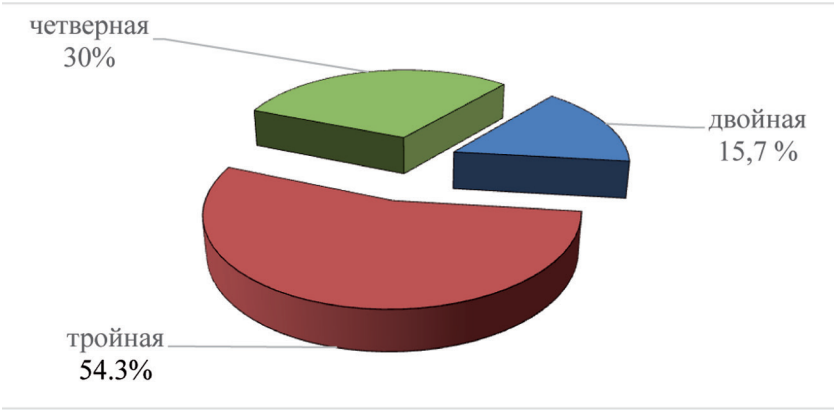

Рис. 1. Представленность типов полиномии (в %).

Двойная полиномия

Алгоритм двойной полиномии, которая составляет в нашей выборке 15,7 %, предполагает функционирование в соответствующем кодексе двух кореферентных конструкций (см. табл. 1, рис. 1):

– полное название закона в начале его основного текста;

– сокращение в колонтитуле на каждой странице текста закона и в алфавитном экспресс-указателе на форзаце, а также в определенных случаях в скобках после полного названия.

В качестве классической иллюстрации описанного способа представления названия закона может послужить следующий пример:

Postgesetz – Закон о почте (PostG) (Öffentliches Recht)).

Конструкция *PostG* фигурирует во всех трех указанных позициях (колонтитулы, алфавитный указатель, контактно в скобках после исходной формы названия *Postgesetz*). Такие сложносокращенные единицы, как *PostG* сближаются в структурно-генетическом плане с группой производных типа *U-Bahn* (← *Untergrundbahn – подземная железная дорога*, *метро*), *U-Boot* (← *Unterseeboot – подводная лодка*), которые М. Д. Степанова называет «неполными аббревиатурами», а Л. В. Иванова – «частично сокращенными лексическими единицами» [Степанов 2007, с. 198; Иванова 2010, с. 10].

Еще один пример двойного представления названия закона:

Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung – Закон об обществах с ограниченной ответственностью (GmbHG (Zivilrecht)).

GMBH «ООО» представляет собой буквенную аббревиатуру инициального типа, которая в силу выполнения терминологической функции прошла лексикализацию и закрепилась в системе языка, приобретя необходимые признаки знаменательного слова. В случае же с *GmbHG* мы имеем дело с графической аббревиатурой, использование которой ограничено письменной презентацией. Последнее относится и к предыдущему примеру (*PostG*).

Интересен также и следующий пример двух кореферентных конструкций: *Vertrag zur Gründung der Europäischen Gemeinschaft* (*EG-Vertrag* (*Strafrecht*)) – Договор о создании Европейского сообщества

В случае с *EG-Vertrag* можно наблюдать включение лексической аббревиатуры *EG* в структуру композита в качестве первого компонента. Несокращение лексемы *Vertrag* мы склонны объяснять относительной редкостью последней по сравнению с широко используемыми в исследуемых кодексах *Gesetz – закон*, *Ordnung – положение*, *Verordnung – постановление*. По своей сути, это вполне соответствует тезису, который формулирует М. А. Ярмашевич: «Различные типы дискурса характеризуются специфическим использованием аббревиатур, образующих в той или иной разновидности дискурса своеобразное аббревиатурное пространство» [Ярмашевич 2004, с. 5].

Тройная полиномия

Как свидетельствуют статистические данные, наиболее распространенным типом в плане представления названия законодательного акта является тройная полиномия (54,3 %), характеризующаяся разной степенью свертывания полного наименования на разных этапах (см. табл. 1, рис. 1). Выглядит это, как правило, следующим образом:

– полное название закона в начале его основного текста;

– аббревиатура в колонтитуле на каждой странице текста закона, в отдельных случаях эта же аббревиатура приводится в скобках после полного названия;

– в алфавитном экспресс-указателе на форзаце используется частично сокращенный композит, в котором уникальный компонент представлен, как правило, в несокращенном виде.

Проиллюстрируем реализацию описанного алгоритма на примерах:

Waffengesetz Waffengesetz – Закон об оружии – WaffG – WaffenG (Öffentliches Recht)

Wehrstrafgesetz – Закон об ответственности за воинские преступления – WStG – WehrstrafG (Strafrecht)

Deutsches Richtergesetz – Германский закон о судьях – DRiG – RichterG (Strafrecht)

Verbraucherkreditgesetz – Закон о потребительских кредитах – VerbrKrG – VerbraucherkreditG (Zivilrecht);

Bundesgebührenordnung für Rechtsanwälte – Федеральное положение о стоимости адвокатских услуг – BRAGO – RechtsanwaltsGebO (Zivilrecht).

Как видим, сокращения в колонтитулах (*WaffG*, *WStG*, *DRiG*, *VerbrKrG*, *BRAGO*) демонстрируют принцип не пословной, а полексемной репрезентации. Так, например, в случае с *DRiG* (*Deutsches Richtergesetz*) перед нами два слова, но три лексемы (*deutsch* + *Richter* + *Gesetz*), а в случае с *VerbrKrG* (*Verbraucherkreditgesetz*) – одно слово, состоящее из трех лексем (*Verbraucher* + *Kredit* + *Gesetz*).

Как отмечает М. А. Ярмашевич, «аббревиация оказывается одним из способов словопроизводства, наиболее полно отвечающим прагматическим установкам современности» [Ярмашевич 2004, с. 1]. Вместе с тем нельзя не признать, что в силу этих установок возникает бесчисленное множество похожих на какой-то шифр буквенных сочетаний, представляющих загадку для непосвященных: «eine Unzahl kodeähnlicher Buchstabenverbindungen, die dem Uneingeweihten Rätsel aufgeben» [Faulseit 1975, с. 170]. Думается, понимание этого риска выражается в том, что колонтитульная аббревиация в сводах законов не предполагает всегда только инициальную аббревиацию. Наряду с последней в нашей выборке можно проследить элементы слоговой аббревиации (*WaffG*, *DRiG*, *VerbrKrG*), а также использование принципа консонантного доминирования (*WaffG*, *WStG*, *VerbrKrG*).

А. Т. Кукушкина обращает внимание на то, что «в структурно-экономной единице сложного слова возможны преобразования, ведущие к образованию других, еще более экономных единиц», т. е. разного

рода сокращения [Кукушкина 1974, с. 84–85]. Это вполне отвечает тому, что «среди экстралингвистических причин появления сложносокращенных слов» исследователи справедливо называют «экономическую, которая позволяет передать максимум информации минимальными средствами» [Манерова 2005, с. 8]. Здесь, однако, не может не возникнуть вопрос о том, что такое минимальные средства. Рассмотрим это на примере двух законов *Waffengesetz – Закон об оружии* и *Wehrstrafgesetz – Закон об ответственности за воинские преступления*. Вероятно, минимальные средства были бы задействованы в случае инициальной аббревиации (*WG*, *WG*). Хотя это вряд ли приемлемое решение (полное совпадение формальной структуры при разном содержании). Возникает естественный вопрос, насколько эти конструкции информативны, насколько удается передать тот максимум информации, о котором говорилось в цитате выше. Проблема обостряется еще больше, если учесть тот факт, что тексты обоих законов включены в один кодекс. Сравнение аббревиатур (*WaffG*, *WStG*) показывает, что для авторов законов было важно обеспечить моносемантизацию соответсвующей аббревиатуры, т. е. ее правильное соотнесение с соответствующим законом. А для этого им пришлось искать точку баланса между максимумом информации и минимальными средствами.

Интересно также то, каким образом могут конструироваться колонтитульные инициальные аббревиатуры. Рассмотрим это на примере:

> Bundesgebührenordnung für Rechtsanwälte Федеральное положение о стоимости адвокатских услуг – BRAGO – RechtsanwaltsGebO [ZivR].

В случае с *BRAGO* можно наблюдать, что порядок следования букв соответствует не полной синтаксической конструкции, а сложносокращенной единице *RechtsanwaltsGebO*, используемой на форзаце. А первая буква колонтитульной аббревиатуры (*B*) заимствована из полного названия (*Bundesgebührenordnung für…*). Тем самым в данном случае можно констатировать два источника мотивации.

Логичный вопрос, возникающий в связи с колонтитульными аббревиатурами (*WaffG*, *WStG*, *DRiG*, *VerbrKrG*, *BRAGO* и т. п.) и частично сокращенными единицами в алфавитном экспресс-указателе (*WaffenG*, *WehrstrafG*, *RichterG*, *VerbraucherkreditG*, *RechtsanwaltsGebO* и др.), состоит в том, каковы причины практически максимальной конденсации в колонтитуле и прагматика несвертывания

определительного компонента композита на форзаце. Будучи помещенной в колонтитул, аббревиатура функционирует как маркер текстового пространства соответствующего закона, дифференцируемого таким образом на фоне других правовых актов, размещенных в этом же кодексе. Специфика же алфавитного экспресс-указателя абсолютно иная. Здесь на одной странице представлены сразу несколько десятков законов разных по своей тематике. Реализация вне контекста, отсутствие каких бы то ни было «дешифровальных стимулов» [Теркулов 2017, с. 79], а также установка на быстрый поиск раздела кодекса, где опубликован соответствующий закон, объясняет несвертывание уникального компонента композита-универба.

Взглянуть на этот феномен можно и с позиций известной и новой информации. Так, форзац кодекса уже предполагает, что речь пойдет о законах (*Gesetz*), положениях (*Ordnung*), постановлениях (*Verordnung*) и т. п., поэтому именно такого рода лексемы испытывают на себе максимальное сокращение (*G*, *O*, *VO*). А вот информационным фокусом алфавитного экспресс-указателя становятся сами объекты правового регулирования, представленные уникальными компонентами композитов. В текстовом же пространстве конкретного закона функцию темы выполняет колонтитульная аббревиатура, а ремы – соответствующий интервал параграфов (статей), указанный рядом, уникальный для каждой страницы текста соответствующего правового акта.

Разновидностью тройной полиномии в законодательном дискурсе можно считать следующий алгоритм:

– полное название закона в начале его основного текста;

– в колонтитуле на каждой странице текста закона используется аббревиатура;

– в алфавитном указателе фигурирует бинарная раздельно-оформленная структура, первая часть которой конденсированно представляет название правового акта, а вторая часть – тип акта.

Проиллюстрировать этот алгоритм могут следующие примеры:

Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb Закон против недобросовестной конкуренции – UWG – ***Unlauterer Wettbewerb***, G (Strafrecht);

Gesetz über die Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit Закон о делах добровольной подсудности – FGG – ***Freiwillige Gerichtsbarkeit***, G (Zivilrecht).

Специфика этой разновидности полиномии заключается в характеристиках конструкции, используемой в алфавитном экспресс-указателе на форзаце кодекса. Итак, речь, как видим, идет о раздельноформленной структуре (*Unlauterer Wettbewerb*, *G*; *Freiwillige Gerichtsbarkeit*, *G*). При этом первая часть бинарной конструкции (до запятой) является не компонентом (частично сокращенного) композита (ср. *RichterG*, *VerbraucherkreditG*), как это наблюдалось в других рассмотренных выше случаях, а подчинительным словосочетанием (*unlauterer Wettbewerb*, *freiwillige Gerichtsbarkeit*).

Общей характеристикой конструкций типов *VerbraucherkreditG vs. Unlauterer Wettbewerb*, *G* является бинарность их структуры. С семантико-синтаксической точки зрения в обоих случаях речь идет о детерминативной конструкции, а это значит, что уникальный компонент (*Verbraucherkredit-* или *Unlauterer Wettbewerb*) выполняет определяющую (дифференцирующую) функцию по отношению к определяемому компоненту *G* (*Gesetz* – закон).

Представление типа *Unlauterer Wettbewerb*, *G* также является структурно-экономным по сравнению с полным названием и вполне соответствует прагматическим задачам экспресс-указателя, которые заключаются в том, чтобы обеспечить быстрый и простой поиск, а это становится возможным благодаря выкристаллизовыванию ключевых лексем, ответственных за конденсированное представление названия закона.

Примечательно, что словосочетания *unlauterer Wettbewerb*, *freiwillige Gerichtsbarkeit* закрепились в дискурсивно-речевой практике юристов в качестве воспроизводимых единиц именно в таком виде. В этом смысле вполне логично говорить о фразеологизации этих синтаксических единств вследствие обретения ими «всех элементов устойчивости», что и составляет самую сущность фразеологизации [Кунин 2005, с. 59]. Будучи юридическими терминами, рассматриваемые конструкции характеризуются не только смысловой целостностью, но и семантической емкостью, а одним из условий фразеологизации является наличие «готового понятийно насыщенного языкового материала» [Куклина 2006, с. 33]. В качестве важного объединяющего словообразование и фразеологизацию параметра В. Флейшер считает создание единиц номинации, способных становиться частью лексикона: «Wortbildung und Phraseologisierung sind Verfahren der Bildung von Nominations- (Benennungs-)einheiten <…> die Bildung speicherfähiger

Nominationseinheiten [wird] als entscheidende Gemeinsamkeit angesehen» [Fleischer 2010, с. 53]. А сама синтаксическая модель атрибутивного словосочетания, лежащая в основе лексических единств типа *strukturelle Linguistik*, *kontrastive Grammatik*, предопределяет их употребление в качестве терминов [Stepanova 2005].

Четверная полиномия

Вторым по частотности типом, на который приходится 30% нашей выборки, является четверная полиномия. Схематично она будет выглядеть следующим образом (см. табл. 1 на с. 99, рис. 1 на с. 100):

– полное название закона в начале его основного текста;

– затем контактно в скобках дается более краткое (конденсированное) обозначение в виде композита-универба;

– в колонтитуле используется аббревиатура на каждой странице текста закона;

– в алфавитном указателе на форзаце используется частично сокращенный композит, в котором уникальный компонент представлен в несокращенном виде.

Проиллюстрировать четверную полиномию могут следующие примеры:

> Gesetz über die Rechtsstellung der Soldaten – Закон о правовом статусе солдат – Soldatengesetz – Закон о солдатах – SG – SoldatenG (Öffentliches Recht);

> Verordnung über die bauliche Nutzung der Grundstücke – Baunutzungsverordnung – Постановление о строительном использовании земельных участков – BauNVO – BaunutzungsVO (Öffentliches Recht).

Нельзя не обратить внимания на то, что в ходе свертывания полного названия закона в универб, в формальную структуру последнего входят те лексемы, которые акцентируются авторами закона как ключевые, как обязательно подлежащие экспликации. Так, например, в случае с Законом о солдатах вполне можно предположить, основываясь на фоновых знаниях, что речь пойдет о правовом статусе этих военнослужащих. В случае же с Постановлением о земельных участках, если провести аналогию с актуальным членением высказывания, то можно увидеть, что рематическую функцию в этой синтаксической группе выполняет отрезок *bauliche Nutzung – строительное*

использование. Дело в том, что земельные участки можно использовать и в других целях, например, как сельхозугодья. Именно этот отрезок-рема и входит в состав композита-конденсата, правда, в стяженном и частеречно измененном виде (***Baunutzungs****verordnung*).

Рассмотрим еще два примера четверной полиномии:

> Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte – Закон об авторском праве и смежных охранных правах – *Urheberrechtsgesetz* – UrhG – *UrheberrechtsG* (Strafrecht);

> Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht – Закон о [праве] собственности на жилые помещения и праве длительного пользования жилой площадью – Wohnungseigentumsgesetz – WEG – WohnungseigentumsG (Zivilrecht).

Специфика этих примеров также интересна тем, по какому принципу происходит свертывание полного названия закона в универб. Примечательно, что в обеих полных конструкциях наблюдается сочинительное словосочетание модели «a и b» (*Urheberrecht und verwandte Schutzrechte*, *das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht*). В результате свертывания в каждом из этих случаев, формально представленным в структуре универба-конденсата остается только один из двух синтаксически однородных членов (***Urheberrechts****gesetz*, ***Wohnungs****eigentumsgesetz*). Отказ от экспликации всех деталей исходной конструкции в универбе-конденсате становится возможным благодаря семантическому доминированию одного из членов сочиненной конструкции.

Следующий пример также заслуживает интереса.

> Gesetz zur Förderung der Kreislaufwirtschaft und Sicherung der umweltverträglichen Beseitigung von Abfällen – Закон о поддержке замкнутых циклов производства и обеспечении экологически безопасной ликвидации отходов – Kreislaufwirtschafts- und Abfallgesetz – KrW- / AbfG – Kreislaufwirtschafts- und AbfallG (Öffentliches Recht).

В данном случае в сочинительной конструкции *Förderung der Kreislaufwirtschaft und Sicherung der umweltverträglichen Beseitigung von Abfällen* авторы выделяют два семантически равновесных понятия (*Kreislaufwirtschaft und Abfälle – замкнутый цикл производства и отходы*, и это словосочетание ключевых слов как конденсат исходной

сочинительной конструкции входит в состав композита в качестве его определительного компонента (*Kreislaufwirtschafts- und Abfallgesetz*). Примечательно, что структура универба-конденсата отражается на последующих процессах аббревиации:

Kreislaufwirtschafts- und Abfallgesetz → *Kreislaufwirtschafts- und AbfallG*
→ *KrW-/AbfG.*

Рассмотрим еще два примера представления названий законов с несколько иного ракурса.

Gesetz über die friedliche Verwendung der Kernenergie und den Schutz gegen ihre Gefahren – Закон о мирном использовании ядерной энергии и предотвращении возможных рисков – **Atom**gesetz – Закон об атоме – AtG – AtomG (Öffentliches Recht).

Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen – Закон против ограничений конкуренции – GWB – WettbewerbsbeschränkungsG || **KartellG** – антимонопольный закон (Zivilrecht).

Если во всех предыдущих случаях, связанных с названиями законодательных актов, полиномия сводилась, по сути, к поэтапному свертыванию исходной полной конструкции (как правило, словосочетания) в формально и семантически более конденсированные структуры (как правило, универбы, аббревиатуры), то последние два примера демонстрируют, наряду со свертыванием и конденсацией, использование ресурсов синонимии (*Atom* вместо *Kern*; *Kartell* вместо *Wettbewerbsbeschränkung*).

На вопрос, почему в рассмотренных двух случаях были использованы средства синонимии, ответ будет разным. В первом случае, как представляется, лексема *Atom* оказалась более подходящей для образования относительно информативной аббревиатуры (*AtG*) благодаря использованию принципа консонантной поддержки. Во втором случае ситуация иная. Так, в алфавитном экспресс-указателе на форзаце фигурируют две конструкции (*WettbewerbsbeschränkungsG* и *KartellG*). Очевидно, что сделано это из желания облегчить поиск соответствующего закона благодаря использованию обиходного синонима *Kartell*, широко известного благодаря таким реализациям, как:

Bundeskartellamt – Антимонопольное ведомство ФРГ,

Kartellbehörde – антимонопольное ведомство,
Kartellrecht – антимонопольное законодательство,
Kartellwächter – органы антимонопольного регулирования.

Заключение

В законодательном дискурсе полиномия реализуется через различные способы свертывания исходного названия соответствующего закона. Анализ трех кодексов ФРГ позволил выявить двойную (15,7 %), тройную (54,3 %) и четверную (30 %) полиномию.

Сопоставительный взгляд на специфику выделенных типов полиномии в немецком законодательном дискурсе, позволяет сделать важное обобщение. Тройную и четверную полиномию типологически объединяет то, что эти алгоритмы можно представить как поэтапное свертывание исходной полной конструкции (словосочетания) в формально и семантически более конденсированные структуры (универбы, аббревиатуры); алгоритм же двойной полиномии предполагает лишь единократное свертывание. Совокупная доля тройной и четверной полиномии в 84,3 % дает все основания говорить о принципиальной тенденции законодательного дискурса к полиномии, которая реализуется посредством нескольких этапов свертывания.

Аббревиатуры, используемые в колонтитулах, демонстрируют принцип не пословной, а полексемной репрезентации. Для авторов закона важно обеспечить моносемантизацию соответсвующей аббревиатуры (в случае совпадения формальной структуры инициальных аббревиатур, относящихся к разным правовым актам). Для этого им приходится искать точку баланса между максимумом информации и минимумом формальных средств. Наряду с инициальной аббревиацией в выборке прослеживаются элементы слоговой аббревиации, а также использование принципа консонантного доминирования (*WaffG*, *WStG*, *VerbrKrG*).

В колонтитуле осуществляется практически максимальная редукция, где аббревиатура функционирует как маркер текстового пространства конкретного правого акта. А в алфавитном экспресс-указателе на одной странице представлены сразу несколько десятков законов разных по своей тематике. Реализация вне контекста, отсутствие дешифровальных стимулов, а также установка на быстрый поиск объясняет несвертывание уникального компонента композита-универба.

На процессы свертывания полного именования правового акта в структурно более экономную конструкцию оказывают самое непосредственное влияние такие факторы, как специфика законодательного дискурса, прагматика различных типов кореферентных конструкций (композит, частично сокращенная единица, инициальная аббревиатура и т. п.), информационно-экспликативная достаточность компрессированных структур и их функции в привязке к их позиционированию, что свидетельствует о дискурсивно-прагматической обусловленности процессов экономизации языкового выражения применительно к названиям правовых актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М. : Междунар. отношения, 1979. [Devkin, V. D. (1979). Nemetskaya razgovornaya rech': Sintaksis i leksika (German colloquial speech: syntax and lexis). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)].

Иванова Л. В. Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности отаббревиатурной лексики (на материале немецкоязычных текстов СМИ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2010. [Ivanova, L. V. (2010). Strukturno-semanticheskie i funktsional'no-pragmaticheskie osobennosti otabbreviaturnoi leksiki (na materiale nemetsko-yazychnykh tekstov SMI) (Structural-semantic and functional-pragmatic specifics of abbreviation derivative lexis (on the material of German-language mass media texts)): abstract of PhD in Philology. Barnaul. (In Russ.)].

Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: дис. … канд. филол. наук. М., 2006. [Kuklina, I. N. (2006). Yavleniya frazeologizatsii i defrazeologizatsii v yazyke sovremennoi pressy (Phenomena of phraseologization and dephraseologization in the language of modern press): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Кукушкина А. Т. Особенности языковой экономии в структуре сложного слова (IV). К вопросу о плане сложного слова // Теоретические вопросы немецкой филологии (лексикология, стилистика). 1974. Вып. 58. С. 82–91. [Kukushkina, A. T. (1974). Osobennosti jazykovoj jekonomii v strukture slozhnogo slova (IV). K voprosu o plane slozhnogo slova (Paculiarities of language economy in the compound structure (IV). Revisiting the plane of a compound). *Theoretical issues of German philology* (*lexicology, stylistics*), 58, 82–91. (In Russ.)].

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 3-е изд., стереотип. [Kunin, A. V. (2005). Kurs frazeologii

sovremennogo angliiskogo yazyka. 3rd ed. (Course of phraseology of the modern English language). Dubna: Feniks+. (In Russ.)].

Манерова К. В. Сокращения в языке современной немецкой прессы: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. [Manerova, K. V. (2005). Sokrashcheniya v yazyke sovremennoi nemetskoi pressy (Abbreviations in the modern German press): abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)].

Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: КомКнига, 2007. 2-е изд., испр. [Stepanova, M. D. (2007). Slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka. 2d rev. ed. (Word-formation of modern German language). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].

Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Филология. 2017. № 6. С. 73–97. [Terkulov, V. I. (2017). Compound abbreviations: synchronic and diachronic aspects of description. *Bulletin Moscow State University. Philology, 6*, 73–97. (In Russ.)].

Шемчук Ю. М. Модернизация существующей лексики современного немецкого языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2006. [Shemchuk, Yu. M. (2006). Modernizatsiya sushchestvuyushchei leksiki sovremennogo nemetskogo yazyka (Modernization of existing lexis in modern German): abstract of Senior Doctorate in Philology. (In Russ.)].

Якобсон Р. О. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. [Jakobson, R. O. (1985). Izbrannye raboty (Selected papers). Moscow: Progress. (In Russ.)].

Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2004. [Yarmashevich, M. A. (2004). Abbreviatsiya v sovremennykh evropeiskikh yazykakh: strukturnyi, semanticheskii i funktsional'nyi aspekty (Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects): abstract of Senior Doctorate in Philology. Saratov State University. (In Russ.)].

Faulseit D. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1975. 6., unveränd. Aufl.

Fleischer W. Konvergenz und Divergenz von Wortbildung und Phraseologisierung // J. Korhonen et al. (Hrsg.). Phraseologie und Wortbildung – Aspekte der Lexikonerweiterung. Berlin : de Gruyter, 2010. S. 53–66.

Stepanova M. D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Moskau: Academia, 2005. 2., verbess. Aufl.

УДК 81.1 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_110

И. В. Космарская

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
kosmarsky@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СТРОЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПИСЬМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕЧИ (на материале смайлика и эмодзи)

Современные каналы коммуникации вызвали к жизни новые типы текстов, анализ которых позволил признать формирование нового, гибридного, варианта языка – устно-письменного. В статье рассматриваются особенности устно-письменного варианта интернет-коммуникации, выявляются и анализируются те элементы, которые обеспечивают трансформацию письменной формы речи в устную. К ним в первую очередь относятся смайлики и эмодзи. Представляется справедливой мысль о том, что совокупность этих знаков составляет систему и может быть охарактеризована как параязык, обеспечивающий трансформацию письменной интернет-речи в устную.

Ключевые слова: устно-письменная форма языка; интернет-коммуникация; трансформация; смайлик; эмодзи; новая коммуникативная реальность.

I. V. Kosmarskaya

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of the Russian Language
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
kosmarsky@mail.ru

FORMATION OF THE ELEMENTS OF THE INTERNET SPEECH (smiley, emoji)

New channels of communication have spawned new types of texts, the analysis of which has allowed to recognize the formation of a new, hybrid, version of the language: written-oral. The article is devoted to the characteristic features of an oral-written version of Internet communication, the identification and analysis of those elements that ensure the transformation of oral speech into written. These include emojis and smileys in the first place. It seems fair to say that the totality of these signs definitely constitutes a system and can be described as a paralanguage that ensures the transformation of written speech into oral communication in the Internet.

Key words: oral-written language form; Internet communication; transformation; military elements of written-oral communication; a new communicative reality.

Введение

Во Всемирный день эмодзи «Apple» и «Google» выпустили первый в истории отчет о тенденциях эмодзи (Emoji Trend Report) за 2019 год. Основные выводы авторов отчета сводятся:

1) эмодзи приносят радость, преодолевают барьеры и способствуют коммуникации. Среди опрошенных пользователей подавляющее большинство использует смайлики, чтобы поднять настроение разговора (93 %) и оказать поддержку людям (91 %). 65 % пользователей проще выражать свои эмоции через смайлики, 83 % из которых Gen Z'ers (поколение Z);

2) пользователи настаивают на увеличении количества эмодзи. 73 % пользователей хотели бы, чтобы у них было больше вариантов настройки смайликов, чтобы полнее отражать свою индивидуальность;

3) эмодзи стимулирует позитивное восприятие на рабочем месте и способствует расширению возможностей для бизнеса. Бренды всё чаще стремятся привлечь внимание потребителей увлекательными способами с помощью эмодзи. 58 % пользователей отметили, что с большей вероятностью откроют электронное письмо от бренда, у которого эмодзи есть уже в теме письма.

Анализ текстов, передаваемых через новые каналы коммуникации и информации, обнаружил появление новых типов текстов – лингвисты сначала робко, а затем вполне определенно выдвинули предположение о том, что формируется / сформировалась новая, гибридная, форма речи – устно-письменная, или, точнее, письменно-устная: т. е. по форме текст письменный, но автор имеет такой арсенал средств и способы их применения, что текст приобретает все признаки устного [Бергельсон 2002; Сидорова 2006; Лутовинова 2008].

Смайлик и эмодзи как строевые элементы устно-письменной коммуникации

Определим объем понятий «смайлик», «эмотикон», «эмодзи». Каждая из этих вчера еще забавных картинок получает свою функцию и приобретает особое место в письменной коммуникации. Некоторые из них имеют свою историю и, как думают многие пользователи, будущее, значит – перспективы развития. И самое главное, они имеют широчайшее применение. Мы уже не представляем себе переписки

(а значит, коммуникации) без смайликов и эмодзи. Буквально за несколько лет они стали неотъемлемой частью нашей жизни.

Смайлик, или эмотикон, – это комбинация символов, которую можно создать из разных типографских значков. Всем нам известная комбинация :-) обозначает «улыбающееся лицо». Пользователей ограничивает только их воображение и существующий набор этих значков. Комбинации знаков могут быть и очень простыми, и очень сложными, как, например, японские каомодзи. Создатель первых эмотиконов Скотт Фалман главным их достоинством видел компактность и способность экономить место. Затем уже стало ясно, что значки прирастают значениями. Эмодзи же представляют собой идеограммы, основанные на стандарте Unicode.

Юникод (Unicode) – стандарт кодирования символов, позволяющий представить знаки почти всех письменных языков. Стандарт предложен в 1991 году некоммерческой организацией «Консорциум Юникода». Применение этого стандарта позволяет закодировать очень большое число символов из разных письменностей: в документах, закодированных по стандарту Юникода, могут соседствовать китайские иероглифы, математические символы, буквы греческого алфавита, латиницы и кириллицы, при этом становится ненужным переключение кодовых страниц. Первый набор эмодзи создал Сигетака Курита в 1999 году. Он разработал его для японского телефонного оператора NTT DoCoMo. В набор вошло всего 176 эмодзи, они обозначали в основном предметы и людей.

Культура эмодзи начала набирать популярность в 2011 году, когда компания «Apple» добавила эмодзи-клавиатуру в iOS5. В 2015 году «Оксфордский словарь английского языка» назвал «словом года» эмодзи в виде плачущего от смеха человека 😂. В комментарии президента «Oxford Dictionaries» Каспера Гратвола говорилось, что этот выбор предопределен тем, что культура эмодзи стала «самым развивающимся аспектом в сфере письменной коммуникации» (цит. по: [Демченко 2018 URL]).

С помощью эмодзи уже можно пересказывать книги и фильмы. Так, в 2013 году. Библиотека конгресса США пополнилась эмодзи-вариантом романа «Моби Дик» Германа Мелвилла.

На 14 февраля 2017 года в «Энциклопедии эмодзи» насчитывалось 1 427 единиц. Их количество увеличивается каждый год сразу

на сотни. В общей сложности к концу 2019 года их было около 3 тыс. Процесс будет идти также интенсивно, поскольку всё больше и больше требований и просьб к «Юникоду» добавить те или иные эмодзи. Эмодзи – это серьезный бизнес. Их считают одним из ключевых факторов, которые привлекают и удерживают пользователей той или иной платформы. Конечно, в решение этих задач втянуты и полноправные члены «Консорциума Юникод» компании-гиганты: «Apple», «Google», «Facebook».

В этом году «Консорциум Юникод» утвердил новые эмодзи, среди которых есть протезы, собака-поводырь, изображения людей на инвалидных колясках, уши со слуховыми аппаратами и т. д. Еще 171 эмодзи представят в измененном виде. Например, эмодзи людей получили гендерные вариации, несколько оттенков кожи, цвета одежды и причесок (см. рис. 2).

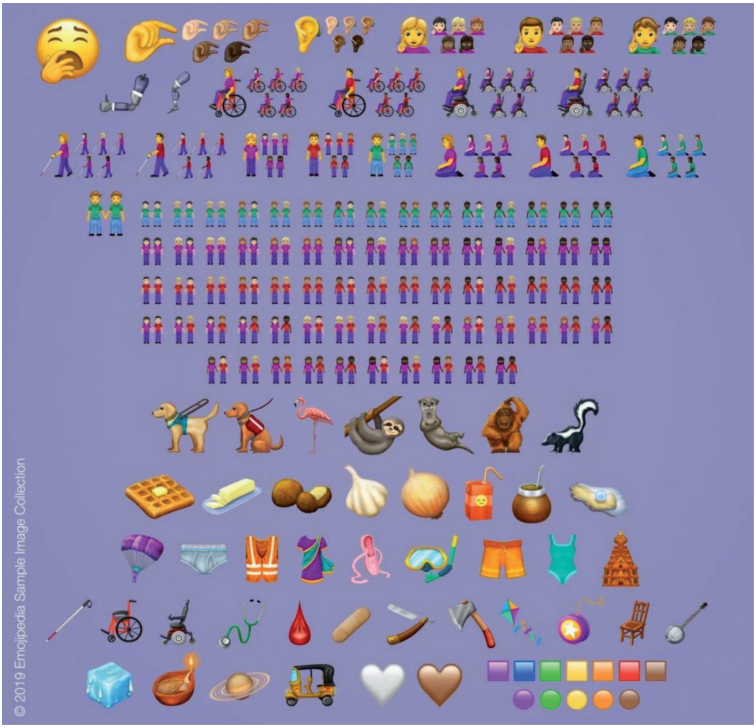

Рис.2. Эмодзи 2020 года

Практика употребления смайликов и эмодзи

За последние несколько лет в обществе произошел серьезный перелом и в осмыслении использования эмодзи: люди хотят правильно понимать и правильно их использовать – идеограммы стали частью культуры мейнстрима. Создано несколько электронных ресурсов, которые помогут разобраться, если вы не в силах сделать это самостоятельно, например, онлайн-словарь «Emojipedia». Если вы хотите узнать, каков психологический эффект от эмодзи, как и кто его использует в «Твиттере», имеет ли это какие-то последствия, можете обратиться к специалистам на сайте Emoji Analysis.

Постепенно складывается практика употребления эмодзи в тексте. Выделим некоторые регулярно применяемые правила:

1) эмодзи, или смайлик, чаще всего ставятся после логически выделяемого сегмента в предложении, в конце предложения или фрагмента текста (очевидно, что интуитивная опора – правила расстановки знаков препинания);

2) не принято использовать эмодзи и смайлики, если собеседники хотят настроить друг друга на серьезный разговор;

3) складывающийся этикет эмодзи рекомендует чаще использовать эмодзи, выражающие симпатию, одобрение и поддержку;

4) эмодзи используются и в эстетических целях: украсить цифровое общение визуальными элементами;

5) в изложении любой истории языком эмодзи последовательность пиктограмм должна отражать последовательность событий, обеспечивая логичность и связность «текста».

Людей беспокоит, правильно или нет они используют эти значки. Цитируем обращение на портал «Грамота.ру»:

> Здравствуйте! Недавно возник вопрос, который буквально преследует. Как правильно поставить точку, если после предложения ставится смайлик («... :).» или «... . :)»).

Ответ справочной службы русского языка:

> Правила русского языка этот случай не регламентируют.

Действительно, не регламентируют и пока регламентировать не могут. Однако пользователи всё-таки нуждаются в регламентации и предлагают свои версии (заметим, вполне здравые).

Главный редактор портала *gzom.ru* Михаила Боде рекомендует:

1) эмотикон любого вида отбивается пробелом от последнего слова отрывка речи, к которому относится. Оптимально с точки зрения типографики – неразрывным пробелом;

2) если нужно поставить текстовый смайлик в конце предложения, завершающегося любым нормативным знаком препинания, кроме точки (восклицательным или вопросительным знаком, либо их сочетанием, либо многоточием и т. д.), его место – после такового, через пробел;

3) вопросительный и восклицательный знаки никаким смайликом заменять не следует: эмотиконы, даже те анимированные графические, которые способны передать чувство озадаченности или грозный приказной тон, не обладают такой конвенциальностью и считываемостью, как традиционные знаки пунктуации;

4) когда текстовый смайлик завершает конструкцию в круглых скобках и должен оканчиваться такой скобкой сам, скобка ставится лишь одна. Если их будет две, читатель может решить, что вторая тоже целиком относится к смайлику и усиливает его. А сам эмотикон в полном соответствии с предыдущими рекомендациями отбивается слева пробелом;

5) усеченный текстовый смайл из одной или нескольких однонаправленных скобок может как примыкать к слову или знаку пунктуации, так и отбиваться от них пробелом. Главное – выбрать один из двух способов оформления эмотикона и придерживаться его в пределах текста;

6) после двоеточия или точки с запятой ставить эмотикон из типографских знаков нежелательно: во-первых, возникает путаница, во-вторых, смайлик разрушает синтаксическую связь, которую те создают. В конце концов, даже в неформальной речи эмотиконы не везде применимы по причинам чисто грамматическим.

Появилась и профессия переводчика эмодзи. Пионером здесь была компания «Today Translation», а первым профессиональным эмодзи-переводчиком стал психолог Кит Брони, специалист по *бизнес-этикету эмодзи*.

Функции смайликов и эмодзи в виртуальном дискурсе

Накопленного материала уже достаточно, чтобы попытаться ответить на важнейший вопрос: составляют ли эмодзи язык (такая точка зрения высказывается регулярно, в частности она представлена

в русской Википедии) или это новый и особый инструмент коммуникации?

С нашей точки зрения, весомых оснований считать систему эмодзи языком нет, невзирая на широчайшее мировое распространение, активное пополнение, стандартизацию и регламентацию (пусть пока и стихийную) и правил употребления.

Цифровая революция изменила мир. Люди повсеместно получили возможность писать текстовые сообщения и отправлять их мгновенно, мессенджеры доставляют их адресату практически в ту же секунду. Упомянутый уже нами президент «Oxford Dictionaries» Каспер Грэтвол еще в 2015 году говорил: «Традиционные алфавитные знаки безуспешно пытаются удовлетворять запросы XXI века на быструю, визуально ориентированную коммуникацию. Неудивительно, что пиктографический набор символов эмодзи появился, чтобы восполнить эти пробелы – он гибкий, быстрый и красивый» (прив. по: [Демченко 2018 URL]).

Эмодзи, конечно, не язык, и тем более не мировой язык, в классическом (единственно возможном в рамках обсуждаемой темы) понимании. На нем невозможно передать законченное осмысленное сообщение научного или официального содержания: трудно себе представить приказ по армии на «языке» эмодзи, или указ президента, или распоряжение начальника отдела, или главу из учебника по сопромату. «Это вопрос времени», – могут возразить эмодзи-оптимисты. В том и дело, что этого времени скорее всего не хватит: технологии меняются очень быстро, на смену эмодзи уже пришли гифы и стикеры. По ожиданиям IT-специалистов, в ближайшем будущем появится возможность передавать через мессенджеры трехмерные фотографии.

Однако эмодзи, безусловно, уникальный культурный феномен нашего времени.

Люди много лет писали письменные тексты и всегда считали, что они обезличены, бездушны и неспособны передать образы, чувства, настроения, интонации, эмоции. Только отдельным, особенно талантливым, это посильно. Но, как известно, даже Владимир Набоков «жаловался» на это несовершенство письменного текста: «Мне часто приходит на ум, что надо придумать какой-нибудь типографский знак, обозначающий улыбку – какую-нибудь закорючку или упавшую

навзничь скобку, которой я мог бы сопроводить ответ на ваш вопрос» (*В. Набоков. Интервью. 1969*). Эмодзи эту задачу решили: с их помощью люди легко и просто пишут так, как будто они говорят. Эмодзи фактически взяли на себя всю нагрузку невербальной коммуникации и частично – вербальной. Фактура коммуникации существенно изменилась: она стала красочной, цветной, визуально насыщенной, эмоциональной, быстрой.

Можно ли квалифицировать функцию смайлика и эмодзи? Это знаки препинания? Междометия? Пиктографические элементы креолизации текста?

Специалисты «Грамоты.ру» на вопрос, появляются ли в русском языке новые знаки препинания, ответили, что новых знаков препинания нет, но своеобразным новым знаком препинания можно считать смайлик. Для такого предположения имеются достаточные основания. Знак препинания – это небуквенное графическое средство, функция которого выявлять синтаксическое строение письменной речи и ее семантическую структуру: разграничивать предложения и их части, указывать на цель высказывания, обнаруживать эмоциональность / нейтральность говорящего. Традиционный смайлик (так уже принято называть тот, который состоит из типографских значков) именно эти функции и выполняет (см. также вышеизложенные соображения по выбору места смайлика в предложении).

Можно допустить, что это знак препинания, обслуживающий новую форму речи – устно-письменную.

Рассмотрим примеры, взятые из частной переписки.

– Привет) Все норм?
– привет) да, спасибо-))
– Завтра идем в Третьяковку
– супер! я не смогу(((((

– Температура есть?
– 37.8 –(((
– надо звонить доктору
– поздно вроде((
– что значит поздно?!

Не отмечая других особенностей виртуального диалога (например, строчная буква в начале предложения), обратим внимание

на отсутствие точки в конце предложения. Мы просмотрели более 100 различных эпизодов частной переписки – точка в конце предложения, как правило, не ставится (она однозначно не ставится в переписке детей, подростков, молодых людей). Более того, на наш вопрос, почему ее нет, все давали примерно один и тот же ответ: точка придает предложению резкость, категоричность, даже грубость и свидетельствует о нежелании продолжать разговор. Это новая функция точки как знака препинания. «Классическая» функция точки – указание на конец повествовательного предложения и членение текста на отдельные предложения – сохранилась в других типах текстов, но перестала быть единственной. В текстах устно-письменного формата точка как знак препинания приобрела способность к указанию на эмоциональный характер высказывания и фактически реализует только ее. Вообще надо заметить, что в современных текстах и «классическая» точка обнаруживает стремление к выражению семантических и эмоциональных акцентов. Безусловно, это связано с широким употреблением элементов разговорного и экспрессивного синтаксиса, активизацией конструкций со слабыми синтаксическими связями. В первую очередь речь идет о парцелляции, которая стала возможна и широкоупотребительна в самых разных синтаксических конструкциях.

Эмодзи, как показывает материал, имеют более широкие функции, и эти функции выходят за пределы ожидаемых: они не только выражают эмоции, чувства, но экономят время и место.

Стандартизация эмодзи, о которой мы писали выше, привела к разработке и внедрению специальной эмодзи-клавиатуры. Это вкладки, каждая из которых представляет собой ту или иную тематическую группу: люди, эмоции, флора и фауна, еда и напитки, спорт и другие формы активности, транспорт, места и путешествия, различные предметы, символы, знаки и значки, флаги.

Обратим внимание на то, что эмодзи, выражающие эмоции, собраны в отдельную группу. Безусловно, какая-то часть эмодзи из других тематических групп могут в определенных контекстах передавать чувства, эмоции, настроение, однако большая часть всё же никак не соотносится с ними. Что может обозначать, например, этот эмодзи ? Наверное, только авокадо. А вот это ? Наверное, только картошку фри из известного ресторана. Значит, эмодзи могут обозначать / выражать не только эмоции. Они «называют» предмет,

действие, явление. Эту функцию эмодзи определим как заместительно-номинативную. Сообщение, построенное таким образом, во-первых, короче, во-вторых, визуализирует содержание и, в-третьих, приятнее для глаза, ярче, красочнее. Эмодзи соотносимы даже не со словом, а с идеей, т. е. в известном смысле человечество как будто «вернулось» в дописьменную эпоху.

Можно предположить, что эмодзи – это информативный коммуникативный знак. **Знак** – материальная сущность, которая используется в процессе познания и общения в качестве представителя или заместителя предмета или явления. Знак должен обладать рядом признаков: иметь обозначающее (форму), обозначаемое (содержание), условные договоренности о том, как понимать знак, и наличие других знаков, составляющих определенную систему. Эмодзи обладает всеми указанными свойствами. Например:

– эмодзи «хлопающие ладони» означает «аплодисменты».

Его договорились использовать как выражение одобрения, похвалы, восторга. Существуют и другие знаки, поддерживающие этот.

Изученный материал позволяет выделить три ключевые группы эмодзи:

1) картинки, изображающие какие-либо предметы, действия или явления:

2) руки в различных положениях, заменяющие жестикуляцию:

– всё хорошо, всё в порядке, мне нравится

– удача, хорошее настроение

– пожалуйста, умоляю

3) лица, на которых показаны различные реакции на происходящее, эмоции, оценки. Как правило, эти картинки дублируют мимику и выражение лица человека в момент живой коммуникации:

задействованы глаза, губы, брови, а также дополнительные «ресурсы»: слезы, морщинки, капельки пота и т. д.

– слезы радости, плачу от радости

– крайне разочарован

– смущение, я смущен

– глупая шутка, оценка неудачного высказывания, своего или собеседника.

Вторая и третья группы практически восполняют все функции невербальной коммуникации: жесты, мимику, выражения лица, позы.

Заключение

На этом этапе исследования можно констатировать, что совокупность этих знаков определенно составляет систему, которая может быть охарактеризована как параязык, обеспечивающий трансформацию письменной речи в устную в условиях интернет-коммуникации.

Однако сказать, как будет развиваться система дальше, невозможно: сложилась парадоксальная ситуация, когда стандарты коммуникации задает группа людей и придуманные ею программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 58–67. [Bergelson, M. B. (2002). Jazykovye aspekty virtual'noj kommunikacii (Linguistic aspects of virtual communication). Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 19. Linguistics and Cross-cultural communication, 1, 58–67. (In Russ.)].

Демченко А. Язык эмодзи: 🙂 или 😕? // Эксперт. 2018. № 24 (463). Онлайн-версия [Demchenko, A. (2018). Jazyk emoji: 🙂 ili 😕 ? (Emojis language: 🙂 or 😕?). URL: Expert.ru. (In Russ.)].

Крылов Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2017. № 2 (15). С. 50–53. [Krylov, Y. V. (2017). Semantika jemodzi v virtual'nom dialoge (Emodji semantics in the virtual dialogue). *Review of*

Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2(15), 50–53. (In Russ).].

Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. № 71. С. 58–65. [Lutovinova, O. V. (2008). Internet kak novaja «ustno-pis'mennaja» sistema kommunikacii (Internet as a new "oral-written" communication systen). Zhurnal Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena, 72, 58–65. Moscow. (In Russ.)].

Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. М.: 1989.ру, 2006. [Sidorova, M. Ju. (2006). Internet-lingvistika: russkij jazyk (Internet Linguistics: Russian). Moscow: 1989.ru. (In Russ.)].

Nabokov V. V. Interview to Alden Whitman // New York Times. 1969. April, 19.

УДК 811.134.2 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_122**

А. В. Кузнецов, Т. В. Писанова

Кузнецов А. В., аспирант кафедры испанского языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
svift2007@yandex.ru

Писанова Т. В., доктор филологических наук
профессор кафедры испанского языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
ptp1@bk.ru

АЛЛЮЗИЯ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ПОЛЯ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на материале жанра интервью в испаноязычных СМИ)

В статье анализируются соотношение понятий «интертекстуальность» и «прецедентность», а также обосновывается принадлежность аллюзии к одной из представленных категорий. Актуальность исследования обусловлена отсутствием общепринятой позиции ученых по данной проблематике. Исследование направлено на коммуникативно-прагматические особенности функционирования аллюзии в СМИ. В ходе работы применялись методы моделирования, сравнительного анализа, аналогии, сплошной выборки и переводческих трансформаций. Результаты представлены в виде схем и проиллюстрированы материалами интервью.

Ключевые слова: аллюзия; интертекстуальность; прецедент; прецедентность; СМИ.

A. V. Kuznetsov, T. V. Pisanova

Kuznetsov A. V., Postgraduate Student
at the Spanish Language and Translation Department
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
svift2007@yandex.ru

Pisanova T. V., Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Spanish Language and Translation Department
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
ptp1@bk.ru

ALLUSION AND PRECEDENT FIELDS AS PART OF THE INTERTEXTUAL SPACE (as exemplified in interviews with the Spanish media)

The article studies the interrelationship between intertextuality and precedence. The authors also attempt to attribute an allusion to one of the above terms. The relevance of this issue is conditioned by the lack of a relevant consolidated approach in linguistics. This study is focused on communicative and pragmatic functions of allusions in mass media. The methodology comprises modelling, comparative analysis, analogy, continuous sampling and translation techniques. The outcomes are shown in schemes and proved by extracts from interviews.

Key words: allusion; intertextuality; precedent; precedence; mass media.

Введение

В работе анализируется соотношение понятий «прецедентность» и «интертекстуальность», где аллюзия выступает в качестве связующего звена. Попытка рассмотрения данных понятий в рамках одного лингвистического механизма – механизма реализации интертекстуальности – обусловлена отсутствием четко структурированной системы взаимодействия рассматриваемых явлений, а также выполняемых ими функций. Необходимость структурирования процессов изучаемого механизма является одним из важнейших условий как для понимания теоретических аспектов этих лингвистических явлений, так и для работы с эмпирическим материалом.

При построении теоретической базы мы опираемся на труды лингвистов, заложивших основы теории интертекстуальности и прецедентности (Р. Барт, Ж. Женетт, У. Эко, Л. В. Моисеенко и др.), а также на другие актуальные точки зрения, предложенные российскими, испанскими и латиноамериканскими учеными: Г. Рейес, С. Роблес Авила, В. В. Красных, О. В. Онищенко, И. С. Христенко и др.

Для иллюстрации результатов исследования был избран жанр интервью. Этот жанр характеризуется достаточно плотной насыщенностью прецедентными феноменами (*далее* ПФ), употребляемыми в качестве аллюзий. Отобранные методом сплошной выборки фрагменты интервью были опубликованы в электронной версии одного из ведущих испанских периодических изданий «Эль Мундо» («El Mundo»). Фрагменты оригинальных источников сопровождаются переводом с испанского языка на русский язык, анализом и кратким

переводоведческим комментарием. Анализ проводится с позиции коммуникативно-прагматической природы и функциональных особенностей медиадискурса.

Модель интертекстуального пространства

Прежде всего, необходимо обозначить особенности использования термина «прецедент» в лингвистике и журналистике. Для нашего исследования важны выводы о связи прецедента с процессом коммуникации в СМИ, сделанные В. В. Богуславской при анализе трудов российских и зарубежных ученых: В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Р. Шенк, С. Болл-Рокич, М. Л. де Флер и др.

Так, В. В. Богуславская, опираясь на взгляды Р. Шенка, отмечает, что при рассмотрении процесса коммуникации необходимо учитывать несколько факторов: во-первых, «понимание текста определяется рядом стратегий, относящихся к области функционирования языка в дискурсе»; во-вторых, «чем “богаче” у реципиента модель мира в конкретной предметной области, тем глубже проникновение в смысл текста»; в-третьих, «читатель, прочитывая текст, выбирает из него только то, что соответствует его коммуникативному намерению в данный момент или “интересу”» (цит. по: [Богуславская 2017, с. 99]. Отсюда следует, что коммуникативное намерение характерно не только для автора сообщения, но и для реципиента. Можно предположить, что коммуникативное намерение реципиента обусловлено ожиданиями. Иными словами, принимая решение о необходимости ознакомления с той или иной информацией, реципиент следует неким установкам (возможно, неосознаваемым), сформировавшимся под влиянием потребностей и эмоционального или физического состояния.

Опираясь на позицию В. В. Красных, В. В. Богуславская отмечает, что при восприятии человеком феноменов культуры происходит формирование культурного пространства. Последнее достигается посредством структурирования информации о самих феноменах и выстраивания между ними системных отношений [Богуславская 2017]. В. В. Красных выделяет три уровня пространств, а именно:

- индивидуальное когнитивное пространство (ИКП);
- коллективное когнитивное пространство (ККП);
- когнитивная база (КБ).

Говоря о соотношении обозначенных категорий, Красных поясняет, что «в индивидуальное когнитивное пространство необходимо (если считать человека существом социальным) входят коллективные когнитивные пространства (ККП) (как определённым образом структурированные совокупности знаний и представлений тех социумов, в которые данная личность входит) и когнитивная база (КБ) (как минимум – ее ядро) того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого данная личность является. Когнитивная база также представляет собой определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, но на уровне национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 1997, с. 130]. В данной логике четко прослеживается иерархия трех обозначенных выше категорий. Продолжая углубляться в структуру уровней, В. В. Красных делает вывод о том, что «когнитивное пространство содержит в качестве ядерных элементов некие “культурные феномены” (термин Н. В. Уфимцевой). Ядерными элементами когнитивной базы являются прецедентные феномены» [там же].

Таким образом, подытоживая вышесказанное, отметим, что особенности восприятия информации реципиентом (т. е. получателем текстового, звукового или аудиовизуального сообщения) обусловлены объемом и содержанием ИКП; на формирование последнего непосредственное влияние оказывает ККП, образующееся под общим влиянием соответствующей КБ.

Обратим внимание на степень эффективности взаимодействия участников коммуникативного акта, принадлежащих к одному или разным когнитивным пространствам. Вполне обоснованно можно предположить, что степень взаимопонимания представителей, ИКП которых имеют пересекающиеся области или точки соприкосновения, будет выше, чем у представителей абсолютно разных ИКП.

Понятие «прецедентность» тесно связано с понятием «интертекстуальность». В результате изучения лингвистических и философских аспектов этих явлений у нас сформировалось определенное понимание соотношения данных терминов. Образно алгоритм рассуждений представим в виде ситуации, когда лучник на турнире целится в поставленную перед ним мишень (рис. 1). Естественных вариантов разрешения данной ситуации может быть несколько:

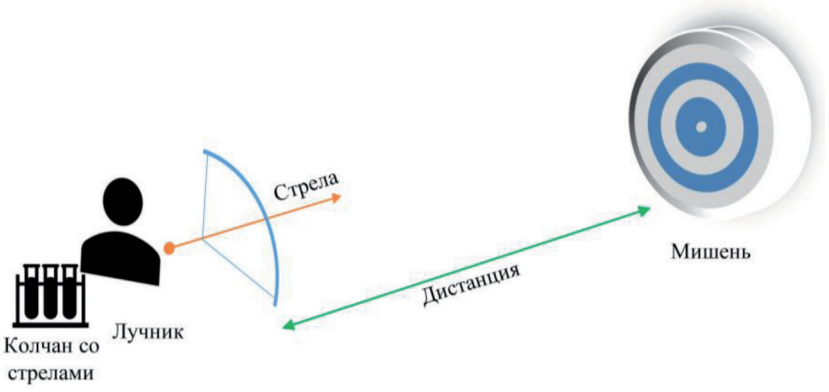

Рис 1. Стрельба из лука

1) лучник промахивается, т. е. стрела не попадает в мишень, пролетает мимо и падает на землю;

2) лучник попадает в мишень – в этом случае возможны дополнительные варианты:

   а) точное попадание в цель, стрелок набирает максимальное количество очков;

   б) попадание в другие области мишени – цель поражена, но стрелок набирает меньшее количество очков;

3) стрела не достигает мишени – в этом случае также возможны варианты:

   а) стрела не долетает до мишени (причиной тому может служить недостаточная сила выстрела или большая дистанция, превышающая технические возможности лука);

   б) неисправность лука, которая может проявляться в том, что либо стрела не получает достаточный импульс, либо дефект настолько значителен, что не позволяет лучнику выпустить стрелу вовсе;

   в) лучник принимает решение не стрелять.

Возможен случай, когда лучник намеренно направляет стрелу мимо мишени или моделирует любой другой из вышеописанных сценариев, кроме попадания в десятку. Мы полагаем, что в таком случае моделируемая ситуация будет разрешаться не естественным путем, а искусственным, т. е. под сильным внешним воздействием на ее условия и участников.

Рис. 2. Аллюзия и прецедентные поля в интертекстуальном пространстве

Осуществим экстраполяцию предложенной модели на поле лингвистики и введем соответствующие переменные, т. е. обозначим субъект и объект модели (рис. 2). В качестве самой ситуации нами было избрано интервью, поскольку этот жанр позволяет наглядным образом эксплицировать параметры модели, характерные для канала коммуникации в условной системе «журналист – гость студии». Соответственно, в роли субъекта действия выступает сам журналист, а объектом воздействия журналиста является его гость, которого пригласили в студию, чтобы посредством постановки вопросов достичь цели, т. е. составить портрет своего гостя, получить информацию и т. д. Проведем сопоставление: если орудием воздействия лучника (субъекта действия) на мишень (объект) является только стрела, то набор инструментов журналиста значительно больше: сами вопросы, техника их постановки, ораторское мастерство журналиста, языковые средства и другие приемы (в данном случае аллюзия рассматривается как один из инструментов повышения эффективности коммуникации). Следует сделать оговорку о том, что в данном случае мы не рассматриваем факторы, оказывающие косвенное воздействие на результат (как например, индивидуальная техника стрельбы из лука, подготовка и т. п.), поскольку профессиональный журналист также имеет свои собственные тактики ведения интервью и, разумеется, готовится к встрече с гостем.

В наблюдениях за языком СМИ Л. В. Моисеенко отмечает, что «автор медиатекста стремится к снятию дистанции между адресантом и адресатом, к созданию общего коммуникативного пространства с читателем, используя те средства, которые составляют национально-культурный фонд социума. Такими средствами могут быть прецедентные единицы, образующие интертекстуальное пространство медиатекста» [Моисеенко 2015, с. 108]. Следовательно, рассматривая уровни соотношения исследуемых понятий, можно говорить о том, что интертекстуальность как явление, реализуемое благодаря употреблению ПФ, охватывает более широкое пространство коммуникации, включая в себя как самих участников коммуникативного акта, так и средства, условия, способы и т. д., необходимые для его осуществления. Прецедентность образует отдельные области, свойственные для каждого коммуниканта или группы коммуникантов и используемые ими в процессе коммуникации. Иными словами, интертекстуальность обозначает явление, а прецедентность представляет собой инструментарий для моделирования интертекстуальности. В итоге имеем следующую цепочку (по нарастающей): *аллюзия* (и *смежные явления*) – *прецедентность – интертекстуальность*. Прецедентные поля занимают определенные участки интертекстуального пространства, равно как и, проводя образное сравнение, галактики составляют Вселенную.

Количество прецедентных полей может быть разным. Ограничения накладываются условиями отдельно взятого коммуникативного акта. На рисунке 2 данная особенность отражена номерами прецедентных полей (от 1 до N). Стоит отметить еще одну параллель, обнаруживаемую при сопоставлении рисунков 1 и 2. На вопрос о том, что отделяет лучника от мишени, ответ очевиден – дистанция. Это расстояние, с которого стрелок должен поразить мишень и как можно точнее. Попытка ответить на вопрос, что находится между автором сообщения и его читателем, привела нас к некоторым размышлениям. С одной стороны, дистанция как физическая величина тоже присутствует. Если говорить об интервью, то журналист и гость могут находится в одной студии, общаться по телефону или с помощью любых других средств дистанционного общения. В случае с газетной статьей, автор и читатель практически всегда будут находиться на большом расстоянии друг от друга, что обусловлено самим жанром статьи. Разумеется, возможен случай, когда другой журналист приглашает

автора этой статьи к себе в студию на интервью и цитирует фразы из этой статьи, тогда физическое расстояние между ними будет минимально, так как они окажутся опять-таки в одной студии. С другой стороны, в отличие от мишени, получатели сообщения (люди) обладают определенными знаниями. Наличие или отсутствие общих знаний может способствовать как условному сближению, так и отдалению коммуникантов.

Реализация модели в жанре интервью

Проиллюстрируем, каким образом предложенная модель находит воплощение в реальных коммуникативных актах. Обратимся к интервью, опубликованному в электронном издании испанской газеты «El Mundo»[1]. Гость – один из самых известных современных гитаристов фламенко Хосе Фернандес Торрес (Томатито). Журналист в одном из первых вопросов употребляет ПФ – имя признанного мастера фламенко второй половины XX века Хосе Монхе Круса, которого называли Камарон де ла Исла (Камарон). Приведем ниже данный фрагмент диалога и вариант выполненного нами перевода на русский язык:

– Empezó con Camarón a los 16 años, ¿cómo lo recuerda?
– Sin prejuicios y sin presión porque con esa edad la guitarra es un juguete. No piensas ‘¡eh, que estoy tocando para el mejor de todos los tiempos!’. Sólo tocar y tocar.
– Когда Вам было шестнадцать лет, Вы начали выступать с Камароном, выдающимся певцом фламенко второй половины двадцатого века. Каким он Вам запомнился?
– Беспристрастным и непринужденным. В таком возрасте гитара воспринимается как игрушка, поэтому как-то не задумываешься о том, что аккомпанируешь лучшему из лучших. Просто выходишь на сцену и играешь.

Перед продолжением анализа данного примера считаем необходимым предложить краткий переводоведческий комментарий в отношении ПФ. Журналист называет один из псевдонимов выдающегося певца фламенко Camarón (Камарон), а не его имя José Monje Cruz (Хосе Монхе Крус). Учитывая тот факт, что среднестатистический

[1] URL: https://www.elmundo.es/papel/2019/12/03/5de4e34bfc6c834f408b45c0.html.

русскоязычный читатель зарубежной прессы, с определенной долей вероятности, может быть не знаком с историей фламенко, целесообразно, в числе прочих трансформаций, использовать прием добавления, реализованный в переводе следующим образом: *…выдающимся певцом фламенко второй половины двадцатого века*.

Итак, возвращаясь к анализу, следует обратить внимание на то, что намеренное упоминание имени одного из мастеров фламенко явилось стимулом к тому, чтобы гость поделился своими воспоминаниями и впечатлениями. Ответная реплика была начата с отношения к ПФ. Известно, что для испанцев очень важно иметь возможность выразить свое мнение и дать оценку. Гость воспользовался такой возможностью, и, соответственно, ПФ выполнил не только стимулирующую функцию, но и сыграл роль аллюзии на высокий профессиональный уровень музыканта.

Употребление ПФ стимулирует собеседника к речемыслительной деятельности за счет обращения к памяти, что, как следствие, оказывает положительное влияние на качество диалога (например, по степени оживленности, насыщенности, вовлеченности). Подтверждением является тот факт, что эмоционально насыщенный ответ Томатито побудил журналиста не переходить к другой теме и задать еще несколько вопросов, связанных с творческим потенциалом и личностными качествами Камарона. Более того, в ходе интервью журналист упоминает имя еще одного выдающегося музыканта (современника Камарона), с которым гость также выступал на сцене:

– También tocó para Enrique Morente.
– Sí, era otro fenómeno. Hizo mucho por el flamenco y creó mucha afición entre los jóvenes. A Camarón le gustaba mucho Enrique.

– Еще Вы выступали с Энрике Моренте.
– Да, мы вместе выступали. Энрике был еще одним феноменом нашей истории. Он внес большой вклад в искусство фламенко и стал необыкновенно популярен среди молодежи. Его творчество очень нравилось Камарону.

В этом фрагменте интервью видно, как заданная в предыдущем вопросе аллюзия получает дальнейшее развитие посредством введения в диалог второго ПФ. Связь между двумя ПФ выражена имплицитно. Однако тот факт, что аллюзия была собеседником распознана,

подтверждается достаточно емким и эмоционально насыщенным ответом на реплику журналиста. Заключительная часть ответной реплики служит доказательством полного понимания намека, заложенного в аллюзию посредством второго ПФ, – гость студии самостоятельно указывает на взаимосвязь между феноменами, проявляющуюся в том, что одному из музыкантов очень нравилось творчество другого.

Говоря о переводе данного фрагмента, заметим, что прибегать к приему добавления в этом случае не следует, поскольку необходимые для понимания ситуации сведения о ПФ представлены в ответной реплике. С точки зрения восприятия аллюзии в переводе стоит отметить: чем меньше дополнительной информации приходится вводить в вопросительной реплике, тем больше сохраняется последовательность раскрытия и передачи имплицитного смысла. На рассмотренных примерах эта особенность просматривается довольно отчетливо.

Итак, будучи употребленными с определенным намерением, прецедентные феномены сыграли роль аллюзий. В первом случае перед журналистом стояла задача побудить собеседника поделиться воспоминаниями о величайшем исполнителе в истории фламенко, а во втором – кратко рассказать о творческом союзе с одним из самых известных певцов фламенко. В обоих случаях аллюзия была распознана и явилась эффективным средством стимулирования получателя сообщения к речемыслительной деятельности. Таким образом, намеренно употребленные в речи имена выдающихся личностей становятся для собеседника (а впоследствии и для читателя интервью) аллюзиями на достижения и высокий уровень мастерства исполнителей фламенко.

Показательно, что в данных примерах присутствует категория оценочности. Однако трудно с полной уверенностью утверждать, на каком основании формируются оценки. «Важно подчеркнуть, что мотивы, руководимые оценкой, не всегда апеллируют к знаниям о свойствах оцениваемого предмета. Известным фактом является то, что нередко оценки мотивируются психическими состояниями оценивающего…» [Писанова 1997, с. 50].

На рассмотренных примерах можно увидеть, как, следуя представленной выше модели, на фоне общего интертекстуального пространства (искусство фламенко) произошло пересечение прецедентных полей (затронутая тема о величайших исполнителях фламенко). Аллюзии сыграли роль механизма, запускающего процесс перемещения

прецедентных полей. Употребление ПФ запускает механизм обращения к памяти и знаниям собеседника о самом ПФ или сопутствующих событиях, что, в свою очередь, является необходимым условием распознавания аллюзии.

Заключение

Переосмысление некоторых теоретических понятий позволило дополнить базовые принципы нашего исследования и построить модель функционирования аллюзии в условном пространстве интертекстуальности. Немаловажную роль сыграло и общее понимание интертекстуальных связей, характеризующих устную и письменную речь, а также различных представлений о структуре коммуникативного акта (К. Шеннон, У. Уивер, Ч. Осгуд). В контексте отмеченной особенности механизма воздействия аллюзии на реципиента справедливо утверждение Ю. М. Лотмана о том, что «текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти» [Лотман 1999, с. 21]. Можно с уверенностью утверждать, что в образном представлении аллюзия выступает в роли ключа к одному из замков на дверях памяти. Говоря о журналистике, использование такого инструмента, как аллюзия, повышает эффективность воздействия текста СМИ на читателя.

На предложенной модели функционирования аллюзии наглядно проиллюстрирован механизм реализации исследуемого языкового явления в медиадискурсе, а также отображено условное расположение прецедентных полей относительно интертекстуального пространства. Анализ эмпирического материала позволил продемонстрировать работу предложенной модели и специфику употребления аллюзий в таком журналистском жанре, как интервью.

Как видно из анализа эмпирического материала, аллюзия усиливает речемыслительную деятельность реципиента, что является одним из факторов повышения эффективности коммуникации. Разнообразие мнений, которые привносятся участниками интервью после распознавания аллюзий в ходе беседы, стимулирует интерес к восприятию информации у большего числа получателей СМИ.

В заключение еще раз отметим, что ввиду необходимости перевода фрагментов текста с испанского языка на русский нами были рассмотрены некоторые особенности передачи аллюзий на переводящем

языке с учетом выбранного жанра, отраженные в кратком переводоведческом комментарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М. : ЛКИ, 2017. [Boguslavskaya, V. V. (2017). Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov (A linguistic, social and cultural concept in text modeling. Analysis of media texts). Moscow: LKI. (In Russ.)].

Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 128–144. [Krasnykh, V. V. (1997). Cognitive base vs cultural space in studying language personalities: the study of the Russian sphere of concepts: Sb. statei. V. V. Krasnykh (red.), A. I. Izotov. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya, 1, 128–144. Moscow: Filologiya. (In Russ.)]. URL: https://philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_11krasnych.pdf (дата обращения: 11.12.2020).

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1999. [Lotman, Yu. M. (1999). Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya (Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)].

Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. [Moiseenko, L. V. (2015). Lingvokognitivnye osnovy teorii pretsedentnosti (Linguo-cognitive foundations of the precedence theory): Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. М.: ИКАР, 1997. [Pisanova, T. V. (1997). Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenochnoi semantiki: Esteticheskie i eticheskie otsenki (Evaluative Semantics: Nation-Specific and Culture-Specific Aspects of Esthetic and Ethic Evaluations). Moscow: IKAR. (In Russ.)].

УДК 81'33 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_134**

О. И. Кузьмин

аспирант
кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета
oleg.kuzmin.999@mail.ru

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ БАЗ ДАННЫХ
(на материале лексики подъязыка «логистика»)

В статье представлены краткая справка и характеристика частных случаев употребления лексических единиц подъязыка логистики, предложены способы улучшения качества автоматизированного перевода и разрешения возникающих семантических трудностей, а также рассмотрены способы формирования новых лингвистических баз данных и улучшения уже существующих. В этой связи разработка профессиональных словарей (глоссариев) поможет повысить степень точности перевода и избежать возможных ошибок.

Ключевые слова: большие данные; базы данных; искусственный интеллект; автоматизированный перевод; машинный перевод; подъязыки; логистика.

O. I. Kuzmin

Postgraduate Student
Department of Applied and Experimental Linguistics
Institute of Applied and Mathematical Linguistics
Moscow State Linguistics University
oleg.kuzmin.999@mail.ru

THE PROBLEM OF DATABASES CREATION
(based on the vocabulary of the sublanguage «logistics»)

This article represents a brief reference and characteristics of particular cases of using the vocabulary of the sublanguage «logistics», suggests ways to improve the quality of automated translation and resolve emerging semantic difficulties. Moreover, it was studied the ways to form new linguistic databases and improve existing ones. In this regard, the development of professional dictionaries (glossaries) will help to increase the degree of translation accuracy and avoid possible errors.

Key words: Big Data; databases; artificial intelligence; automated translation; machine translation; sublanguages; logistics.

Введение

Несмотря на то, что определение «большие данные» (Big Data) появилось относительно недавно, история появления и развития данного понятия корнями уходит в глубокое прошлое. На протяжении веков особый интерес ученых представлял вопрос хранения, обработки и анализа информации. Примером этому могут послужить первые летописные источники (например, «Повесть временных лет»), а также античные библиотеки (Вавилонская и Александрийская), которые использовались для хранения больших объемов текстовой информации. Российская государственная библиотека, основанная в 1862 году и находящаяся в Москве, также может послужить прекрасной иллюстрацией базы данных [Володин 2002]. В рукописных и печатных источниках скрыта опасность утраты ценной информации вследствие вероятного пожара. К сожалению, так и были навсегда безвозвратно утеряны многие великие труды.

Технологический прогресс не стоял на месте, и после появления в XX веке первых ЭВМ и СУБД от американской компании IBM, а также Интернетка колоссально возросло количество мультиязычной текстовой информации. В связи с этим остро встали вопросы, связанные со сбором, хранением и анализом данных. С помощью современных цифровых технологий (в том числе облачных) многие письменные источники начали переводиться в цифровые. Так, Оксфордская библиотека (Oxford library), ранее существовавшая только в бумажном виде, была успешно оцифрована, как и многие другие российские и иностранные библиотеки. Цифровая информация сегодня хранится на огромных серверах (дата-центрах). Доступ к ней возможен из любой точки мира, где есть подключение к Интернету. Массивы цифровых текстовых данных начали использоваться для обучения алгоритмов систем машинного перевода с целью улучшения их качества. Таким образом большие данные – это необходимый материал и основа для функционирования современных онлайн-переводчиков.

Однако такие преимущества современных технологий, как доступность информации и разнообразность цифровых источников, на которых обучаются системы машинного перевода, усложнили процессы межъязыковой трансформации текста предметных областей. В большей степени ошибки систем отчетливо проявляются именно при работе с профессиональными подъязыками. Согласно Л. Л. Нелюбину,

«подъязык – это язык области знания, предметной области (язык математики, физики, военный язык, дипломатический язык и т. п.» [Нелюбин 2003]. Иными словами, для большей точности работы систем необходимо учитывать не только особенности каждого языка, но и подключать лексический материал конкретных предметных областей. Реализовать это в полной мере на данный момент невозможно из-за недостаточного описания лексических единиц подъязыков. Для разработки такого материала необходимы специализированные программные решения, основанные на базах данных, которые содержат мультиязычные лингвистические единицы подъязыков.

В ходе изучения особенностей, характерных для подъязыка логистики, были отобраны массивы мультиязычных текстов, содержащие ошибки машинного перевода с / на немецкий, английский и русский языки. Также был разработан специализированный глоссарий подъязыка логистики для последующего внедрения в системы CAT (Computer-aided translation). Актуальность темы обусловлена возрастающими объемами мультиязычной текстовой информации в Интернете, с одной стороны, и отсутствием программных подходов к переводу подъязыков, основанных на структуризации и классификации лингвистических единиц, – с другой. Для этого предлагается рассмотреть эффективность работы программных решений, подходящих для перевода текстов подъязыков. После тестирования программ и на основе выявленных ошибок был проведен анализ и выработаны определенные рекомендации по совершенствованию существующих систем автоматизированного перевода.

История больших данных

Если говорить о первом упоминании словосочетания *большие данные*, то оно датировано 2008 годом и связано с именем Клиффорда Линча, который был редактором журнала «Nature». В специальном выпуске журнала «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных?» он отметил резкий рост объемов и способов обработки информации, а также спрогнозировал возможный скачок от количества данных к качеству полученных результатов [Lynch 2008].

В 2010 году появились первые системы для решения задачи обработки и хранения информации. Крупнейшие мировые разработчики информационных технологий IBM, Oracle, Microsoft, Hewlett-Packard начали

активно исследовать и развивать технологии, основанные на использовании «больших данных». 2011–2014 годы – этап перехода от теоретических исследований к практическим областям применения. В вузах появилась дисциплина «наука о данных», которая занимается вопросами аналитики, анализа данных, управлением информационными потоками. С 2015 году по настоящее время происходит развитие всех областей, связанных с искусственным интеллектом, его применением в повседневной жизни людей. Эти процессы происходят в непосредственной зависимости от увеличения объемов данных, методов их обработки и хранения. Вследствие повсеместного применения современных цифровых технологий в 2019 году в соответствии с Указом Президента РФ от 10.10.2019 года № 490 был взят курс на развитие информационных технологий, основанных на анализе больших данных, и повсеместное внедрение искусственного интеллекта до 2030 года. В прошлом году на конференции «Artificial Intelligence Journey» (AI Journey 2020) президент отметил, что развитие информационных технологий будет регулировать и определять дальнейшую судьбу человечества в ближайшие годы, а глобальная цифровая трансформация жизни общества является неизбежным процессом. Многие ученые и футурологи современности искренне верят в будущую синергию человека и машины, о чем публично заявляют в своих выступлениях [Kurzweil 1990].

Любая система имеет свои определенные характеристики, следовательно, они есть и у «больших данных». В процессе исследования было установленно правило VVV, которым должна обладать каждая система данных, претендующая на звание «Big Data». Первое – это объем (volume), который должен составлять более 150 ГБ в сутки. Второе – это скорость обновления (velocity): информация регулярно обновляется и обрабатывается в реальном времени с помощью специальных технологий, основанных на понимании принципов работы «больших данных». Третье – это разнообразие (variety): информация в массивах может иметь неоднородные форматы, быть структурированной частично, полностью и скапливаться бессистемно. Развитие современных систем дополняет данные требования еще двумя критериями: изменчивость (variability) – потоки данных могут иметь пики и спады, периодичность. Всплески неструктурированной информации сложны в управлении, требуют мощных технологий обработки. Значение данных (value) – информация может иметь разную сложность

для восприятия и переработки, что затрудняет работу интеллектуальным системам. Задача машин – определить степень важности поступающей информации, чтобы быть в состоянии оперативно ее структурировать и расположить в порядке приоритетности.

В ходе многочисленных аналитических исследований было отмечено, что к 2019–2020 годам важность «больших данных» и работа с большими мультимодальными информационными массивами возросла кратно в сравнении с началом десятилетия. Также произошли процессы интеграции этих систем во все сферы экономики, культуры, политики, спорта и т. п. [Mayer-Schönberger, Cukier 2013].

Области применения больших данных и баз данных

С появлением новых технологий возник вопрос применения знаний в практической деятельности для разработки программ и сервисов, направленных на улучшение уровня жизни человека. В этой связи было предложено использовать большие данные как основу всех цифровых вычислительных процессов. Данный термин, несомненно, связан со стремительным ростом количества информации в Интернете и скоростью работы вычислительной техники как инструмента для ее обработки. И в этой связи, конечно, интересна семантическая сторона вопроса. С одной стороны, это потоки бессистемной информации, которая хранится на цифровых носителях. С другой – объемы настолько велики, что стандартные методы работы над информацией в данном случае не подходят. Поэтому необходимо внести коррективы в значение данного термина. Большие данные – это не просто случайный набор данных, а информация, связанная между собой некими общими характеристиками и собирательными свойствами. Для выявления закономерностей необходимы особые технологии поиска (инструменты) для обработки и манипулирования неструктированными данными [Franks, Davenport 2012]. Такие сервисы и технологии активно развиваются в последние годы в связи со стремительным распространением и использованием искусственного интеллекта по всему миру и возникновением спроса на новые цифровые технологии, которые умеют генерировать и своевременно предоставлять необходимую информацию по запросу [Chen et al. 2014].

Благодаря современным цифровым технологиям и вычислительным ресурсам большие данные начали активно применяться в статистическом переводе (Statistical machine translation – SMT). Появилась

возможность сопоставлять большие массивы мультиязычных текстовых данных, вследствие чего система обучалась выдавать более корректные результаты. С появлением нейросетевых технологий и глубокого обучения (deep learning), основанного на искусственных нейронных сетях, появилась возможность обучения программ без прямого участия человека. Вследствие этого были улучшены стабильность и точность работы, а также отмечен высокий уровень качества перевода. Однако при машинном переводе текстов, в которых содержатся лексические единицы, характерные исключительно для данной сферы употребления (профессионализмы), сразу же возникают ошибки, неточности и лексические искажения [Maucec, Donaj 2019].

При стандартном подходе к обработке информации и формированию баз данных используется простой набор правил. Такой алгоритм лежит в основе машинного перевода. Однако встречаются особые случаи, которые скорее являются исключениями и не могут быть очевидно интерпретированы автоматической программой. В этой связи базы данных являются хорошим инструментом для улучшения качества машинного перевода. Как и в случае с большими данными, термин «база данных» имеет множество субъективных интерпретаций, но не имеет четкого определения. Одно из определений звучит следующим образом: база данных – организованная в соответствии с определенными правилами и поддерживаемая в памяти компьютера совокупность данных, характеризующая актуальное состояние некоторой предметной области и используемая для удовлетворения информационных потребностей пользователей [Когаловский 2002]. В качестве примера базы данных можно привести популярный веб-сервис Reverso.Context[1]. Это онлайн-база данных для поиска частных случаев употребления лексических единиц в контексте. Несомненно, что использование таких сервисов помогает переводчику подобрать правильное значение слова, но стоит отметить тот факт, что базы данных не предлагают готовый вариант перевода, а содержат лишь справочную информацию. Конечно, большие базы данных являются подспорьем переводчику, но окончательные решения и ответственность за качество перевода всё равно остаются за человеком.

При работе с предметной областью предлагается формировать базы данных подъязыков, содержащие те понятия, которые приняты и употребительны в конкретной языковой среде. Разработанные базы

[1] URL: https://context.reverso.net.

данных должны также предлагать варианты перевода, чтобы редактор мог выбрать из уже имеющихся слов, а не переводить отдельные слова или словосочетания самостоятельно. Конечно, сбор материалов, на основе которых будет формироваться база данных, требует ресурса и достаточно много времени. Стоит отметить, что системы, основанные на базах данных, существуют уже сегодня. Многие переводчики в крупных компаниях и организациях используют систему TRADOS, которая предлагает возможность составления базы данных терминов и памяти переводов на основе единиц конкретного подъязыка. Естественно, что для поддержания системы в рабочем состоянии необходимо постоянно обновлять уже существующие лексические данные[1].

Для эффективного перевода подъязыков предлагается использовать гибридный способ: машинный перевод (который обучается на больших данных) в совокупности со специально разработанными базами данных (глоссарий и память переводов). Синергия обоих подходов позволит ликвидировать минусы и недостатки каждой из систем. Большие данные работают с текстовыми массивами и позволяют системам машинного перевода использовать широкое многообразие базовых языковых структур. Однако в процессе ознакомления с результатами перевода отмечаются семантические ошибки, связанные с неточностью выбора слова или словосочетания конкретного подъязыка. Для таких задач лучше подходят базы данных, которые отыскивают как фрагменты текстов, так и отдельные текстовые единицы.

Формирование баз данных подъязыка логистики

Недостаточное описание подъязыков предметных областей и отсутствие программных методов трансформации лексических единиц приводит к многочисленным неточностям при переводе. Так, например, в подъязыке логистики существуют как отдельные единицы, так и целые лексические пласты, которые имеют особые значения в данной предметной области. Такие единицы образуют семантическое ядро, используя которое, специалисты понимают друг друга, формируют общие представления и приходят к взаимопониманию по конкретным вопросам.

При использовании машинного перевода невозможно избежать смысловых ошибок в подъязыках. Для анализа и формирования базы

[1] URL: sdltrados.com.

данных были использованы специально отобранные тексты подъязыка логистики, содержащие уникальные лексические единицы и словосочетания, автоматический перевод которых затруднителен. На основе текстов был разработан уникальный глоссарий подъязыка логистики. Для исправления допущенных машинным переводом ошибок была использована система САТ, в которую был загружен разработанный глоссарий.

Из опыта работы с языковыми парами английский – немецкий в подъязыке логистики были выявлены специализированные термины, перевод которых крайне затруднителен. Одним из них является словосочетание *электронные пломбы* – прибор, который не только защищает груз, но и коммуницирует с грузоотправителем, перевозчиком и грузополучателем с помощью сотовой и спутниковой связи. Для английского языка эквивалентным вариантом перевода является слово *e-seals*. Машинный перевод этих слов предлагает крайне отдаленные от действительности варианты, так как его алгоритмы не предполагают поиск по данной предметной области и не могут подобрать правильный эквивалент перевода. Такая же ситуация наблюдается и в немецком языке. Эквивалентом словосочетания *электронные пломбы* является *elektronische Verschlüsse*. Машинный перевод не в состоянии правильно подобрать необходимый эквивалент, а выбирает только самое частотное значение, которое встречалось в Интернете в сочетании со стоящими рядом словами. Вследствие этого происходит смысловое искажение целых фрагментов текста.

Одним из примеров игнорирования автоматизированными системами семантических особенностей профессионализмов являются слова *der Bahnverkehr* и *der Schienenverkehr*. Принципиальной разницы в значениях нет, но они имеют особые оттенки смыслов. Так, *die Schiene – рельс*, а *der Schienenverkehr – рельсовое движение* (движение по рельсам) (*https://www.wortbedeutung.info/Schienenverkehr.*). В русском языке слова *железная дорога* и *железнодорожный транспорт* относятся к материалу изготовления рельсов, а не к самим рельсам или железнодорожному пути. Слово *der Bahnverkehr* имеет более широкое значение, которое включает в себя не только сам процесс движения состава, но и инфраструктуру и дополнительные факторы, влияющие на процесс железнодорожных грузоперевозок (*https://www.wortbedeutung.info/Bahnverkehr*).

Часто пользователи автоматизированных систем сталкиваются с тем, что текст или отрывок содержит профессионализмы, которые

используются только специалистами в данных областях, и процесс перевода из-за этого может стать крайне затруднительным. Слова подъязыка логистики не являются исключением. Например, словосочетания *широкая колея*, *узкая колея*, *стандартная колея* и *ширина колеи* в соотвествующих контекстах приобретают особые значения. В немецком языке эти понятия означают *Spurweite* (*ширина колеи*) и *Breitspur* (*широкая колея*), в английском *standart-gauge railway* (*стандартная колея*) и *track gauge* (*ширина колеи*). Стандартная (европейская) колея шириной 1 435 мм применяется для транспортировки грузов железнодорожным транспортом по территории Европы. На территории России и стран СНГ используется широкая (русская) колея, которая равна 1 520 мм. В русскоязычной парадигме существует убеждение, что европейская колея 1 435 мм является узкой, так как в соотношении с русской расстояние между рельсами меньше, следовательно, на территории России такое название и закрепилось. В европейских странах, наоборот, узкая колея та, что меньше их стандарта в 1 435 мм. Конечно, такие особенности отражаются в подъязыке, и возникает разница в лексических единицах, основанных на представлениях, которые сложились на протяжении определенного времени в тех или иных странах.

Примерами профессионализмов, для которых необходимо формирование базы данных с учетом семантических значений, являются такие словосочетания, как *двадцатифутовый эквивалент* (ДФЭ), в английском – *twenty-foot equivalent unit* (TEU) – *условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств* (контейнеров). Накладная ЦИМ / СМГС, в английском – CIM / SMGS *consignment note – специальная товарная накладная, регламентирующая правила перевозки по сетям железных дорог*. Список таких слов более обширный, это указывает на необходимость создания баз данных профессиональной лексики подъязыков и специальных технологий, которые будут способны находить такие единицы в больших корпусах текста.

На сегодняшний день неразрешимой проблемой машинного перевода до сих пор остается полисемия [Ермолаева 2020]. Некоторые слова имеют несколько значений в зависимости от области употребления. Так, многозначным является слово *мультимодальность*, которое входит в несколько областей одновременно, но в то же время имеет в каждой различные значения. В логистике *мультимодальная* перевозка

(*multimodal transportation*) означает перевозку грузов с помощью различных видов транспорта (автомобильная, морская, железнодорожная и т. д.). В лингвистике слово *мультимодальность* имеет несколько другое значение, которое относится к каналам получения и передачи информации (графические, аудиальные и визуальные). Таким образом, как отдельное слово, так и целое словосочетание способно приобретать новое значение, и, несомненно, это должно быть каталогизировано и внесено в базу данных.

Заключение

Перевод текстов профессиональной отрасли знаний является даже более сложным процессом, чем перевод общеупотребительных лексических единиц, относящихся к бытовой сфере общения. Успешный перевод с подъязыка на подъязык предполагает не только знание языков и выполнение прямого перевода слова или предложения, но и владение профессиональной терминологий каждой отдельной отрасли. Недостаточная разработка лексических единиц подъязыков вызывает необходимость разработки программных продуктов совместно со специалистами каждой предметной области для подробного описания каждого подъязыка и заполнения существующих лакун [Eiger, Panasiuk 2005].

Подъязык «логистика» изобилует профессиональной терминологией, которая понятна только для людей, которые непосредственно связаны с данной тематикой. Машинный перевод при переводе корпусов текстов допускает определенное количество лексических ошибок и семантических неточностей, что приводит к смысловому искажению всего текста и снижению общего качества полученного перевода. Детальное формирование баз данных подъязыков (разработка глоссариев и использование памяти переводов) является на данный момент ключом к улучшению общего качества перевода, а также перевода подъязыков.

В рамках исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ результатов машинного перевода и отредактированных САТ (система текстов с использованием специализированного глоссария. Также был разработан метод классификации ошибок, акцентировано внимание на частных случаях употребления лексических единиц подъязыков. Вычисленная частотность, с которой пользователю предлагалось заменить вариант машинного перевода на вариант,

указанный в специализированном глоссарии, доказывает факт необходимости применения специально разработанных баз данных в автоматических системах для улучшения качества перевода.

Стоит отметить, что достижение высокого качества перевода без использования дополнительных программных надстроек, а также пред- и постредактирования переведенного текста на сегодняшний день невозможно [Оськина 2017]. В будущем онлайн-системы машинного перевода будут содержать дополнительный инструментарий, который можно будет адаптировать под каждого пользователя для перевода текста с любого подъязыка на любой подъязык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. СПб. : Профессия, 2002. [Volodin, B. F. (2002). Vsemirnaya istoriya bibliotek (World Library History). St. Petersburg: Professiya. (in Russ.)].

Ермолаева А. А. Полисемия в контексте нейронного машинного перевода // Молодой ученый. 2020. № 32 (322). С. 175–177. [Yermolaeva, A. A. (2020). Polisemiya v kontekste neyronnogo mashinnogo perevoda (Polisemy in the context of neural mashine translation). Molodoy uchenyy, 32(322), 175–177. (in Russ.)].

Когаловский М. Р. Энциклопедия технологий баз данных. М. : Финансы и статистика, 2002. [Kogalovskiy, M. R. (2002). Entsiklopediya tekhnologiy baz dannykh (Encyclopedia of Database Technologies). Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)].

Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перер. М. : Флинта : Наука. 2003. [Nelyubin, L. L. (2003). Tolkovyy perevodcheskiy slovar' (Explanatory translation dictionary). 3rd izd., pererab. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)].

Оськина К. А. Мультиязыковая типология семантем концепта «Новейшие информационные технологии»: дис. … канд. филол. наук. М., 2017. [O'skina K. A. (2017). Mul'tiyazykovaya tipologiya semantem kontsepta «Noveyshiye informatsionnyye tekhnologii» (Multilingual typology of semantemes of the concept «The latest information technologies»): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Lynch C. Big Data: how do your data grow? // Nature. 2008. Vol. 455. № 7209. P. 28–29.

Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge. MA: MIT Press, 1990.

Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work and Think. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

Chen M. [et. al.]. Big Data. Related Technologies, Challenges, and Future Prospects / M. Chen, S. Mao, Y. Zhang, V. Leung C. DOI 10.1007/978-3-319-06245-7. N Y : Springer International Publishing, 2014.

Franks B., Davenport T. Taming the Big Data Tidal Wave: Finding Opportunities in Huge Data Streams with Advanced Analytics, John Wiley & Sons Limited. 2012.

Maucec M. S., Donaj G. Machine Translation and the Evaluation of Its Quality. 2019.

Eiger G. W., Panasiuk I. (2005): Konzepte und Lakunen: Zur Frage der Determinierung interkultureller Unterschiede. In: Igor Panasiuk, Hartmut Schröder (Hrsg.): Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung (Im Druck).

УДК 811.11-112 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_146**

В. А. Куликова

аспирант
преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
val.kulikova@hotmail.com

АНТРОПОНИМЫ ДОМЕНА «МУЗЫКА» В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЯХ

Материалом исследования служат употребительные для современных немецких СМИ сравнения, в состав которых входят антропонимы домена МУЗЫКА. Сравнение, являясь базовой ментальной и языковой категорией, представляет собой сложный конструкт, с помощью которого происходит категоризация объектов действительности. В статье предпринимается попытка анализа их потенциала при категоризации действительности с позиций когнитивной лингвистики, что позволяет выделить ряд лингвокогнитивных моделей сравнения, использующих механизм антономасии.

Ключевые слова: категория сравнения; основание сравнения; антономасия; метафора; метонимия; антропонимы; лингвокогнитивные модели.

V. A. Kulikova

Postgraduate Student
Lecturer at the Department of German Lexicology and Stylistics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University
val.kulikova@hotmail.com

ANTHROPONYMS OF THE DOMAIN «MUSIC» IN LINGUOCOGNITIVE COMPARATIVE MODELS

Comparison, being both a mental and a linguistic category, is a complex unit that deals with categorization of objects. The material of the research are comparisons with anthroponyms of the domain MUSIC in the German mass media. The article aims to analyze their potential in categorizing reality from the standpoint of cognitive linguistics, which let us distinguish a certain number of linguocognitive comparative models with antonomasia as mechanism.

Key words: comparison; basis of comparison; antonomasia; metaphor; metonymy; anthroponyms; linguocognitive models.

Введение

В русле когнитивного подхода в лингвистике сравнение определяется как особая когнитивная структура, отражающая процесс познания мира человеком. О комплексном характере этого явления свидетельствует тот факт, что сравнение предстает перед исследователями в форме базовой категории не только мышления, но и языка. Во-первых, сравнение – это универсальный механизм познания человеком действительности путем сопоставления различных объектов, состояний и качеств между собой. Во-вторых, это непосредственное закрепление результатов процесса сравнения в языке. Так, с помощью *языковых конструкций* происходит фиксация, классификация и упорядочивание установленных в ходе *операции сравнения* сходств или различий между предметами. Сравнение тесно связано как с общими вопросами категоризации мира, так и с лингвокогнитивным моделированием самого процесса.

Антономасия как частный случай сравнения при антропонимах (см. также имена собственные, наименования лица, «совокупность лексем, называющих человека» [Томашевская 1985, с. 14]) представляет огромный потенциал для исследования. Основная цель нашей работы заключается в анализе потенциала немецких антропонимов, служащих основанием антономасии. Исходя из цели нами предпринимается попытка выделения, классификации и описания лингвокогнитивных моделей сравнения данного типа. Корпус исследования составляют контексты с антропонимами из области музыки (Mozart, Bach, Strauss, Beethoven и др.) в антономасическом сравнении в современной немецкоязычной прессе: «Die Zeit», «der Tagespiegel» и «Berliner Zeitung». В качестве основных методов анализа корпуса нами были выбраны: когнитивно-матричный метод, метод компонентного и контекстуального анализа, а также метод лингвистического моделирования для систематизации полученных результатов.

Антропоним как формат знания

Традиционное понимание антропонима было сформулировано Е. И. Шендельс и Е. В. Гулыга: исследователи относят к антропонимам «языковые средства выражения понятийной сферы, связанной с характеристикой и деятельностью человека» [Гулыга, Шендельс 1969, с. 135]. В узком смысле антропонимы представляют собой особые номинации

человека, т. е. наименования лица, включая все возможные варианты с этим именем. С точки зрения когнитивной лингвистики, антропоним понимается как *формат знания*, т. е. особое знание, объединяющее в себе на основе внутренних связей различные контексты или домены, которые служат источниками его содержания [Болдырев 2006].

Р. Лэнекер для описания структур объединения такого знания вводит понятие «матрица», которая представляет собой объединение крупных структур знания – доменов [Langacker 2008]. Н. Н. Болдырев формулирует термин «когнитивная матрица», которая представлена когнитивными структурами, или блоками знания, стоящими за значениями и обеспечивающими их понимание [Болдырев 2009].

На рисунке 1 представлена когнитивная матрица антропонима, с помощью которой можно описать знание, служащее основанием значения языковой единицы [Бочкарева 2012]. Антропоним занимает центральное положение, выступая ядром матрицы. Вокруг него располагаются ячейки матрицы – когнитивные контексты, или домены. Выделяют такие домены, как **ФИЛОСОФИЯ**, **ПОЛИТИКА**, **НАУКА**, **ИСКУССТВО**, **РЕЛИГИЯ**. Это позволяет осмыслить антропоним в тех или иных контекстах, составляющих ячейки матрицы.

Рис. 1. Когнитивная матрица антропонима[1]

[1] *Бочкарева И. В.* Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012.

Непосредственное содержание ядра матрицы – антропонима – представлено структурами знания, которые выражают следующие характеристики: внешность, характер, физические и умственные качества, мировоззрение, деятельность, ситуации [Бочкарева 2012]. Как правило, именно эти параметры служат основой для сравнения при антропонимах, которое может быть выражено в языке как *эксплицитно*, так и *имплицитно*.

Лингвокогнитивный механизм сравнения

Конструирование информации об объектах действительности строится на уже известных человеку образах и его фоновых знаниях. При сравнении задействуется *механизм ассоциации*, который позволяет в сознании реципиента установить определенные связи между объектами сравнения. При этом необходимо отметить, что сравнение направлено на получение знаний как о новом объекте, так и об уже известном, что позволяет человеку дополнять и систематизировать информацию об окружающей его действительности.

Ханс Хёрманн полагает, что идеи, представления и мысли в нашем сознании взаимосвязаны таким образом, что появление одной мысли тут же приводит к появлению другой, связанной с ней. По мнению исследователя, который соглашается в этом вопросе с Аристотелем, ассоциации возникают двумя способами. Первым фактором, приводящим к появлению ассоциаций, он называет *качество* самих мыслей. Ассоциация возникает тогда, когда мысль связана с другими, *качественно* похожими на нее, либо противоположными ей. Вторым фактором появления ассоциаций считается *опыт*. Ассоциации подвергается то, что испытывается человеком одновременно или последовательно. Если *идея a* и *идея b* были испытаны одновременно или последовательно, то в будущем сформируется тенденция: при появлении *идеи a* в сознании будет активироваться *идея b* [Hörmann 1977].

Бернд Шпилнер представляет сравнение как некую универсальную глубинную категорию, не зависящую от отдельного языка, но находящую свое отражение в каждом языке по-своему [Spillner 1997]. Вне зависимости от языка знания фиксируются и накапливаются в языковых категориях, с помощью которых человек упорядочивает полученные знания о себе и мире. Таким образом, мы имеем дело с *форматом знания*, под которым подразумевается «определенная

форма или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях» [Болдырев 2006, с. 5].

Сравнивая, человек отражает свойства объектов через противопоставление одного объекта другому. Это свидетельствует о том, что между объектами сравнения обязательно присутствует явное или неявное «общее», известное как *tertium comparationis*. Большинство исследователей говорит о сравнении как о трехчленной модели, в состав которой входят: объект сравнения (что сравнивают); эталон сравнения (с чем сравнивают); общий признак (основание сравнения). Члены сравнения могут быть выражены или подразумеваться [Мезенин 1983], таким образом допускается наличие как эксплицитных (например, сравнительный союз *wie*), так и имплицитных сравнений (например, *антономасия*).

Антономасия при антропонимах

Отобранный для исследования материал представляет собой последний тип сравнения – имплицитный. *Антономасия* представляет собой сложно организованную лингвокогнитивную структуру. Употребление имен собственных вместо нарицательных (антономасия) традиционно рассматривалось в стилистических исследованиях как риторический прием, заключающийся в метафорическом употреблении имени собственного при обозначении другого лица, обладающего свойствами первоначального носителя этого имени [Ахманова 1966]. В современных исследованиях антономасия рассматривается также как вид метонимического или метафорического переноса значения [Ирисханова 2014]. Способность антропонимов выступать в роли имен нарицательных обусловлена их способностью, во-первых, обладать широкой известностью, во-вторых, «вбирать» в себя информацию как о самой сущности носителя имени (например, о его внешности, характере, качествах и т. д.), так и о неких культурнозначимых событиях. Это также отражено в определении антономасии: «обозначение лица словом, имеющим отвлеченное значение свойственного или приписываемого данному лицу качества» [Ахманова 1966, с. 50].

Мария Турмаир антономасией называет метафорическое сравнение при именах собственных (*нем.* metaphorischer Eigennamenvergleich) [Thurmair 2020, с. 306]. По мнению О. К. Ирисхановой и ряда других ученых, антономасия представляет собой гибридную семиотическую

сущность, интерпретация которой возможна только при учете «процессов построения метонимических и/или метафорических связей между несколькими доменами» [Ирисханова 2014, с. 151].

В основе антономасии лежит феномен эталона. Эталоном выступает некий объект, в котором максимально проявляется выделенный позитивно- или негативно-оценочный признак [Ирисханова 2014].

Особенность антономасии заключается в том, что в тексте она чаще всего выступает как референция к некоему третьему лицу, т. е. называется некий референт, который обозначается при этом чужим именем. Условно это можно отразить в модели **A1** = **A2**, где A1 – антропоним – объект сравнения, A2 – антропоним – эталон сравнения.

Употребление имени собственного в антономасии приводит к тому, что оно приобретает денотативное значение, служит новой идентификацией референта, а также передает новому референту соответствующие характеристики изначального носителя имени. При этом антропоним не только расширяет референтную базу, но и по-прежнему сохраняет способность ассоциироваться с единичным объектом [там же].

Антономасические модели с антропонимами

Для анализа был отобран ряд немецких контекстов, содержащих антономасические сравнения, в структуре которых задействованы антропонимы, репрезентирующие домен **ИСКУССТВО**, в частности **МУЗЫКУ** (рис. 2). Музыка, наряду с театром, литературой, живописью составляет содержание домена **ИСКУССТВО**.

Музыка – один из самых древних видов искусства и неотъемлемая часть любой культуры. Она обладает большой силой: может передавать мысли и чувства, воздействовать на человека. Об интегративном характере этого домена свидетельствует большое количество языковых контекстов с имплицитным сравнением. Bach, Beethoven, Strauß, Wagner – крупнейшие композиторы, оказавшие влияние на развитие не только музыки в ее европейской традиции, но и на развитие мировой культуры в целом.

Отправной точкой при анализе контекстов, в которых антропоним участвует в имплицитном сравнении, является изучение фоновой информации об антропониме, которая, по нашему мнению, служит основой для метафтонимических операций.

Проанализированные контексты были объединены нами в группы, исходя из того, каким модификациям подвергается универсальная антономасическая модель А1 = А2, о которой речь шла выше. На основе анализа нами были выделены лингвокогнитивные модели.

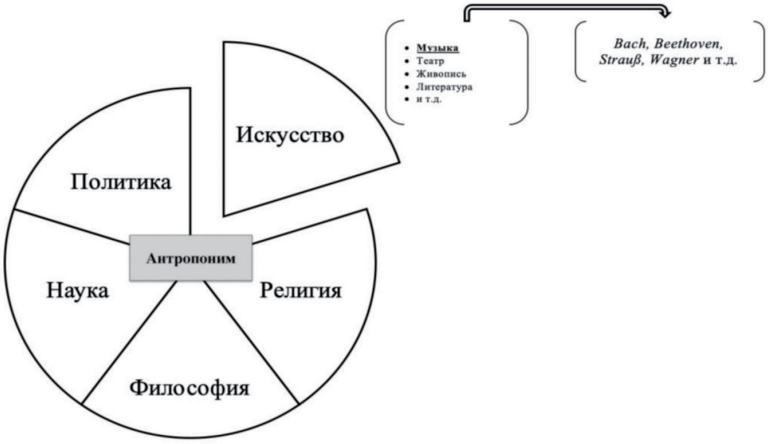

Рис. 2. Антропонимы домена **искусство** (**музыка**)

Темпоральная модель

Обширный блок примеров представляет так называемая темпоральная модель: **A1** = **A2** + *Gt*, где А1 – антропоним – объект сравнения, А2 – антропоним – эталон сравнения, *Gt* – определение в форме родительного падежа с темпоральным значением. Расширение универсальной модели в этом случае происходит за счет указания на время.

(1) Aus einer kleinen Altdeutsch Mißdeutung könnte Schlimmes gelesen werden; „Für deinen Thron tret' ich hiemit" – ***Mauricio Kagel*** mit dem Anspruch auf ***den Bach*** *des Jahres 1985?* Ganz gewiß nicht (*Die Zeit, 13.09.1985, Nr. 38*).

Маурисио Кагель – известный аргентинский и немецкий композитор XX века. В 1895 году к трехсотлетию со дня рождения Иоганна Себастьяна Баха композитор создал произведение «Страсти по Святому Баху» («Sankt-Bach-Passion»). Следуя модели цикла монументальных произведений Баха «Страсти», Кагель создает новое произведение, беря за основу уже не евангельский сюжет, а биографию самого Баха. В контексте (1) мы видим ироничное сравнение, построенное

на основе ядерной характеристики «деятельность». Таким образом, в рамках общей для двух антропонимов ядерной характеристики «деятельность» происходит «временной» перенос на новое когнитивное пространство.

(2) *Hindemith* war tatsächlich ***der Bach*** *des 20. Jahrhunderts* (*Die Zeit, 10.01.1964, Nr. 02*).

Пауль Хиндемит – один из крупнейших немецких композиторов начала и середины XX века. Глубоко откликаясь на современную ему эпоху, Хиндемит искал особую форму музыкального выражения и держался в стороне от музыкальной моды, его манера письма близка манере Баха (как считают музыковеды). В этом контексте именно ядерная характеристика «деятельность» служит основанием для сравнения, а «темпоральная» конкретизация указывает на возникновение смешанного когнитивного пространства: Бах словно перенесен в XX век.

Локальная модель

Локальная модель **A1** = **A2** + *Gl*, где A1 – антропоним – объект сравнения, A2 – антропоним – эталон сравнения, *Gl* – определение в форме родительного падежа с локальным значением, может быть также представлена рядом контекстов, в которых расширение происходит за счет использования определения с локальным значением, например, географического названия.

(3) Im Paris um 1860 besuchte man auf den Champs-Élysées den „Quadrillen-König“ Alfred Musard, im dänischen Kopenhagen machte der „***Johann Strauß*** *des Nordens*“, *Hans Christian Lumbye*, das Tivoli weltbekannt (*Berliner Zeitung, 06.06.1997*).

В приведенном контексте *Иоганном Штраусом Севера* называют датского композитора Ханса Кристиана Лумбю. Благодаря знакомству с музыкой Штрауса-отца, Лумбю усовершенствовал свой музыкальный стиль. Как и в предыдущих примерах, сравнение базируется на ядерной характеристике «деятельность».

(4) Sophokles war für ihn „ein ruhig philosophierender und gläubig duldender Poet», während er ***Aischylos*** „***den Beethoven*** *des Mittelmeers*» nannte (*Die Zeit, 03.12.1953, Nr. 49*).

Вильгельм Лейхаузен (Wilhelm Leyhausen) – профессор риторики Берлинского университета им. Гумбольдта, которого в статье, к слову, самого называют *последним греком* (*letzte Grieche*), сравнивает древнегреческого драматурга, отца европейской трагедии Эсхила с Бетховеном. В этом случае релевантным представляется ряд факторов.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что антомасические модели позволяют задействовать при сравнении не только единый для двух анторопонимов домен когнитивной матрицы – **МУЗЫКУ**, как было в примерах ранее, но и различные домены, осуществив таким образом переход между музыкой и театром, который по-прежнему осуществляется внутри общего домена **ИСКУССТВО**.

Во-вторых, основанием сравнения здесь может выступать ядерная характеристика *деятельность*, которая представлена рядом характеристик: 1) и Эсхил, и Бетховен оказывают колоссальное влияние на развитие культуры своего времени; 2) они оба очень плодотворны в своей работе: в общей сложности Эсхил написал более 90 драматических произведений, а Бетховен оставил после себя более 240 музыкальных произведений; 3) в центре творчества этих талантливых людей стоят вечные темы: противостояние человека судьбе, моральный долг человека перед собой и обществом; 4) Эсхил долго работал над своим собственным трагическим стилем, а симфонии Бетховена, по оценкам исследователей, предстают подлинно драматическим инструментальным жанром (*https://www.belcanto.ru/beethoven_symphony.html*); 5) как следствие, можно предположить, что и мировоззрение служит в этом контексте основой для сравнения: задумчиво-мрачный характер Бетховена перекликается с его произведениями, а Эсхилу удается создать глубоко продуманную теологию.

И, наконец, обратимся к определению в форме родительного падежа, задействованному в сравнении – *des Mittelmeers*. С одной стороны, это пространственное определение, подчеркивающее географическую принадлежность: Бетховен *Средиземноморья*. С другой – это определение можно отнести и к разряду темпоральных, так как *das Mittelmeer* воспринимается не только как географическое название, но и как историческая эпоха. История Средиземноморья представляет собой историю одной из древнейших человеческих культур, где свои корни находят современная наука, философия, политика и т. д. Не случайно этот регион времен Античности называют колыбелью западной культуры.

Профессиональная модель

Профессиональная модель построена по принципу: **A1** = **A2** bA X, где bA – это определенный артикль, X – область деятельности, в которой функционирует A1 – объект сравнения. Необходимо отметить, что эта модель носит комплексный характер, так как при сравнении задействуются домены, которые могут относиться к разным сферам, что позволяет рассматривать этот случай как метафорический перенос.

(5) Wir haben ***Josef Neckermann!*** Mitten unter uns lebt eine Jahrhundertgestalt: eine mythische Figur (wie Goethe in Frankfurt zu Hause), ein großer Einsamer – ***der Beethoven*** *des Versandhandels* (*Die Zeit, 11.08.1972, Nr. 32*).

Так, можно встретить такие номинации, как *Бетховен торговли по каталогам*. В XX веке Йозеф Некерман (Josef Neckermann) был владельцем известной немецкой компании, занимающейся торговлей по почте и каталогам. Его компания, как никакая другая, символизировала немецкое экономическое чудо 50–60-х годов XX века. Основание сравнения в этом контексте указано в начале контекста: жизнь этих людей была одинокой. Основание сравнения задействует ядерную характеристику «ситуация».

(6) Vertreter dieser Tyroler in Mailand ist Günther Andergassen, 35 Jahre alt, Musikprofessor am „Mozarteum“ in Salzburg, Komponist kirchlicher Musiken, von Papst Johannes XXIII. in Privataudienz empfangen, von den Italienern kurz der „***Bach*** *des Dynamits*“ genannt (*Die Zeit, 18.02.1966, Nr. 08*).

Бахом динамита называют Гюнтера Андергассена (Günther Andergassen), музыканта, на чьи детские годы пришлась фашистская итальянизация Южного Тироля. В 1960-х годах Андергассен в качестве члена Комитета освобождения Южного Тироля был вовлечен в движение по реинтеграции Южного Тироля в Австрию. За участие в контрабанде взрывчатых веществ для подрыва опор электропередач в Южном Тироле он был арестован итальянскими властями и осужден. После выхода из тюрьмы он посвятил себя музыке. Вероятно, основанием для сравнения послужило то обстоятельство, что великий композитор в молодости также не отличался особым уважением к закону. Немецкие юристы, в том числе представители высших судебных

органов, любят, насладившись музыкой великого композитора, оценить с профессиональной точки зрения некоторые из «дел Баха»[1].

(7) Ihnen „perfekte Balance verfeinerter Aromen und enorm entwickelte Produktbehandlung“ attestiert …Hm, ah. …und das Magazin „Gala“ nennt Sie einen „Superstar“, sogar den „***Johann Sebastian Bach*** *der Kochkunst*“ (*Der Tagesspiegel, 14.12.2003*).

Немецкий повар Харальд Вольфарт (Harald Wohlfahrt) – не просто лучший шеф-повар Германии, его называют *Иоганном Себастьяном Бахом кулинарного искусства*. Больше 25 лет он проработал шеф-поваром ресторана с тремя мишленовскими звездами (высшая награда). Обладателями трех звезд «Michelin» в Германии являются всего десять ресторанов. Очевидно, основанием для сравнения выступает всемирно признанный уровень шедевров, которые создавал каждый в своем деле.

Потенциал этой модели может также раскрываться в пределах одной сферы – музыки: когнитивное расширение модели происходит за счет конкретизации музыкального направления, как в примерах (8–10).

(8) Meat Loaf führe, so heißt es, bei seinen Auftritten kleine Melodramen auf. Er verbinde Musik und dramatische Handlung, sei also so eine Art *Richard Wagner* ***der Popmusik*** (*Berliner Zeitung, 20.04.1999*).

(9) In «Jazz» wird Armstrong als Bote Gottes gefeiert, und Giddins sagt, *Armstrong* sei ***der Bach der amerikanischen Musik*** (*Der Tagesspiegel, 22.12.2001*).

(10) ***Der „Richard Wagner*** *der Filmmusik*“, wie ihn der Conferencier nannte, wird es verschmerzen, dass er auf den Plakaten für diesen Abend vor einem Filmposter posieren musste (*Der Tagesspiegel, 22.10.2004*).

Так, в примере (8) *Meat Loaf* связывает в своем творчестве музыку и драматические события так, словно он *Рихард Вагнер поп-музыки*. В примере (9) *Бахом американской музыки* (зд. джаза) называют джазового музыканта Луи Армстронга. В примере (10) *Рихардом Вагнером музыки к фильмам* называют немецкого композитора

[1] URL: https://www.dw.com/ru/буйная-молодость-иоганна-себастьяна-какбах-нарушал-закон/a-19197707.

Рольфа Вильгельма, который написал музыку более, чем к 60 фильмам, тем самым заслужив это сравнение. Антропонимы в примерах (8–10) представляют домен **музыка**, сравнение происходит на основе ядерной характеристики «деятельность».

Заключение

Антропонимы домена **музыка** способны не только создавать особое семантическое пространство, но и аккумулировать различные контекстуальные и ассоциативные значения. Это обусловлено особой способностью антропонимов не только кодировать, но затем и преобразовывать большое количество информации, что впоследствии дает возможность использовать антропонимы в скрытом сравнении, антономасии.

Огромный потенциал антропонимов раскрывается в универсальной антономасической модели, **A1** = **A2**, которая может расширяться и подвергаться модификации за счет указания:

1) на область деятельности A1 (как это происходит в профессиональной модели, например, *der Beethoven des Versandhandels*);

2) на некий временной период (представлено в темпоральной модели, например, *der Bach des 20. Jahrhunderts*);

3) на определенное географическое положение (представлено в локальной модели, например, *Johann Strauß des Nordens, der Beethoven des Mittelmeers*).

Как показал анализ контекстов, в начальной фазе процесса переноса выделяется некое свойство антропонима, которое затем метонимически переносится на другой антропоним. Именно это впоследствии позволяет запустить метафорическое смещение в другие домены. Всё вышесказанное свидетельствует о гибком, динамичном и комплексном характере языкового явления, участвующего в категоризации окружающего мира и расширяющего возможности процессов номинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1969. [Ahmanova, O. S. (1969). Slovar’ lingvisticheskih terminov. (Dictionary of linguistic terms). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М. : Институт языкознания РАН ; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77. [Boldyrev, N. N. (2009). Kontseptual'naya osnova yazyka (Conceptual basis of the language). Kognitivnye issledovaniya yazyka, IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kollektivnaya monografiya. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN ; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina. (pp. 25–77). (In Russ.)].

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2. С. 5–22. [Boldyrev, N. N. (2006). Yazykovye kategorii kak format znaniya (Language categories as a format of knowledge). Voprosy kognitivnoi lingvistiki, 2, 5–22. (In Russ.)].

Бочкарева И. В. Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. [Bochkareva, I. V. (2012) Kognitivnye aspekty semantiki proizvodnykh ot imen sobstvennykh v sovremennom angliiskom yazyke (Cognitive aspects of the semantics of derivatives from proper nouns in modern English): abstract of PhD in Philology. Tambov. (In Russ.)].

Гулыга Е. В., Шендельс Е. О. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. [Gulyga, E. V., Shendel's, E. O. (1969). Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyk (Grammar-lexical fields in modern German). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. (Focus games in language : Semantics, syntax and pragmatics of defocussing). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. Вып. 6. М. : Высшая школа. С. 48–57. [Mezenin, S. M. (1983). Obraznost' kak lingvisticheskaya kategoriya (Imagery as a linguistic category). Voprosy yazykoznaniya, 6, 48–57. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].

Томашевская Л. А. Структура значения антропонимов в современном английском языке (лексематический и лексико-семантический анализ): дис. ... канд. наук. М., 1985. [Tomashevskaya, L. A. (1985). Struktura znacheniya antroponimov v sovremennom angliiskom yazyke (leksematicheskii i leksiko-semanticheskii analiz) (The structure of the meaning of anthroponyms in modern English (lexical and lexical-semantic analysis): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Hörmann H. Sprachliche Assoziationen und das Problem der Bedeutung // Psychologie der Sprache. Berlin, Heidelberg: Springer, 2017. S. 71–88.

Langacker Ronald W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Spillner B. Methoden des interkulturellen Sprachvergleichs: Kontrastive Linguistik, Paralleltextanalyse, Übersetzungsvergleich // Kulturtransfer im Epochenumbruch. Frankreich – Deutschland 1770 bis 1815. 2. Bde., Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 1997. S. 103–130.

Thurmair M. Eigennamen in Vergleichen: von der Angela Merkel des Sports bis zum Mercedes unter den Bundespräsidenten // Linguistik der Eigennamen. Berlin ; New York : de Gruyter. 2020. S. 305–329.

УДК 811.134 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_160**

М. В. Кутьева

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков №2
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
доцент кафедры португальского языка
Московского государственного лингвистического университета
kuteva.mv@rea.ru

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ПОЛИСЕМИЯ ПОРТУГАЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, РЕФЕРИРУЮЩИХ К ВОДНОЙ ФАУНЕ

В статье анализируются рекуррентные португальские фразеологизмы, основной компонент которых восходит к водной фауне. Многочисленные «морские» идиомы обусловлены географическим положением и бытом Португалии. Текстологический материал почерпнут нами из центральной португальской прессы. Спектр контекстуальных значений рассматриваемых фразеологизмов отличается разнообразием, широким охватом явлений и находится в динамике: под влиянием экстралингвистических факторов одни семы угасают, новые возникают, функционируя одновременно с прежними.

Ключевые слова: фразеологизм; значение; контекст; полисемия; языковая картина мира.

M.V. Kutieva

PhD. (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department # 2,
Russian Economic Plekhanov University
Associate Professor at the Department of Portuguese
Moscow State Linguistic University
kuteva.mv@rea.ru

CONTEXTUAL POLYSEMY OF PORTUGUESE PHRASEOLOGISMS REFERRING TO AQUATIC FAUNA

This article analyzes the recurrent Portuguese idioms, in which the main component ascends to aquatic fauna. The abundance of «sea» idioms is due to the geographical location and lifestyle of Portugal. The texts' material was taken from the central Portuguese press. The range of contextual phraseological meanings is diverse, broad in scope of phenomena and unfolders in dynamics: under the influence of extralinguistic factors, some meanings are fading, new ones arise, functioning at the same time with the formers.

Key words: phraseologism; meaning; context; polysemy; language view of the world.

Введение

Широко и активно употребляемые фразеологизмы, обрастая применениями во всё новых сферах, постепенно оказываются многозначными. Приобретая полисемичность, они становятся психоэмоциональными средоточиями иносказательности и фоновых знаний, ключевых для формирования и существования языковой картины мира. При этом нередко, в результате вторичной номинации, опорные компоненты фразеологических единиц вбирают в себя огромное множество периферических сем. Тогда лексемам, несущим на себе основную образность, становится присуща двусмысленность, расплывчатость и неопределенность (ambiguity, vagueness and indeterminacy) [Kroeger 2019]. Их конкретное, вещественное значение отодвигается на второй план, уступая место фигуративному. Оно-то и берет на себя главенствующую роль в семантической ткани фразеологизма.

Фауническая фразеология, за счет своей легкой и спонтанной ассоциативности, обеспечивает эмоционально заряженную и суггестивно мощную вербальную фиксацию повторяющимся ситуациям и граням бытия этноса, творящего таким образом свою уникальную дискурсивную реальность [Петряков 2014].

Водная фауна в португальской фразеологии

Обилие названий рыб в португальской фразеологии представляет собой яркую характеристику языковой картины мира и весьма примечательную особенность португальского языкового воображения [Скробогатова, Суралева 2009]. Португалия и Бразилия – страны морские. Рыболовецкий промысел искони был важнейшим занятием населения. А быт, как известно, самым кардинальным образом воздействует на тип культуры, социальные и ролевые отношения, на иерархию ценностей языкового сообщества. Поэтому естественно, что обитатели морских глубин прочно вошли в состав фразеологии португальского языка, став своеобразными аксиологическими катализаторами этнокультурного сознания [Cruz Romão 2013].

> Uma língua é o lugar donde se vê o mundo e em que se traçam os limites do nosso pensar e sentir. Da minha língua vê-se o mar. Da minha língua ouve-se o seu rumor, como da de outros se ouvirá o da floresta ou o silêncio do deserto. Por isso a voz do mar foi a nossa inquietação [Ferreira 1999]. – Язык – это окно, из которого виден мир; в нем прочерчены границы

нашего мышления и наших чувств. Из окна моего языка видно море. Из окна моего языка слышен его шум, как из других окон слышен шум леса или безмолвие пустыни. Поэтому голос моря всегда будоражил нас»[1].

Лексема *peixe/рыба* в составе фразеологизмов. Ихтионимы являются аллегорическими носителями человеческих качеств и характеристик во многих лингвокультурах. Именно рыба выбрана для именования духовно близкого вам человека, друга. Например: *Esse é Fábio,* ***meu peixe***! [Dicionário Informal URL]. Параллель рыба – человек прослеживается и в идиоме «Pela boca morre o peixe» (*букв*. ‘из-за рта умирает рыба’). Фразеологизм обнаруживает два семантических вектора. В нем содержится намек на неприятности, которые возникают а) из-за того, что мы *едим* или *пьем* много и/или не то, что надо; б) из-за того, что *говорим* много и/или не то, что надо. Смысловыми эквивалентами в русском языке могут выступать выражения «Язык мой – враг мой» и «Ножом и вилкой роем мы себе могилу». Если же кого-то преследует едкая критика, то в португальском языке это выразит фразеологизм «boi de piranha»/«pessoa sobre quem recaem os erros de outrem» [там же]. В переводе это «бык для пираний» (*букв*. ‘человек, которому приходится отдуваться за чужие ошибки’).

Словосочетание *vender o seu peixe* (*букв*. ‘продать свою рыбу’) сложно опознать как фразеологизм, означающий «expor seu ponto de vista, argumentar em seu próprio favor» («выразить свою точку зрения», «привести доводы в свою пользу»). Здесь *peixe – рыба* выступает коррелятом абстрактного понятия «воззрения, мнения, позиция» и даже в массмедийных контекстах предвыборной программы. Глагол *vender – продавать* тоже претерпевает семантический сдвиг и приобретает значение «излагать», «пропагандировать», «внушать».

Естественно, что анималистическая лексика способна отражать сугубо антропонимические параллели, такие как опыт (возраст) человека, его образ жизни (ср. *премудрый пескарь*), угрозу, которую он представляет собой для других людей, его статус, социальную значимость: *peixe gordo* [Куличенко, Королевская 2017]. Это ее универсальная функция. Однако анализ материала показывает, что португальская лексика, обозначающая жителей водной стихии, интенсивно

[1] Зд. и далее перевод наш. – *М. К.*

привлекается к образному обыгрыванию и завуалированной оценке релевантных или типичных в данной лингвокультуре ситуаций и обстоятельств, примечательных своей непреодолимостью, безвыходностью, опасностью, неудобством и даже абсурдностью. Фразеологизмы, апеллирующие к водной фауне, характеризуют этнос как творца – создателя фразеологизма и как пользователя, демонстрирующего специфическую художественную реакцию личности на ту или иную ситуацию [Хабарова 2004].

Лексема *sapo/жаба* в составе фразеологизма. Существительное *sapo/жаба*, которая порой «душит» носителей русского языка и по созвучию ассоциируется с жадностью, в португальской фразеологической картине мира аллегорически реферирует неприятную истину, при помощи оборота «engolir um sapo» (aceitar realidade desagradável) – «проглотить жабу» (принять неприятную ситуацию). Обратимся к примерам из самой популярной португальской газеты «Diário de Notícias»:

05.02.2010. PCP admite vir a *engolir sapos* nas presidenciais. – Компартия Португалии допускает, что ее ждет неудача (*букв*. ‘что ей придется проглотить жаб’) на президентских выборах.

05.06.2020. E muito a despesa do Estado, expandi-la – como vai ser necessário para vencer a pandemia – seria o equivalente a *engolir um grande sapo*. – Госрасходы велики, и их необходимо будет увеличить, чтобы победить пандемию. Это означает смириться с огромной неприятностью.

26.07.2016. O democrata Sanders reconheceu ser preciso até engolir o sapo Hillary para parar Trump. – Демократ Сандерс признал необходимость дать дорогу отвратительной Хилари, лишь бы остановить Трампа (*букв*. ‘признал необходимость проглотить жабу Хилари’).

Уместность дословного перевода обусловлена ситуативно и небесспорна. Пейоративную аллюзивность подачи ситуации в переводе часто приходится смягчать, отдавая предпочтение менее резким прилагательным: *отталкивающая*, *малоприятная* вместо *отвратительная*, а тем более – *жаба* [Нечаева 2018, с. 74].

06.07.2008. Se têm de engolir um sapo – o fim da prisão de Ingrid Betancourt é *um sapo* para muita gente, metem uns «mas» no discurso mas engolem-no. – Нужно проглотить жабу: освобождение из тюрьмы Ингрид Бетанкур

– это жаба для многих; они добавляют некоторые «но» в свои речи и глотают ее).

Лишь в последнем примере представляется уместным и необходимым сохранить исходный образ жабы в связи с развернутостью метафоры и с последующим ее распространением и обыгрыванием: *это жаба для многих*, *глотают ее*.

Суммируя все встретившиеся нам контекстуальные значения фразеологизма «engolir sapo» (*проглотить лягушку*), мы свели их в следующий список:

- преодолевать трудности, не имея возможности пожаловаться на них;
- безропотно терпеть необоснованные обвинения, несправедливость, не имея возможности ответить;
- смириться со своей неудачей, бездарностью;
- смириться с жесткой реальностью;
- принять обстоятельства, противоречащие надеждам и ожиданиям.

Между этими значениями господствуют имплицитные отношения когнитивной смежности, формирующие языковую картину мира. Именно лексема-спутник *engolir* маркирует основной компонент *sapo* в аксиологическом отношении.

В «Словаре бразильского фольклора» (Dicionário do Folclore Brasileiro) его автор Луиш да Камара Кашкуду (Luís da Câmara Cascudo) считает фразеологизм «engolir sapos» чисто бразильским изобретением и полагает, что в нем фигурирует именно жаба, а не какая-то другая рептилия или насекомое, так как жаба необходима при колдовстве (sapo é indispensável nas bruxarias). Существовало также поверье, что в голове этих земноводных имеется камень, обладающий чудодейственной силой при ворожбе; из-за этого жабы ассоциировались с оккультными силами. Кроме того, словарь ссылается на ветхозаветный эпизод, где Бог наказывает египетского фараона, насылая на его владения несметные полчища лягушек и жаб, которые заполоняли дома, залезали в кровати, впрыгивали в кастрюли и блюда, превращаясь в аллегорию крайне неприятной ситуации [там же].

Лексема *bacalhau/треска*. Фразеологизм «ficar em aguas de bacalhau». Особое место в языковой картине мира португальцев занимает определенный подкласс рыб «bacalhau/треска». Португальцы

всегда любили треску, поэтому ее даже назвали «верным другом». «В ресторанных меню у трески особое положение. Там она значится отдельным от “мяса” и “рыбы” пунктом. Это еще раз доказывает, что треска – это нечто особое, четвертое или пятое измерение, отдельная планета» [Валиулин 2019, с. 270].

Оборот «ficar em aguas de bacalhau» приобретает статус широкозначного фразеологического сочетания и активно используется в газетных репортажах последнего десятилетия, которые рассчитаны на обширную аудиторию читателей. Этот факт свидетельствует об интенсивном использовании этого ихтионима в современной повседневной речи. Смысл фразеологизма «ficar em aguas de bacalhau» передают следующие глаголы: *falhar*, *errar*, *atrasar*, *confundir*, *frustrar* [Dicionário Informal. Dicionário online URL]. Фразеологизм указывает на ситуации опоздания, растерянности, всяческого рода упущений. Приведем еще несколько примеров из уже упомянутой здесь газеты «Diário de Notícias»:

> 20.11.2018. «*Tudo em águas de bacalhau*». Industriais do setor dos mármores em Borba (Évora) garantem que a «tragedia» de segunda-feira, com o deslizamento de terras para uma pedreira, com vítimas mortais, poderia ter «sido evitada» porque «os problemas» da estrada estavam identificados.

Заголовок статьи гласит: «Всё парализовано». Далее из контекста становится ясным, что речь идет не только о результате оползня на мраморной шахте близ шоссе, где прекращены все работы, но и о том, что трагедии можно было бы избежать, ибо задолго до нее предлагались пути решения проблем, но они остались без внимания (никто не стал заниматься ими). Представляется уместным зафиксировать следующее контекстуальное значение: «быть парализованным», «пребывать без движения», «оказаться в забвении», а также «быть проигнорированным», «оставленным без внимания», «отложенным на потом».

> 20.12.2011. Caso de submarinos não pode ficar ‘em águas de bacalhau’.

Имеется в виду судебное дело о коррупции при приобретении Португалией подводных лодок у немецкой корпорации, которое нельзя замалчивать. Один из возможных переводов фразы «E inaceitável que o processo esteja em águas de bacalhau» мы предлагаем сформулировать так: «Недопустимо, чтобы судебное разбирательство по поводу

подводных лодок прекратилось (сошло на нет)». Таким образом, мы выявляем еще одну сему в спектре значений этой ФЕ: «замять дело», «прекратить расследование», «замалчивать факты по делу», «не давать хода судебному процессу».

22.09. 2005. «*Um aeroporto em águas de bacalhau*». O impasse em que mergulhou o futuro aeroporto de Beja está a deixar em pânico os acérrimos defensores do projecto. De promessa em promessa, os anos lá vão passando e o projecto ainda não foi além das intenções. – Строительство Аэропорта так и не пошло дальше благих намерений.

Речь идет о неосуществленном проекте о строительстве аэропорта близ городка Бежа. Мы предлагаем наметить значение «оставить проект неосуществленным», «не пойти дальше благих намерений».

08.09. 2020. Eu e o meu motorista fomos vítimas de um atentado <...> e ficou tudo *em águas de bacalhau*. – Мы с водителем подверглись нападению, но никто даже палец о палец по этому поводу не ударил и всё было предано забвению (всем было наплевать).

Снова фразеологизм *ficar em aguas de bacalhau* соотносится с бездействием, невниманием, равнодушием.

30.04.2019. Venezuela: Jerónimo de Sousa diz que golpe pode ficar em «águas de bacalhau». – Жерониму дэ Соуза считает, что переворот в Венесуэле может оказаться безрезультатным.

Здесь мы фиксируем значение «не дать ожидаемого результата». Орланду Нэвеш полагает, что происхождение этого фразеологизма обязано рыболовному промыслу у берегов Гренландии, где навсегда «застряло» множество кораблей, так и не вернувшись в родной порт. Поэтому выражение конденсирует ситуацию нереализованности запланированного или отрицательный результат какого-либо предприятия [Neves 1992]. Подобный смысл передают глагольные сочетания и глаголы: *ficar sem efeito*, *não chegar a bom termo*, *se frustar*, *dar em nada* [Ciberdúvidas URL]. Представляется оправданным еще одно, иное объяснение логики данной ФЕ: треску долго вымачивают, а воду затем сливают: она ни на что не годится. Возможно, поэтому «ficar em aguas de bacalhau» проявляет следующие контекстуальные значения:

1) acalmar, serenar (успокоить, утихомирить, угомонить):

Chegamos à esquadra e sentaram-nos num lado e ao outro grupo do lado contrário da sala e começaram a tirar-nos as identificações e mais não sei o quê! Tudo isto corria na paz dos anjos, quando surge um idiota a dizer que seríamos acusados como grupo agressor, o que fez com que se desencadeasse um pequeno motim na esquadra, *só posto em águas de bacalhau*, quando quatro agentes se puseram a servir de muro de Berlim entre nós e os otários[1].

2) ver-se em maus lençóis, em dificuldades (испытывать трудности):

Se você desembarcar em Lisboa sem um bom domínio do idioma, poderá ver-se de repente em terríveis águas de bacalhau[2].

Парадокс состоит в том, что эта рыба обитает в холодных водах, вдалеке от португальских берегов, но, будучи «чужой», треска прочно ассимилировалась португальской лингвокультурой. Она оказалась незаменимой не только в праздничной кухне, но и во фразеологии. Справедливости ради отметим, что сейчас идет борьба за бережное, этичное отношение к животным. По этой причине пересматривается спектр фразеологизмов, связанных с миром животных, а в нашем фразеологизме предлагается заменить треску на бобы люпина, которые в Португалии готовят, предварительно вымачивая несколько дней. Это предложение прозвучало из уст весьма уважаемого Андрэ Силва (André Silva), который продвигает в социальных сетях гуманистическую идею воспитательного назначения в деле постепенной замены «животных» фразеологизмов на растительные: «Em vez de “em águas de bacalhau”, dizemos: “Em águas de tremoço”»[3].

И всё же на сегодняшний день существуют еще несколько устойчивых выражений с лексемой *bacalhau*:

– «dá cá um bacalhau» ou «apertar o bacalhau» обозначает дружеское рукопожатие. Здесь обыгрывается тот факт, что внешне высушенная, сплюснутая треска похожа на выпрямленную ладонь, протягиваемую для приветствия. Узуален и глагол *bacalhoar* в значении «приветствовать рукопожатием»;

– «arrotar postas de bacalhau» – в дословном переводе это «снести лотки с треской». Оборот относится к тем хвастунам, которые выказывают свою эрудицию, хотя на самом деле знают мало;

[1] URL: http://blogadelas.blogs.sapo.pt/arquivo/2004_04.html.
[2] URL: http://www.filologia.org.br/vicnlf/anais/caderno02-02.htm.
[3] URL: Diario de Noticias. 08.12.2018.

– «está seco que nem um bacalhau» – «сухой, как треска». Идиома намекает на слишком худого, тощего, высохшего человека;

– «para quem é, bacalhau basta» – «хватит с него и трески». Сегодня треска – дорогое блюдо. Раньше она не считалась ценной или чрезвычайно вкусной и была доступна каждому. В XIX веке треской кормили заключенных в тюрьме (*https://pt.toluna.com*). Времена невероятно изменились, а выражение «Para quem é, bacalhau basta» осталось неизменным. Имеется в виду, что человек, о котором так говорят, ничего особенного собой не представляет. Этот фразеологизм отличается трудно расшифровываемой, непрозрачной внешней формой [Furtado da Cunha, Balduino Bispo 2019];

– «há mil maneiras de fazer o bacalhau» – «Есть тысяча способов приготовления трески». Речь идет о том, что всегда можно найти решение проблеме [Magalhães 2020];

– «cheira a bacalhau» – «Пахнет треской» – так говорят о сильном морском, часто неприятном, запахе [там же];

– «bacalhau a pataco» можно транслировать на русский язык призывом «Налетай – подешевело!» Будучи изначально аллегорией изобилия и щедрости, этот оборот приобрел иронический оттенок и активно используется в критике многообещающих программ политиков и их предвыборных посулов [Dicionário infopédia da Língua Portuguesa URL].

Заключение

Рассмотренные нами выражения демонстрируют то обстоятельство, что каждой лингвокультуре присущ свой набор метафор, не повторяющийся в других языковых сообществах. Мы проанализировали именно те фразеологические единицы, которые интегрированы в обширный контекст культуры, обслуживают определенные сферы коммуникации. Их коннотации характеризуются исключительной специфичностью. Значения, кодифицированные в лексикографических источниках, и значения контекстуальные, функционируют в диалектическом единстве. Фаунический прообраз фразеологизма всегда незримо присутствует при его фигуральном переосмыслении. Пренебрежение к этноспецифичной метафоризации или ее игнорирование чревато срывом коммуникации. Будучи ключевым, опорным компонентом фразеологических сочетаний,

слова, реферирующие водную фауну (в частности, гипероним *рыба* / *peixe* и его гипонимы) отражают ту конкретную, предметную среду, которая в вербальном мышлении носителей португальского языка преобразуется в многоплановые когнитивные узлы метафоры, способные указать на самые разнообразные ситуации и дать им оценку, становясь таким образом вербальными иконическими знаками [Алефиренко, Нуртазина 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б. Метафорический дискурс: в поисках сущности речевой образности // Cuadernos de la Rusística Española. 2018. # 14. С. 49–65. [Alefirenko, N. F., Nurtazina, M. B. (2018). Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery. Cuadernos de la Rusística Española, 14, 49–65. (In Russ.)].

Валиулин Р. Ф. Португалия. М. : АСТ, 2019. [Valiulin, R. F. (2019). Portugaliya. (Portugal). Moscow: AST. (In Russ.)].

Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом // Научный диалог. 2017. № 4. С. 44–56. [Kulichenko, Yu. N., Korolevskaya, E. M. (2017). Comparative Analysis of Phraseological Units with Component-Zoonym. Scientific dialog, 4, 44–56. (In Russ.)].

Нечаева К. К. Аллюзии: виды, функции, трудности перевода (на примере португальских СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 12 (805). С. 66–79. [Nechaeva, K. K. (2018). Allusions: species, functions, translation difficulties (on the example of Portuguese media). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(805), 66–79. (In Russ.)].

Петряков Л. Д. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново. 2014. [Petryakov, L. D. (2014). Diskursivnaya real'nost' kak ob»ekt filosofskogo analiza: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty (Discursive reality as an object of philosophical analysis: ontological and gnoseological aspects): abstract of PhD in Philosofy. Ivanovo. (In Russ.)].

Скробогатова Т. И., Суралева О. Ю. О специфике французского языкового воображения (на примере фразеологических единиц, обозначающих «нечто, чего обычно не бывает») // Научная мысль Кавказа. 2009. №1 (57). С. 134–137. [Skrobogatova, T. I., Suraleva, O. Yu. (2009). On the specifics of the French language imagination (on the example of phraseological units denoting «something that usually does not happen»). Nauchnaya mysl' Kavkaza, 1(57), 134–137. (In Russ.)].

Хабарова О. Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004. [Khabarova, O. G. (2004). Otsenochnye frazeologizmy, voskhodyashchie k obrazam zhivotnogo i rastitel'nogo mira (Evaluative idioms dating back to animals and plants' images): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Ciberdúvidas da Língua Portuguesa. URL: https://ciberduvidas.iscte-iul.pt/consultorio/perguntas/ (дата обращения: 11.12.2020).

Cruz Romão Tito Lívio. Fraseologias zoonímicas relativas a peixes, cetaceos e crustaceos: um estudo comparativo entre o português do brasil e o alemão // Cadernos de Tradução. Florianópolis. 2013. # 32 (2). P. 81–96. (In Port.).

Dicionário Informal. Dicionário online. (In Port.) URL: https://www.dicionarioinformal.com.br (дата обращения: 20.12.2020).

Dicionário infopédia da Língua Portuguesa [em linha]. Porto: Porto Editora, 2003-2021. URL: https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/pataco (дата обращения: 10.12.2020).

Ferreira V. A Voz do Mar // Espaço do Invisível. 1999. # 5, Lisboa, Bertrand. Pp. 83-84. (In Port.) URL: http://cvc.instituto-camoes.pt/oceanoculturas/22.html. (дата обращения: 18.12.2020).

Furtado da Cunha M. A., Balduino Bispo E. Pra quem é, bacalhau basta: da opacidade e produtividade das construções idiomáticas // Soletras. Revista. 2019. N. 37. Pp. 103-116. (In Port.) Doidoi.org/10.12957/soletras.2019.38075. URL: https://www.e-publicacoes.uerj.br/index.php/soletras/article/view/38075. (дата обращения: 17.12.2020).

Kroeger P. Analyzing meaning: An introduction to semantics and pragmatics. Second corrected and slightly revised edition. (Textbooks in Language Sciences). Berlin: Language Science Press, 2019. 482 p. DOI:10.5281/zenodo.2538330.

Neves O. Dicionário das Origens da Frases Feitas. Porto: Lello & Irmão Editores. 1992. (In Port.)

УДК 811.112 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_171

Т. А. Лазарева

ст. преподаватель
кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
mail.to.lazarevata@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АМБИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКЕ В РАКУРСЕ ШКОЛЫ МЛАДОГРАММАТИКОВ

Статья посвящена семантическим процессам, происходящим при переходе от причастной формы лексемы *tugent* к существительному. В качестве метода используются принципы исследования, предложенные Германом Паулем и применяемые в младограмматической школе. В исследовании делается вывод о том, что семантический сдвиг *tugent* прослеживается не только на лексическом уровне, но и на синтаксическом. В статье приводятся примеры сочетаемости *tugent* с другими членами предложения и атрибуты, которые лексема получила в средневерхненемецкий период.

Ключевые слова: историческая семантика; семантические процессы; амбивалент; абстрактная лексика; младограмматизм.

T. A. Lazareva

Senior lecturer
at the Chair of Grammar and History of German Language
of German Language Department
Moscow State Linguistic University
mail.to.lazarevata@gmail.com

SEMANTIC PROCESSES IN AMBIVALENT LEXICS FROM THE PERSPECTIVE OF THE SCHOOL OF YOUNG GRAMMARIANS

The article is devoted to the semantic processes occurring during the transition from the participial form of the lexeme *tugent* to the noun. As a method there are used the research principles introduced by Hermann Paul and applied within the neogrammarian school. The study concludes that the semantic shift of the word *tugent* can be traced not only at the lexical level, but also at the syntactic level. The article provides examples of the compatibility of *tugent* with other parts of the sentence and the attributes that the item received in the Middle High German period.

Key words: historical semantics; semantic processes; ambivalent; abstract lexics; neogrammarian school.

Введение

Язык как система подвержен многим семантическим процессам в ходе своего исторического развития, и процессы эти растягиваются на столетия.

Скорее было бы правильно говорить о наличии многочисленных переходных ступеней между различными историческими стадиями, что особо отмечается учеными-младограмматиками [Paul 1930, с. 56]. Амбивалентность как частный случай таких явлений может иллюстрировать переходные процессы на отдельных уровнях языка (на морфологическом или синтаксическом уровне, на уровне лексики) или отражать параллельно идущие процессы.

Амбивалентность причастий и существительных

Вопрос об амбивалентах довольно широк. В данной статье рассматривается лексема *tugent*, которая в большинстве случаев употребляется в средневерхненемецком (*далее* свн.) как существительное, образованное от формы первого причастия (Partizip I) древневерхненемецкого (*далее* двн.) глагола *tugen* (*совр*. taugen). Поскольку формы причастия и существительного употребительны и в двн., и в свн., было бы корректно рассматривать *tugent* именно в качестве амбивалента. Об окончательном переходе к существительному можно говорить только в ранневерхненемецком (рнвн.), когда употребление лексемы сужается до религиозного дискурса.

Глагол *tugen* можно классифицировать в двн. как глагол с неполной парадигмой, поскольку его основное значение «годиться, подобать, подходить» диктовало преимущественно его безличное употребление в форме 3-го л. ед. числа *touc* [Weddige 2007, с. 45].

Корень глагола *tugen*, который восходит к индоиранскому корню *dhaugh- [Pokorny 1959, с. 271], имеет похожее значение и в других европейских языках, что иллюстрирует древнегреческий язык: в существительном τύχη и глагольных формах τυγχάνω или τεύχω [Древнегреческо-русский словарь 1958, с. 1621]. Однако в древнегреческом языке значение глагола намного шире, чем в двн., поэтому парадигма включает в себя все личные формы (в двн. отмечается отсутствие формы 2-го л. ед. числа [Mettke 1964, с. 216]). Например, помимо значения пребывания в «годном», «подходящем» состоянии можно назвать для глагола τεύχω и каузативное (к нему) «приводить в состояние»,

а также «строить, изготовлять, творить, вызывать» и др., а у однокоренного τυγχάνω – «попадать, поражать, случаться, выпасть на долю» и особое употребление в качестве вспомогательного глагола в связке с причастием смыслового глагола со значением «случиться так, что…» или с оттенком случайности: ἔτυχον καθήμενος ἐνταῦθα «случилось (вышло) так, что я там сидел» [Mettke 1964, с. 1621].

Сема случайности присутствует и в существительном τύχη, которое имеет значения не только «случай», но и «успех», «счастье» (и при этом «беда», «несчастье»), а также используется как имя богини случая и судьбы Тихи [там же].

Внимания заслуживает и тот факт, что так называемая случайность может иметь свою причину, которая всегда является внешней по отношению к субъекту/объекту (строго говоря, по отношению к глаголу τυγχάνω речь идет об объекте: с синтаксической точки зрения можно было бы в ряде случаев сравнить модель употребления τεύχω/τυγχάνω и немецкого глагола *lassen*, хотя в древнегреческой связке субъектно-объектные отношения преимущественно определяются формой причастия, а не семантикой глагола). Согласно дефиниции, представленной в словаре «Greek-English Lexicon» Лиддел и Скотт, независимое действие некой «случайной» причины могло косвенно адресовать к воздействию со стороны Бога или человека [Liddell, Scott 1940].

Сема внешнего воздействия или случайности прослеживается и в немецком глаголе *tugen*. Он морфологически относится к претерито-презентным полнозначным глаголам и употреблялся наравне с глаголами *wizzen* и *gunnen*, в том числе в качестве вспомогательного глагола в уже упомянутом значении «подобать», а также в значениях «помогать», «быть полезным», «подходящим для использования».

425 Ûf spranc ein heithen:
vor alter m*uo*ser neigen.
sîn bart was im gevlohten,
also er ze hove wole ***tohte*** (*Rolandslied, 1874*).

2665 bring mir sie ze samene:
waz ***toug*** die mêr zu sagene? (*Tristrant, 1877*)

Не стоит путать его с современным слабым полнозначным глаголом *taugen* (*годиться*), появившимся в XIII веке из формы настоящего времени *touc* и закрепившимся в слабом спряжении в XVII веке [Mettke 1964, с. 217].

Можно сказать, что в XIII веке существовало употребление двух основ – сильной и слабой. Связано это было с семантикой употребления претерито-презентного безличного глагола в качестве вспомогательного и слабого – в качестве смыслового. В качестве вспомогательного *tougen* можно обнаружить в эпических произведениях XI–XII веков, например, «Тристранте» Айльхарта фон Оберга:

4750 dô wart dem gûten klûsenêre
vil vrôlîchen zu mûte
und ted in dô zu gûte
swaz he ummir gemochte
und in zu nemen ***tochte*** (*Tristrant, 1877*).

Для сравнения с употреблением слабой основы хорошо подходят примеры, представленные в словаре М. Лексера, где *tugen* часто становится возвратным и содержит в основе причастный суффикс *-nt/nd*: *tugende dich* in der jugent, sô wirt dîn lop in alter reine; der man *tugendet* (var. *tugendet sich*) umbe dad', dad' er muge deste bad' [Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer... URL].

Вместе с этим существует и невозвратный вариант глагола, например, в тексте «Рижского городского права» 1270 года:

XV Umme schult unde umme erve mach neen man *tugen*

XVI So wer dem anderen syn gudt af *tuget*

XVII So wor eyn man vor gerichte kumpt unde *tugen* sall[1].

Таким образом, можно сделать вывод о разнородности морфологических форм даже в пределах глагольной парадигмы *tugen*. Наличие у него полной парадигмы позволяет утверждать, что присутствие амбивалентности у причастия I и nomen actionis *tugent* является следствием проходящих в глаголе семантических процессов, которые проявляются в изменении его морфологических свойств.

Если же рассмотреть *tugent* с точки зрения словообразования, оказывается, что говорить лишь о конверсии недостаточно, поскольку для полноценного перехода в разряд существительных причастие должно изменить свою систему флексий и свое место в предложении и со временем приобрести синтаксические свойства существительного [Paul 1930].

[1] Das Stadtrecht von Riga // Transkription von Marie-Luise Heckmann (Universität Potsdam) / RSB Moskau. Fonds 183. # 849. S. 194.

Следует также упомянуть о том, что в свн. языке присутствует еще одна лексема с тем же корнем *tougen*, вероятно восходящая к причастию II (Patizip II), и она активно употребляется наряду с основой, полученной от первого причастия:

15 Iz warn írív *tovgen*
Rain vor gotes ovgen,
Den levten warn si mínnesam,
dív *tvgnt* ín von gote quam (*Frau Ava, 1887*).

При этом можно проследить разницу в употреблении двух существительных на материале XII века «Песнь о Роланде»:

7085 er resach in dem troume
wunterliche gotes *tougen*… (*Rolandslied, 1874*).

8420 er sprach: «gnadeclicher herre,
nu gedencke an din ere,
erzaige dine *tugende* (*Rolandslied, 1874*).

Так, можно говорить о том, что основа причастия I уподобляется несовершенному виду, *tugent* – то, что может обрести человек путем работы над собой и воспитания, в то время как *tougen* – совершенная добродетель, ее достичь невозможно. Форма второго причастия показывает завершенный процесс обретения добродетели, поэтому лексема встречается в контексте божественных свойств или определения Библии как книги добродетели.

Похожие примеры встречаются и в более поздней литературе, например, в трактатах Майстера Экхарта XIV века:

> Also sol diu sele nach der erkriegunge manicvaldikeit des himels in der besitzunge der *tougine* in sich ziehen an die einikeit des ruowenden himels… (*Meister Eckhart, 1906*).
>
> ...da von geschriben stet in dem buoche der *tougen* die sint selic… (*Meister Eckhart, 1906*).

Приведенные примеры иллюстрируют значение совершенной *tougen* (*зд*. добродетели) и еще не доведенной до конца *tugent*. Подобное употребление следует из семантики причастий. Аналогичные варианты употребления причастных форм в различных синтаксических функциях приводит Герман Пауль в работе «Mittelhochdeutsche Grammatik» [Paul 1884].

Говоря об аналогии, остановимся на других амбивалентных существительных в свн. Важным образованием подобного рода является существительное *mugent*. Оно не столь же частотно, как *tugent*, однако тоже образовано от претерито-презентного глагола (*mügen*) и имеет те же морфологические и синтаксические свойства.

> daď ich in mîner *mugende* iht verderbe; des liehten meien blüendeď rîs sach ich in ganzer *mugent* [Mittelhochdeutsches Handwörterbuch… URL];

> in lustet deste baď ze tuon nâch sîner *mugent*; von gotes [там же].

Лексема *mugent* не закрепилась в языке, как *tugent*, что, по-видимому, объясняется наличием синонимического ряда – *macht*, *kraft*, *gewalt*. Существительное *Macht* приводится словарем Г. Пауля как еще одно производное от двн. глагола *mügen*, современного *mögen*. В данном случае можно говорить о нескольких словообразовательных моделях, присущих существительным, образованным от претерито-презентных глаголов, а именно о конверсии в случае с амбивалентами *mugent*, *tugent* и о суффиксации – в случае с *macht*, *tuht*, *kunst*. В отношении последних можно сказать, что в них реализована более продуктивная модель, поскольку помимо того, что эти лексемы сохранились в современном немецком языке, они дали возможность для образования производных прилагательных при помощи суффиксации (*mächtig*, *tüchtig*, *künstlich*) и сложных слов (*Ohnmacht*, *Baukunst* и др.)

Возвращаясь к слову *tugent*, отметим, что оно не является уникальным образованием для немецкого языка. Можно также усмотреть конверсию в таких современных лексических единицах, как *Jugend*, *Gegend*, *Freund*, *Feind*, *Wind*.

В вопросе амбивалентности не последнюю роль играет критерий классификации частей речи. Для того, чтобы считать лексему прилагательным, причастием или существительным, существует метод анализа, выработанный младограмматической школой. Он состоит в том, что в первую очередь необходимо найти принципиальную разницу отдельно между существительным и прилагательным, прилагательным и причастием [Paul 1930]. В частности, внешняя разница между существительным и прилагательным проявляется в количестве флексий: благодаря трем типам склонения прилагательных одна основа способна получать три варианта окончаний. Отметим, что в процессе

субстантивации способ склонения меняется далеко не сразу, поэтому актуальным также можно считать вопрос о моменте полной субстантивации.

Герман Пауль отмечает, что о полном переходе в разряд существительных можно говорить, когда, во-первых, прилагательное начинает употребляться в полученном значении узуально, во-вторых, когда оно начинает приобретать адъективные атрибуты [Paul 1930], в-третьих, если слово начинает восприниматься как корневое, в котором неразличимы приобретенные морфемы или как производное с аффиксом. К таким словам относятся *Freund*, *Frau*, *Fürst*(*in*). При этом существительное включает в себя более широкий спектр значений, чем прилагательное, поскольку обозначает не просто свойство предмета, а сам предмет, у которого, в свою очередь, есть свойства. Предикативно и существительное может употребляться для обозначения свойств и таким образом уподобляться прилагательному, однако это не сужает диапазон его синтаксических возможностей.

Важно отметить темпоральный аспект при проведении границы между различными частями речи. Прилагательное способно выражать как свойства, которые характерны для предмета всегда, так и свойства, возникающие в определенный момент. Качественное отличие причастия от прилагательного состоит в том, что причастие способно передавать значение длительности или ограниченности во времени. Герман Пауль рассматривает причастные формы априори как амбивалентные для прилагательного и глагола, поскольку они являются всегда производными от формы настоящего или прошедшего времени, и создание причастия, по своей сути, равносильно образованию прилагательного от глагольной основы.

Нельзя рассматривать причастие и прилагательное как синонимы в синтаксическом плане: в отличие от прилагательного причастие может участвовать в образовании временных форм и отдельных глагольных конструкций, а также добавлять темпоральное отношение в качестве определения [Paul 1930].

Показателем превращения причастия в прилагательное служит его способность к образованию степеней сравнения, а в существительное – способность получать атрибуты, узуальное употребление и склонение как корневого слова по аналогии с субстантивацией прилагательного.

Аналогия как фактор развития языка, психологический аспект

Благодаря аналогии различные способы словообразования становятся более или менее продуктивными, а образованные слова приобретают характерный оттенок, заданный словообразовательной моделью.

Аналогию на морфологическом уровне можно наблюдать у полностью субстантивированных прилагательных, которые вслед за существительными способны образовывать форму женского рода: *Fürst-Fürstin*, *Freund-Freundin*. На синтаксическом – в сходстве функции родительного падежа существительных с функцией атрибутивного прилагательного [Paul 1930].

Как видно из приведенных аналогов *tugent*, лексемы с абстрактным значением образованы часто от глагольной основы, приобретают причастный суффикс и конвертируются в существительное. Аналогия прослеживается сразу в нескольких измерениях. Вместе с суффиксацией и конверсией слово сохраняет унаследованную темпоральность: суффикс *-nt* причастия I соответствует продолженному действию или длительному процессу, а также процессу незавершенному, в то время как суффикс *-t/-en* причастия II привносит характер полноты, завершения результата действия. Этот же вывод следует из употребления причастных форм отдельно от глагольной конструкции [Paul 1884].

Так, существительные *tugent*, *jugent*, *mugent*, *wint*, *friunt* восходят к формам причастия I, и с точки зрения их семантики можно говорить о длительном присутствии качества у объекта:

1335 der edele Tristrant wart dô
von *togende* ein harte vrô man,
und swaz he *togende* î gewan
zu tornei und zu strîte,
des lobete man in harte wîte (*Tristrant, 1877*).

Слова же *tuht* (*ducht*), *macht*, *zuht* не воспринимаются как отглагольные образования, хотя фактически ими являются, и семантически *tuht* отличается от *tugent* отсутствием темпоральной отсылки, поскольку употребляется только в качестве атрибута: van sîner *ducht* ind van sîner kracht; de heiden worden in gôder *dûcht* in strîde sêre besôcht; ein herre in strîte grôȝir ***tucht***, *des muos iu grôȝ* ***tuht*** *bewarn daȝ er unbekumbert dô beleip* [Mittelhochdeutsches Handwörterbuch ... URL].

Однако вне зависимости от типа причастия или основы все эти ставшие существительными формы проходили через одни исторические процессы.

На вопрос о факторах, повлиявших на изменение в восприятии приведенной лексики, младограмматическая традиция отвечает следующим образом: в основе любой аналогии лежит психологический базис. Однако сводить причины языкового развития только к психологии было бы некорректно, поскольку любая культура проявляет себя не только в духовном плане, но и в материальном, а именно в виде создания памятников культуры. Изучение материального наследия позволяет выделить узус и проследить изменения в языке с учетом набора ассоциаций носителей культуры, которые исчезают или появляются на соответствующем историческом этапе [Paul 1930].

Ассоциации, которые формируются эпохой, создают условия для появления новой аналогии. Так, можно говорить о влиянии аналогий речевой деятельности на узус. Узус, будучи результатом накопленного речевого опыта большого количества индивидов, так или иначе имеет ряд переходных ступеней от одной модели употребления к другой, вследствие чего один из вариантов выходит на первый план и потенциально вытесняет старую модель [там же, с. 53].

Лексема *tugent* является показательным примером того, как меняется узус под влиянием новых ассоциаций, возникающих из контекста отношений в светском обществе и в рамках религиозного дискурса.

В частности, двн. источники упоминают *tugent* в одном ряду с такими словами, как *mâht*, *mêgin* [Frings 1949, с. 21], что говорит о восприятии *tugent* как качества храброго воина, его способности приносить пользу.

Попав в контекст духовных произведений, будь то художественная христианская литература или позднее мистические трактаты, слово *tugent* начинает использоваться как калька к латинскому *virtus* (добродетель), поэтому теперь оно выступает как собирательное понятие для духовных добродетелей (7 Tugenden: *Weisheit*, *Gerechtigkeit*, *Tapferkeit*, *Mäßigung*, *Glaube*, *Hoffnung*, *Liebe*).

Приобретенные ассоциации закрепились в узусе, и на долгое время в немецком языке вышла на первый план оппозиция Tugend-Laster, которая до сих пор актуальна для религиозного дискурса. Однако при этом можно утверждать, что употребление в исходном значении до сих пор не утрачено в полной мере, поскольку возникают

такие сочетания, как *Tugend des Weins* [DWB], *Management-Tugenden* [Die 7 Management-Tugenden ... URL] и др., где *Tugend* обозначает высокое качество или положительную характеристику.

Синтаксический компонент, переход из предиката в атрибут

Как показывают представленные примеры, лексема ***tugent*** в процессе конверсии не просто получила новое значение, но и изменила свою роль в предложении. Можно сказать, со временем произошло потускнение причастного значения [Paul 1930].

Рассматривая причастие как часть речи, нельзя обойти (стороной) его синтаксические функции. Будучи образованным от глагола, причастие так или иначе употребляется в предикативной функции, которая не сводится к образованию временных форм сказуемого. Например, допустимо также использовать причастие как определение с предикативной функцией, поскольку определение можно рассматривать в качестве деградировавшего сказуемого. Можно даже утверждать, что любое распространенное предложение является следствием процесса деградации предиката.

Герман Пауль в качестве подобной деградации сказуемого приводит в том числе пример: *mit zühten si ze huse*… Также интересен его пример, иллюстрирующий одновременное употребление существительного в качестве дополнения и подлежащего к предикату: *von einem slangen was gebunden*. Такие конструкции позволяют увидеть, как именно может происходить изменение синтаксических функций слова.

Относительно глагола причастный оборот обладает определенной синтаксической свободой в том плане, что значение причастной конструкции может устанавливаться окказионально. Это ее свойство позволяет переходить от действия к деятелю [Paul 1930].

25 ie baz unt baz
steic der herre *zetugente*
uon kintheit ce iugente,
uon der iugent in daz alter (*Rolandslied, 1874*).

5480 in gezame wol zelebene:
ir *tugent* unt ir edele
heten sie wol erzaiget (*Rolandslied, 1874*).

В представленных отрывках из «Песни о Роланде» в первом случае *tugent* выступает как предикат, свойство (*букв*. ‘подобающее от детства до юности’), а во втором – как существительное в атрибутивной функции (*букв*. ‘добродетель и благородство’).

Процесс семантических изменений не обязательно подразумевает замену старого новым: новое может присоединяться к старому или появляться окказионально, причем в этом случае окказионально выражается конкретное значение, а узуально – абстрактное или узуально слово многозначное, а окказионально – однозначное [Paul 1930].

Иногда на первый план выходит первое значение слова, тогда можно экстраполировать его на другие сочетания. Герман Пауль приводит в качестве примера лексему *fertig*, в которой значение готовности к выходу или отправлению позволило воспринимать это значение как готовность к любому делу.

Похожий процесс проходит лексема *tugent*, где значение «годности», «достаточной силы» и «полезности» переносится в духовную сферу и применяется к любому положительному качеству или делу (отсюда – добродетель):

17.1 Treit ein rein wîp niht guoter kleider an,
sô kleidet doch ir *tugent*, als ich mich kan entstân…
(*Minnesangsfrühling, 1875*).

Создание ассоциаций между физическими свойствами и духовными и перенос образов материального мира на духовные реалии естественны для процесса мышления [Paul 1930]. По этому принципу такие слова, как *tugent*, начинают уходить от обозначения конкретных способностей (пригодности к ведению войны, в бóльшую абстракцию, расширяя свое значение до «годности» для чего угодно, в том числе для достижения высших целей [Frings 1949].

Высшей целью после христианизации стало служение Богу, и поэтому целью жизни становится обретение добродетелей, необходимых для спасения души, и *tugent* начинает обозначать уже не физическую крепость, а способность души к служению Богу.

So gibet uns got ze lone
Eine uil stetige iugende
340 Unde manige herzliche *tugende*,
Wir sulen starche werden,

Wolten wird berge
Zerbrechen alfe das glas,
Ze ware sag ich iu daz,
345 die craft haben da diu gotes chint,
Die hie mit flize gût sint (*Frau Ava, 1887*).

В результате семантического сдвига слова могут принимать на себя разные значения: помимо явления (*Tugend*) они могут обозначать предметы, обладающие таким свойством (*Jugend*) или деятеля (*Freund*, *Wind*) [Paul 1930].

Превратившись в существительное со столь широким значением, *tugent* перестает функционировать как атрибут среди прочих возможных указаний силы, таких как *mâht*, *mêgin*, *giwalt* [Frings 1949, с. 26], но наоборот получает собственные атрибуты. К ним относятся уже упомянутые семь христианских добродетелей, а также в светской литературе качества, приписываемые основным персонажам (даме, рыцарю, дворянину, королю и т. д.)

Karl hat *tugende* uil,
er ist t*uo*re unde maere:
alle wise scribaere
machten niemmir uol scribe
die manigen *tugent* uon sinem libe:
er ist der aller saelegiste herre,
2250 durch got sturbe er gerne;
eren hat sin neheinen rat,
wan ime iz got selbe geboten hat
daz er die heiden bechere;
wir helfen ime dar zu gerne (*Rolandslied, 1874*).

Заключение

Рассматриваемое слово *tugent* предстает в свн. в нескольких ипостасях: как причастие и существительное, как различные члены предложения. Как причастие оно употребляется в качестве предиката или определения, иногда в качестве обстоятельства; как существительное – в любой возможной синтаксической роли.

Условием для множества способов употребления *tugent* является амбивалентность. В ее основе лежат семантические процессы, благодаря которым возникает колебание в употреблении слова в качестве

различных членов предложения и в различных синтаксических функциях. Окказиональное употребление слова в новой функции по мере возрастания частотности может влиять и на его категориальное значение: по мере движения от предиката к атрибуту лексема *tugent* утрачивала свойства причастия и обретала свойства существительного.

Также исследование показало, что переход из одной части речи в другую обусловлен экстралингвистическими факторами, такими как появление новых ассоциаций, возникновение нового дискурса или исторического контекста, изменение культурной парадигмы. Семантическое развитие сопровождается изменением морфологических и синтаксических свойств лексемы и не проходит в один этап. Путем аналогии язык получает другие лексемы, созданные тем же путем. Частотность употребления влияет на их закрепление в узусе. Слово *tugent* наглядно отражает перечисленные явления и проходит долгий путь прежде чем получить свое современное употребление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Древнегреческо-русский словарь: Около 70 тыс. слов: в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. чл.-кор. акад. наук СССР проф. С. И. Соболевского. М. : ГИС, 1958. Т. 2. [Drevnegrechesko-russkiy slovar' (1958) Okolo 70000 slov: v 2 t. / sost. I. KH. Dvoretskiy ; pod red. chl.-kor. akad. nauk SSSR prof. S. I. Sobolevskogo. (Ancient Greek-Russian dictionary: About 70,000 words). In 2 vol. / comp. I. Kh. Dvoretsky; ed. Corresponding Member acad. Sciences of the USSR prof. S. I. Sobolevsky; With adj. grammar / comp. S. I. Sobolevsky. Moscow: GIS, (In Russ.)].

Das Rolandslied, Konrad der Pfaffe // Deutsche dichtung des mittelalters. Mit wort- und sacherklärungen. Hrsg von Karl Bartsch. 3. bd., F. A. Brockhaus, 1874.

Die 7 Management-Tugenden // BEITRAINING BLOG. URL: https://www.beitraining.com/die-7-management-tugenden (дата обращения: 07.03.2021).

Frings Th. Antike und Christentum an der Wiege der Deutschen Sprache. Berlin : Akademie-Verlag, 1949.

Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford. Clarendon Press. 1940. URL: www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057 дата обращения: 25.05.2018).

Mettke H. Mittelhochdeutsche Grammatik. Laut- und Formenlehre. Halle (Saale) : Veb Max Niemeyer Verlag, 1964.

Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von Matthias Lexer, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. URL: https://www.woerterbuchnetz.de/Lexer (abgerufen am 24.05.2021).

Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. Zweite Auflage. Halle: Max Niemeyer, 1884.

Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer, 1930.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I Band / A. Francke AG Verlag Bern, 1959.

Weddige H. Mittelhochdeutsch: eine Einführung. C. H. Beck Studium, 2007.

УДК 811.112.2 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_185

Л. А. Нефедова

доктор филологических наук, профессор
Московского педагогического государственного университета
la.nefedova@mpgu.su

О ДИСКУРСИВНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ ЛЕКСИКИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (на материале немецкого языка)

В статье описывается лексика немецкого языка, маркирующая дискурс о коронавирусной пандемии. В работе определено понятие «дискурсивная маркированность лексических единиц», описаны особенности дискурса о коронавирусной пандемии, выявлены на основе салиентности в словаре неологизмов немецкого языка ключевые слова, являющиеся эксплицитными и имплицитными маркерами дискурса о коронавирусной пандемии.

Ключевые слова: дискурсивная маркированность; дискурс о пандемии коронавируса; эксплицитные и имплицитные маркеры дискурса.

L. A. Nefedova

Doctor of Philology (Dr. habil), Prof.
Moscow State Pedagogical University
la.nefedova@mpgu.su

ABOUT DISCOURSE MARKEDNESS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC VOCABULARY (in German language)

The aim of the study is to describe the vocabulary of the German language, which serves as a marker of the discourse about the coronavirus pandemic. To achieve this aim, the concept of “discourse markednss of lexical units” was defined, the features of the discourse about the coronavirus pandemic were described, keywords that are explicit and implicit markers of the discourse about the coronavirus pandemic were identified on the basis of salience in the dictionary of neologisms of the German language.

Key words: discourse markedness; discourse about the coronavirus pandemic; explicit and implicit discourse markers.

Введение

Пандемия коронавируса радикально изменила мир, породив новую лексику, назначение которой обозначить связанные с ней новые

CC BY

явления и понятия. Особенность такой лексики – ее дискурсивная маркированность, так как она употребляется исключительно в дискурсе о коронавирусной пандемии.

Лексический аспект дискурсивных практик в условиях пандемии коронавируса стал активно исследоваться немецкими учеными, прежде всего сотрудниками Института немецкого языка им. Лейбница в Мангейме (IDS Mannheim) [Klosa-Kückelhaus URL; Lobin URL; Möhrs URL], однако многие вопросы ввиду новизны материала остаются еще неизученными.

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования получивших лексическую репрезентацию новых салиентных объектов, значимых для представителей немецкой лингвокультуры.

Цель исследования заключается в описании ключевых слов, выступающих маркерами дискурса о коронавирусной пандемии.

Данную цель исследования детализируют следующие задачи:

– определить понятие «дискурсивная маркированность лексических единиц» применительно к дискурсу как совокупности тематически соотнесенных текстов;

– рассмотреть особенности дискурса о коронавирусной пандемии;

– выявить ключевые слова, являющиеся эксплицитными и имплицитными маркерами дискурса о коронавирусной пандемии.

Методы и материал исследования: отбор лексических единиц на основе салиентности в словаре «Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie», а также анализ словарных дефиниций данных единиц [Neologismenwörterbuch URL].

Первая часть работы посвящена теоретическим основам исследования, во второй части «Лексические единицы-маркеры дискурса о коронавирусной пандемии» представлены результаты эмпирического исследования лексики.

Маркированность лексических единиц в лингвистике

Маркированность – лингвистическое, а также общесемиотическое понятие, было впервые разработано учеными Пражской лингвистической школы.

Наиболее изучена стилистическая маркированность лексических единиц – различная стилистическая окраска лексики, вызывающая определенные ассоциации с той или иной сферой языка, так как использование лексики свойственно определенной сфере деятельности

(например, разговорная или сниженная лексика противопоставляется нейтральной лексике). Стилистическая маркированность наблюдается при выделении слова из общего стиля определенного текста.

Исследуемая социолингвистикой социальная маркированность лексических единиц выражается в том, что определенные языковые средства приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде. Для социального воздействия из всех уровней языковой структуры наиболее проницаема лексика и фразеология. Описывая социальную маркированность лексических единиц, Л. П. Крысин отмечает, что социально маркированы лексические значения, «поскольку определенные значения слов или компоненты значений обнаруживают свою социальную (а не какую-либо иную) природу» [Крысин 2000, с. 37].

Важный объект исследования лингвокультурологии – национально-культурная маркированность лексических единиц. В центре внимания ученых находится лексика, которая отражает национальную самобытность культуры, специфические черты материальной и духовной культуры народа, содержит в своей семантической структуре национально-культурную информацию в виде культурного компонента.

Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики описывает дискурсивные маркеры в качестве «формальных экспликаторов» связей в структуре дискурса. Термин «дискурсивные маркеры» применяется к разнородному классу языковых единиц, объединенных задачей обеспечить связи между элементами дискурса и выразить отношение говорящего к положению дел или к высказыванию собеседника.

Часто дискурсивный маркер понимают как языковой инструмент структурирования дискурса – от фонетических и интонационных показателей до лексем и специфических синтаксических конструкций. К дискурсивным маркерам относят «слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» [Михальченко 2006, с. 61]. Очевидно, что в центре внимания исследователей находится устная речь. Однако сферой реализации дискурса является и письменная речь.

Кроме того, в современной лингвистике нет договоренности в отношении использования данного термина: под одним и тем же названием часто понимают близкие, но не идентичные явления.

По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, используемые в лексикографии пометы *книжн*. (книжное), *журн*. (журнализм), *жарг*. (жаргонизм), *совидеол*. (советская идеология) и *народн*. (народное) можно назвать дискурсивными, поскольку они характеризуют не стилистический регистр языка в точном смысле, а специфические особенности номинации в конкретном подъязыке. Идиомы с такими пометами входят в набор дискурсивных практик соответствующих сфер использования языка (*http://www.dialog-21.ru.*).

Опираясь на такое соотнесение лексических единиц с определенными дискурсивными практиками, мы описали фразеологизмы немецкого языка с пометой *bildungdsspr*. (лексика образованных людей, в русском языке ввиду отсутствия соответствующей пометы близкое значение выражается пометой *книжн* как дискурсивно маркированную, т. е. характерную для языка образованных носителей языка [Нефедова 2014].

В данном исследовании в качестве маркеров дискурса о коронавирусной пандемии рассматриваются ключевые слова этого дискурса (ср. [Баркинхоева 2017]), которые одновременно выступают языковыми маркерами современности, словами-символами [Майер 2020].

Мы исходили из того, что в дискурсе о коронавирусной пандемии может быть выявлен особый пласт характерной для этого дискурса лексики, отсутствующей в языке до пандемии коронавируса. Правильное понимание такой лексики возможно только при условии ее соотнесения с ситуацией коронавирусной пандемии или, иными словами, она маркирует дискурс о пандемии коронавируса, так как содержит в своей семантической структуре информацию о принадлежности к этому дискурсу.

Особенности дискурса о коронавирусной пандемии

В понимании дискурса мы разделяем точку зрения В. Е. Чернявской, которая рассматривает дискурс как: 1) коммуникативное событие, зафиксированное в письменных текстах и устной речи, где текст соотносится с вокругтекстовым фоном; 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов, когда содержание дискурса может быть выявлено путем анализа не отдельного текста, а интертекстуально, в комплексном взаимодействии текстов» [Чернявская 2014, с. 187]. Для эпохи коронавирусной пандемии характерен особый дискурс,

в котором основной темой является обсуждение вопросов, связанных с опасным заболеванием, распространившемся во всем мире, коронавирусной инфекцией 2019 (COVID-19). Тема пандемии коронавируса обсуждается в ряде дискурсов профессиональной коммуникации – от медицины и социальной сферы до политики и экономики, реализующихся как в публичном, так и в приватном общении, имея форму медийного, сетевого и повседневного, бытового дискурса. Таким образом, современный дискурс, посвященный данной теме, может быть обозначен как дискурс о коронавирусной пандемии, или коронавирусный дискурс (*нем*. Corona-Diskurs).

Одной из первых работ, посвященных описанию пандемии коронавируса в отечественной лингвистике, стала статья В. И. Карасика, в которой ученый рассматривает отражение мировой эпидемии в медийном дискурсе, демонстрируя, что сетевой дискурс и блоги стали существенным компонентом медийной коммуникации, что изменилось понимание достоверности распространяемых сведений в сфере массовой информации: фейки и факты заняли почти равные позиции в потоке новостей [Карасик 2020].

О. Н. Новикова и Ю. В. Калугина используют термин «дискурс о пандемии», отмечая, что его отличает «неоднородность и сложность структуры: основная коммуникативно-речевая сфера представлена не только профессиональной медицинской деятельностью, но и политической, религиозной, педагогической и др.; специфику коммуникации составляет глобальная общность участников; ситуации общения также многообразны» [Новикова, Калугина 2020, с. 378].

С учетом данных особенностей дискурса о пандемии коронавируса, мы обратились к исследованию его основных маркеров.

Лексические единицы как маркеры дискурса о пандемии коронавируса

Сотрудники Института немецкого языка им. Лейбница в Мангейме составили словарь новой лексики, которая фиксирует все моменты современной реальности, отражая ситуацию с коронавирусом как в публичном, так и в повседневном дискурсе.

Это ключевые слова эпохи коронавируса, представляющие собой новые номинации в плане содержания. Данная лексика порождена пандемией коронавируса, значение многих номинаций понятно только

в контексте современности. Денотативное значение лексических единиц включает сему, указывающую на их связь с периодом пандемии COVID-19 (während der Coronapandemie / in Zeiten der COVID-19-Pandemie во время пандемии коронавируса / пандемии COVID-19).

Ключевые слова, эксплицитно выражающие связь с дискурсом о пандемии коронавируса

Эксплицитными маркерами дискурса о пандемии коронавируса выступают слова *Corona*, *Covid* (*COVID-19-*), и ставшее необычайно распространенным в настоящее время слово *Pandemie*.

В немецком языке функционирует большое количество сложных слов с первыми компонентами *Corona-*, *Covid-*, *COVID-19-*, *Pandemie*:

– существительные: *Coronahund* – специально обученная собака, которая распознает инфекцию коронавируса по запаху слюны; *Covidpass* – официальный документ, подтверждающий иммунитет человека по отношению к коронавирусу; *COVID-19-Party*, *Covidparty* – вечеринка как своего рода протест против ограничений на контакты и выезд во время пандемии коронавируса; *Pandemielüge* – приписываемые политикам ложные заявления о пандемии *COVID-19*) и др.;

– прилагательные: *coronabedingt* – обусловленный коронавирусом; *coronaangepasst* – выполняющий распоряжения во время пандемии коронавируса, *coronamüde* – «измученный пандемией».

Среди существительных много композитов с компонентами *Anti-Corona / Anti-Covid* – антиковидный: *Anti-Corona-Spritze / Anti-Covid-Spritze* – вакцина против коронавируса; *Anticoronademonstration* – демонстрация против ограничительных мер во время пандемии коронавируса; *Prä-Corona-Zeit*, *Prä-COVID-Zeit* – жизнь до пандемии коронавируса; *Post-Corona-Zeit*, *Post-COVID-Zeit* – жизнь после пандемии.

Несколько существительных представляют собой композиты со вторым с компонентом *Corona / Covid*: *No-Covid*, *Zero-Covid* – жизнь без ковида.

Распространены также производные слова, образованные от слова *Corona*: существительные (*Coronaer* – человек, заразившийся коронавирусом), прилагательные (*coronös* – обусловленный коронавирусом; *präcoronaisch*, *präcoronal* – доковидный), глаголы (*coronisieren* – приспосабливаться к условиям жизни во время коронавирусной пандемии).

Вместо сложного слова *Coronakrise* употребляются сокращенные слова *C-Krise* (слово *Corona* сокращается до буквы *C*), *C-Wort* (второй компонент *Krise* заменяется на компонент *Wort*).

Слово *Corona* входит в состав устойчивых словосочетаний: *Jahrgang Corona* – поколение выпускников учебных заведений во время пандемии коронавируса, *Zeugen Coronas* – «свидетели коронавируса».

Ключевые слова, имплицитно выражающие связь с дискурсом о пандемии коронавируса

Лексические маркеры Lockdown, Isolation. Словом года 2020 во многих языках стало слово *Lockdown* – состояние, когда нормальная общественная жизнь приостановлена. В немецком языке распространены образованные с этим словом сложные и производные от него слова, например: *Lockdownzeit* – период локдауна, *Lockdowner* – политик, сторонник полного локдауна. Слово *Isolationseinerlei* выражает однообразие и скуку, вызванные ограничениями на выезд и контакты во время пандемии COVID-19.

Лексические маркеры Distanz, Abstand. Слова *Distanz*, *Abstand* – дистанция – отражают в немецком языке значимое для дискурса пандемии коронавируса понятие «социальная дистанция». Это такие слова, как *Distanzlinie* – линия разметки на полу для соблюдения дистанции между людьми; *Distanzbesuch* – встречи с друзьями, знакомыми в соответствии с рекомендациями по сохранению дистанции, действующими во время пандемии COVID-19; *Abstandsbier* – пиво, которое пьют в компании, следуя рекомендациям по соблюдению дистанции во время пандемии COVID-19.

Лексический маркер Maske. Значимое слово, маркирующее повседневный дискурс в общественных местах в условиях пандемии в немецком языке, – интернациональное *Maske* и его немецкие новообразования *Mund-Nasen-Schutz-Maske*, *Mund-Nasen-Bedeckung*, *Mund-Nasen-Schutz*, *Mundschmutz*, сокращения *Munaschu*, *Munaske*. Среди неологизмов много сложных слов: например, *Maskenverweigerer*, *Maskentrottel* – человек, отказывающийся во время пандемии COVID-19 носить маску в общественных местах.

Лексический маркер Regel – правило. Известно, что на территории Германии действует много правил, их отражает лексика с маркером

Regel – правило. Постановление, направленное на замедление распространения вируса COVID-19, называется *Coronaregel*. Особое значение имеют требования соблюдать дистанцию в общественных местах (*Abstandsregel*, *Distanzregel*). В Германии до 14 февраля 2021 года действовало правило, разрешающее перемещаться только в радиусе 15 км от места своего проживания: *15-km-Beschränkung*, *15-km-Grenze*, *15-km-Radius*, *15-km-Regel*, *15-km-Regelung Radiusregel*. Эти правила дополняются другими: *15-Minuten-Regel* – рекомендация проветривать закрытые помещения каждые четверть часа; *30-Sekunden-Regel* – рекомендация мыть руки полминуты, чтобы удалить с кожи все микробы, вирусы и т. д.; *AHA-Regel* – требование соблюдать дистанцию и правила гигиены; *AHA+L-Regel* – требование соблюдать дистанцию и правила гигиены, а также проветривать помещения; *AHA+C+L-Regel* – требование соблюдать дистанцию и правила гигиены, а также проветривать помещения и установить приложение «Corona-Warn-App». *Ein-Freund-Regel* – «правило одного друга» (ребенок может играть только с одним ребенком из другой семьи).

Новые метафорические номинации. Функциональная роль метафоры заключается в яркой, образной номинации объекта. Важнейшая особенность метафоры – ее национально-культурная маркированность. Она отражает манеру восприятия мира согласно культурным, социальным, политическим тенденциям, доминирующим в немецком обществе.

В немецком языке в условиях пандемии коронавируса очень распространена универсальная метафора волны: *Coronawelle*, *COVID-19-Welle*, *Pandemiewelle* – волна пандемии коронавируса, *erste Welle* – первая волна, *zweite Welle* – вторая волна, а также специфическая метафора *Wellenbrecher* – волнорез (меры для сдерживания второй волны пандемии). Специфической в немецком языке является метафора цунами (*нем.* эквивалент *Flutwelle*): *Coronatsunami* – цунами коронавируса, *Infektionstsunami* – цунами коронавирусной инфекции.

В немецком языке много метафорических обозначений лиц, например: политиков, обвиняемых в принятии преувеличенных мер по сдерживанию и контролю пандемии COVID-19 – *Seuchensheriff*; тех, кто особенно тщательно соблюдает правила гигиены во время пандемии COVID-19 – *Hygieneritter*, тех, кто носит во время пандемии коронавируса маску, закрывая только рот – *Nacktnase*

(«голоносый»); (профессиональную) группу людей, вносящих значительный вклад в сдерживание пандемии COVID-19 – *erster Schutzwall*.

Маска, которую носят на подбородке – *Kinnwärmer* – «обогреватель для подбородка», шутливое обозначение сделанной своими руками маски – *Gesichtskondom* – «лицевой презерватив»; федеральные земли, в которых действуют разные правила в отношении требований к ношению маски, сравниваются с лоскутным ковром – *Maskenflickenteppich*; помещение, место и т. п., используемые во время пандемии COVID-19 в целях домашней (само)изоляции – *Quarantänefestung* – «крепость во время карантина»; социальное взаимодействие во время пандемии COVID-19 путем прикосновения к локтям вместо рук при приветствии – *Ellenbogengesellschaft* – «общество локтей».

«Новая нормальность» – новые фразеологизмы. Для описания реальности в эпоху пандемии коронавируса активно используется устойчивое словосочетание *neue Normalität – новая нормальность* (*англ. New Normal*). Оно появилось в 2008 году и означает состояние общества и экономики после кризиса. В настоящее время под новой реальностью (нормальностью) понимают социальную и экономическую жизнь в условиях различных ограничений во время пандемии COVID-19.

Некоторые фразеологизмы представляют собой фразеологизмы с компонентами цветообозначения. Фразеологизмы с существительным *Zone* сочетаются с обозначениями цветов светофора: *grüne Zone* – район с низким уровнем инфицирования, *gelbe Zone* – район со средним уровнем инфицирования, *rote Zone* – район с высоким уровнем эпидемиологической угрозы, с высоким риском заражения (красный = опасный). *Grüner Pass* – «зеленый паспорт», (электронный) паспорт (в Израиле), подтверждающий иммунизацию против коронавируса посредством вакцинации; *schwarze Stufe* – «черная ступень», момент в процессе заражения коронавирусом, для которого пороговое значение новых заболеваний на 100 тыс. жителей в одном месте, одном регионе составляет более 200; *blaue Reise* – «голубой круиз», круиз без выхода на берег (во время пандемии COVID-19).

Регионально окрашенное устойчивое словосочетание *wilde Wiesn* – (неразрешенный) праздник, который планировался как замена отмененного из-за пандемии COVID-19 Октоберфеста.

Лексика нового этикета. В качестве приветствий в большинстве цивилизованных стран мира до пандемии считались рукопожатие, поклон или поцелуй. Новые способы безопасного приветствия в условиях пандемии – приветствие ногами (*Coronafußgruß*, *Fußgruß*, *Fußshake*) и «локтевое приветствие» (*Ellenbogengruß*, *Ebolagruß*). Обобщенным названием новых форм приветствий является слово *Coronagruß* – приветствие в условиях пандемии коронавируса.

Номинации как результат языковой игры. Посредством языковой игры выражается отношение говорящего к окружающей действительности. Языковая игра в настоящее время – один из способов самовыражения через словотворчество в условиях пандемии коронавируса.

Чрезвычайно популярно междусловное наложение [Нефедова 2003]. Один из самых известных контаминантов – слово *Covidiot* – *ковидиот*. Новый пляжный тренд – *Trikini* – *трикини*, так называют бикини с подходящей по цвету маской для лица. Ср. контаминанты русского языка *карантикулы* (карантинные каникулы), «*застрянцы*» (оказавшиеся за границей во время пандемии). Обращает на себя внимание контаминант *Panikdemie* – «паникдемия», образованный путем соединения слова *Panik* и двух слогов слова *Pandemie* (очень сильный парализующий страх перед пандемией COVID-19).

В слове *Krisenfrise* (отросшие или непрофессионально подстриженные волосы из-за закрытия парикмахерских во время пандемии COVID-19) выделяются две морфемы, вторая из которых *-frise* образована трансформацией слова *Frisur*, его фонетическим уподоблением слову *Krise*, т. е. созданием окказионального паронима.

Заключение

Таким образом, дискурсивная маркированность исследуемых лексических единиц выражается в том, что они являются маркерами дискурса о коронавирусной пандемии. Использование понятия «дискурс о коронавирусной пандемии» обусловлено тем, что различные виды современного как медийного, так и бытового дискурса объединены общей темой пандемии коронавируса.

Определенные лексические единицы являются ключевыми словами, выступая маркерами дискурса о коронавирусной пандемии: эксплицитные маркеры (ключевые слова *Corona*, *Covid* (*COVID-19-*),

Pandemie) и имплицитные маркеры (ключевые слова *Lockdown*, *Isolation*, *Distanz*, *Abstand*, *Maske*, *Regel*; новые метафорические номинации и фразеологизмы, лексика нового этикета, номинации как результат языковой игры).

Возможно, что характерные для эпохи пандемии коронавируса лексические единицы в будущем приобретут особую маркировку в толковых словарях, которая будет иметь статус дискурсивной пометы. Специальная лексикографическая помета может стать ключом к пониманию значения лексики периода локдауна и карантинных мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баркинхоева З. М. Ключевые слова эпохи как маркер динамики ориентиров поколений российских журналистов // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 т. 2017. № 2 (68). Ч. 2. С. 12–16. [Barkinkhoeva, Z. M. (2017). Kluchevyye slova epochi kak marker dinamiki orientirov pokoleniy rossiyskich zhurnalistov: V 2-x ch. Ch. 2 (Key words of the epoch as a marker of the dynamics of the reference points of the russian journalists generations). Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2(68), 12–16. (In Russ.)].

Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. DOI 10.26170/pl20-02-02. [Karasik, V. I. (2020). Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, ocenki, pozicii (Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions). Politicheskaya lingvistika, 2(80), 25–34. (In Russ.)]

Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26–42. [Krysin, L. P. (2000). Social'naya markirovannost' yazykovykh yedinic (Social marking of linguistic units). Voprosy yazykoznaniya, 4, 26–42. (In Russ.)].

Майер В. С. Словообразовательное моделирование языковых маркеров современности (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Вып. 6. Т. 13. С. 194–202. [Maier, V. S. (2020). Slovoobrazovatel'noye modelirovaniye yazykovych markerov sovremennosti (na materiale nemeckogo yazyka) (Word-Formative Modelling of Linguistic Markers of Modernity (by the Material of the German Language). Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 6, vol. 13, 194–202. (In Russ.)].

Михальченко В. Ю. (отв. ред.). Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. [Mikhal'chenko, V. Yu. (ed.), (2006). Slovar' sociolingvisticheskikh terminov (Dictionary of Sociolinguistic Terms). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.)].

Нефедова Л. А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3. С. 89–95. [Nefedova, L. A. (2003). On some special ways of word formation in modern German. Vestnik Moskovskogo universitta. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication, 3, 89–95. (In Russ.)].

Нефедова Л. А. О дискурсивной маркированности и особенностях употребления заимствованных фразеологизмов в современном немецком языке (на примере фразеологизмов с пометой bildungsspr) : в 3 ч. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 1. С. 137–140. [Nefedova, L. A. (2014). O diskursivnoy markirovannosti b jsjbennostyach upotrebleniya zaimstvovannych fraseologismov w sowremennom nemeckom yazyke (na primere fraseologismov s pometoy bildungsspr.): W 3-x ch. (On discursive markedness and specifics of using borrowed phraseological units in the modern German language (by the example of phraseological units labeled bildungsspr). Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 12(42), 137–140. Ch. 1. (In Russ.)].

Новикова О. Н., Калугина Ю. В. COVID-19 в контексте современного состояния исследования дискурса о пандемии // Вестник Башкирского университета. 2020. № 2. Т. 25. С. 376–381. [Novikova, O. N., Kalugina, Yu. V. (2020). Covid-19 within the context of the current research on pandemic discourse. *Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2.* 376–381. T. 25. (In Russ.)].

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. М. : Директ-Медиа, 2014. [Chernyavskaya, V. Y. (2014). Lingvistika teksta: polikdovst', intertekstual'nst', interdiskuyrsivnost' (Linguistics of the text: Polycode, intertextuality, interdiscursiveness): manual. Moscow: Direkt-Media. (In Russ.)].

Klosa-Kückelhaus, A. Bilder und Metaphern im Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/10150/file/KlosaKueckelhaus_Bilder_und_Metaphern_rund_um_Corona_Pandemie_2020.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Lobin H. Kommunikation in der Coronakrise. URL: https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronakrise/ (дата обращения: 28.02.2021).

Möhrs Ch. Ein Wortnetz entspinnt sich um „Corona“. URL: https://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Wortnetz_Corona.pdf (дата обращения: 28.02.2021).

Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp (дата обращения: 28.02.2021).

УДК 81'34 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_197

М. В. Попова

кандидат филологических наук
ст. преподаватель кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
neunerin@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ НОСИТЕЛЯМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья представляет собой описание результатов перцептивно-слухового исследования, проведенного на материале немецкого языка с учетом интерференции русского языка на базе Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) в 2020 году. В статье описываются особенности восприятия и трактовки носителями немецкого языка без лингвистического образования отклонений от немецкой произносительной нормы на сегментном и супрасегментном уровнях. Автор делает вывод о возможности использования результатов исследования для актуализации программ обучения немецкому языку.

Ключевые слова: отклонение; произносительная норма; гласный звук; согласный звук; носитель языка; русский язык; немецкий язык.

M. V. Popova

PhD (Philology)
Senior Lecturer at the Department of Phonetics
Faculty of the German Language
Moscow State Linguistic University
neunerin@gmail.com

SPECIFICS OF THE IDENTIFICATION OF DEVIATION FROM THE PRONUNCIATION NORM AS A RESULT OF THE INTERFERENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE BY NATIVE SPEAKERS OF THE GERMAN LANGUAGE

The article is a description of the results of a perceptual-auditory study on the basis of the Moscow State Linguistic University in 2020 conducted on the material of the German language, taking into account the interference of the Russian language. The article describes the peculiarities of perception and interpretation by native speakers of the German language without linguistic education of deviations from the German pronunciation norm at the segmental and suprasegmental levels. The author concludes that it is possible to use the research results to update German language teaching programs.

Key words: deviation; pronunciation norm; vowel; consonant; native speaker; Russian language; German Language.

Введение

Исследованию факторов влияния на овладения звуковой системой неродного языка, механизмов восприятия звуковых систем и коммуникативной значимости отдельных фонетико-фонологических единиц посвящены работы многих исследователей, в числе которых О. А. Норк и Н. А. Милюкова (1976), Т. Е. Подольская и Т. С. Богомазова (1979), Г. Н. Лебедева (1982), М. К. Исаев (1992), В. В. Потапов (1998), С. И. Гусева (2001), Р. К. Потапова (2012, 2017), Н. Д. Климов (2012) и др. Возросший в последние десятилетия интерес к исследованию звучащей речи можно объяснить растущим числом языковых контактов в рамках мультикультурных сообществ. Несмотря на то, что наличие акцента как такового не считается критерием оценки уровня владения иностранным языком в рамках «Общеевропейских компетенций владения иностранным языком» (CERF), в отношении оценки навыка говорения всё же существует пункт о «ясности» устной речи. А иноязычный акцент как совокупность отклонений в звучащей речи в сфере перцептивного слушания реципиента зачастую оказывает, по мнению исследователей, негативный эффект, так как даже при частых несмыслонарушающих фонетических ошибках носителю языка, не привыкшему к произносительным особенностям иного языка, необходимо прикладывать больше усилий при перцепции, особенно в условиях коммуникативных ситуаций, сопровождающихся неблагоприятными экстралингвистическими факторами [Климов 2012]. Кроме того, степень «существенности» тех или иных отклонений от нормы может определяться лишь коммуникативной ситуацией и ее участниками. Важно отметить, что большинство экспериментальных исследований, посвященных определению коммуникативной значимости фонетических ошибок, проводилось с учетом реакций испытуемых с определенным уровнем подготовки (например, имеющих лингвистическое образование). В связи с этим думается, что необходимо также исследовать особенности восприятия отклонений от фонетической нормы носителями языка без профессиональных навыков, так как таких людей большинство.

Отбор и подготовка экспериментального материала

Для подготовки вопросов перцептивно-слухового исследования пяти фонетистам (МГЛУ, Europa Universität Viadrina) было предложено прослушать записи речи русскоязычных билингвов на немецком языке и выделить наиболее частотные и доступные для восприятия и оценки носителями немецкого без специального образования отклонения от произносительной нормы. В результате были выделены следующие:

1) в рамках вокализма:
– взаимозамена инвариантов гласных *u* и *ü*;
– замена гласного переднего ряда [ɪ] после смычно-щелевого согласного [t͡s] на гласный среднего ряда [ы];
– нарушение фонематического признака количества (долготы) у гласных;
– нарушение фонематического признака качества у гласных;
– ненормативное произнесение дифтонгов;
– аккомодация при произнесении сонорного [l] с гласными среднего и заднего ряда;
– замена вокализованного [ʊ] на [ə];
– отсутствие элизии *ə* в конечных безударных слогах *-el*, *-em*, *-en* после смычно-взрывных и щелевых согласных;
2) в рамках консонантизма:
– палатализация согласных под влиянием гласных переднего ряда;
– веляризация альвеолярного согласного *l* под влиянием гласных среднего и заднего ряда и дифтонга *au*;
– отсутствие аспирации при произнесении глухих смычно-взрывных *p*, *t*, *k*;
– замена [ç] на [x];
– замена [ʁ] и [ʊ] на переднеязычный вибрант [r];
– раздельное произнесение звуков в комбинации *ng* вместо заднеязычного носового согласного [ŋ] в рамках одной морфемы;
– ассимиляция по звонкости;
3) в рамках супрасегментного уровня:
– смещение словесного ударения;
– смещение фразового ударения;

– нарушение слогового ритма (наложение характерного для русского языка ритма легато вместо характерного для немецкого языка ритма стаккато);
– расширение мелодического диапазона.

Не основе полученных данных был сформирован аудиокорпус: на каждый случай отклонения был записан пример нормативного произнесения носителем немецкого языка и пример произнесения русскоязычным «диктором» на немецком языке с описанным отклонением.

Методика проведения исследования

Для выявления характера восприятия отклонений от произносительной нормы носителями языка без лингвистического образования была использована методика перцептивно-слухового анализа, которая базируется на работах основателя научной школы фундаментального и прикладного речеведения Р. К. Потаповой.

В рамках онлайн-опроса, проведенного на платформе «Google Forms», аудиторам предлагалось прослушать фонограммы с оппозицией аудиостимулов и в свободной форме охарактеризовать отклонение от нормы, если они могли его «уловить». Следует отметить, что сами «оппозиции» представлены только на сегментном уровне, так как элементы супрасегментного уровня реализуются субъективно и обладают большой вариативностью в рамках нормы. Кроме того, в рамках каждой сегментной оппозиции присутствует отклонение только одного элемента. Исключение составляют такие взаимозависимые и тяжело сегментируемые фонематические признаки, как, например, «качество» («Qualität») и «количество» («Quantität») гласных, а также явления ассимиляции и аккомодации, возникающие в условиях коартикуляции [Богомазова, Подольская 2004].

В качестве аудиторов отбирались совершеннолетние носители немецкого языка, владеющие литературной нормной и не имеющие «миграционных корней». В последующем исследовании приняли участие 17 человек (8 женщин и 9 мужчин), граждан семи федеральных земель ФРГ – Тюрингии, Саксонии-Анхальта, Северного Рейна-Вестфалии, Берлина, Гамбурга и Баварии, в возрасте от 27 до 62 лет.

Результаты перцептивно-слухового исследования

Далее рассмотрим данные, полученные в результате эксперимента.

1. В рамках вокализма:

1) 100% аудиторов определили замену звуков *u*/*ü* на примере слова *durch*: [dʊʁç] – [dYʁç];

2) в примере с нарушением фонематического признака количества (долготы) у гласных (['faχʃu:lə] – ['faχʃʊlə], ['o:pa:] – ['ɔpa]) семь аудиторов не выявили отклонений. 10 аудиторов отметили недостаточную долготу у гласных *Fachsch**u**le* или *Op**a***;

3) в отношении некорректной реализации вокализованного варианта *r* (Teller ['tɛlɐ] – Tellä ['tɛlɛ:]; der [de:ɐ̯] – de [de:]) девять аудиторов описали нарушение как «отсутствие» или «проглатывание *r*», четверо не выявили отклонений. Четверо отметили, что слышат *ä* в одном или обоих словах. Некоторые аудиторы ответили, как должен произноситься *r* на конце слова в немецком языке, описав это как «звук, близкий к *a*», при этом, не описав само отклонение;

4) ненормативное произнесение дифтонгов – уподобление второго компонента дифтонга русскому согласному звуку *й* ([dɔ͡ʏt͡ʃ] – [dɔ͡et͡ʃ]) не распознали восемь аудиторов. Трое выявили отклонение, отметив, что произнесенное русскоязычным «диктором» слово напоминает *Doitsch*, двое аудиторов при этом посчитали, что слово звучит очень «жестко» («hart»). Еще трое отметили неверное «ударение» («Betonung») звуков [t] или [ʃ]. Один аудитор ответил, что произнесение похоже на диалектальное;

5) чуть более 60% аудиторов не выявили отклонений от произносительной нормы в случае аккомодации по палатализации при произнесении альвеолярного *l* с гласными среднего и заднего ряда на примере слов *Umlaut* ['ʊmlaʊt] – ['ʊmlɤʊt], *Blut* ([blu:t] – [blʉ:t]). Четверо описали данное отклонение в рамках консонантизма, отметив, что у «диктора» «есть сложности с произнесением *l*» или что «*l* звучит слишком мягко». Трое аудиторов сделали акцент на произнесении гласных, отмечая, что дифтонг «недостаточно реализован» или звучит как *jau* вместо *au*;

6) 13 из 17 аудиторов не выявили отклонений в произнесении звука *i* после смычно-щелевого [t͡s] на примере [t͡sɪmt] – [t͡sɨɪmt]; в реакциях четырех аудиторов отмечается неуверенность в наличии отклонения. Один аудитор отметил изменение качества гласного звука;

7) ни один из аудиторов не указал на реализацию (невыпадение) редуцированного *e* в качестве отклонения от нормы. Девять аудиторов

не распознали отклонения, двое указали на слишком жесткое произнесение *ch* в слове *machen*, четверо отметили заметное удлинение ударного звука *a*. *Прим. автора*: отсутствие элизии [ə] в конечных безударных слогах *-el*, *-em*, *-en* после смычно-взрывных и щелевых согласных (*haben* ['haːbn̩] – ['haːbən], *machen* ['maxn̩] – ['maxən]) является отклонением не во всех фоностилях, поэтому «диктор» записал примеры в медленном темпе, что соответствует полному стилю (hohe Formstufe der Lesung по классификации Г. Майнхольда), который предполагает большую четкость артикуляции и некоторое утрирование [Meinhold 1973];

8) схожая ситуация наблюдается в отношении нарушения фонематического признака качества (открытости/закрытости) у гласных на примере слова *Opa*: восемь аудиторов отметили отсутствие отклонений от произносительной нормы, в то время как девять аудиторов указали на нарушение фонематического признака долготы гласного.

Сводные результаты в рамках вокализма показаны на рисунке 1.

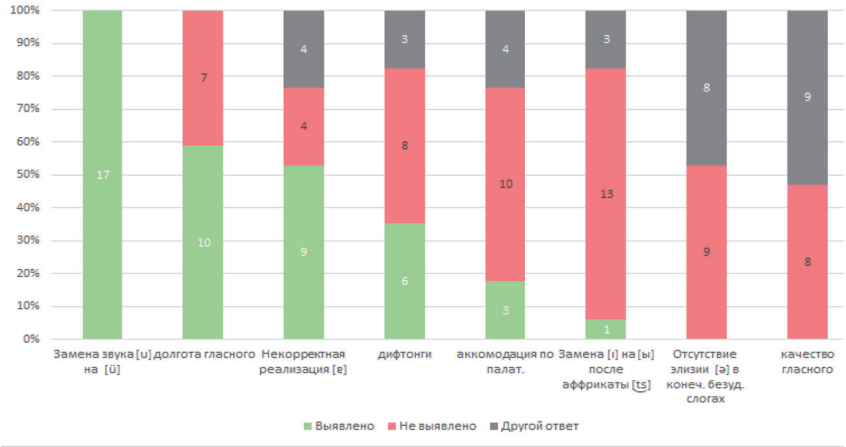

Рис. 1. Отклонения от немецкой произносительной нормы применительно к вокализму

2. В рамках консонантизма:

1) 16 из 17 аудиторов выявили отсутствие ассимиляции по месту артикуляции в словах с комбинацией букв *ng*. При этом 12 аудиторов охарактеризовали некорректное произнесение заднеязычного

велярного *ŋ* в комбинации букв *ng* как отдельные звуки *n* и *g* на примере слов *singen* (ˈzɪŋən] – [ˈzɪngən]), *Angel* ([ˈaŋl] – [ˈangl]), среди них четверо указали на чрезмерное выделение звука *g*, двое описали отклонение как раздельное произнесение звуков *n* и *g*;

2) в 95% ответов аудиторы отметили отклонение от немецкой произносительной нормы в случае замены консонантного заднеязычного щелевого [ʁ] и вокализованного [ɐ] на переднеязычный вибрант [r], характерный для русского языка, на примере слов *Rand* ([ʁant] – [rant]), *munter* ([ˈmʊntɐ] – [ˈmʊntər]), половина из них охарактеризовали звук как «раскатистый» («gerollt»). Один аудитор назвал *r* «слишком резким» («zu scharf»). Двое также написали, как должен произноситься звук *r* на конце слова: «его не должно быть слышно», «должен звучать как краткий *a*»;

3) 15 из 17 аудиторов распознали некорректное произнесение [ç] – замена [ç] на [x] на примере слова *Ich*. Среди описаний данного отклонения наиболее часто встречается характеристика «слишком твердый» («zu hart») или «недостаточно мягкий» (29%) или сравнение с [x] (29%). Некоторые аудиторы описали отклонение с точки зрения нарушения места артикуляции «звучит как увулярный», «произносится больше сзади», «как будто сформирован в горле» (18%);

4) распространенная в рамках русского языка и полностью отсутствующая в немецком языке ассимиляция по звонкости на примере: *Bist du taub?* [bɪzd du t͡aup] была охарактеризована противоречиво: восемь аудиторов не услышали отклонений, другие восемь выявили отклонение, описав его как «отсутствие разделения между первым и вторым словом» или как озвончение: «*d* вместо *t* – *bisd*», и один аудитор написал, что не понял второе слово;

5) что касается палатализации согласных под влиянием гласных переднего ряда на примере слова *Tisch* ([tɪʃ] – [t’ɪʃ]), семь аудиторов охарактеризовали звук [t] как *ts* и один аудитор отметил «мягкость» звука *t*. Пятеро указали на некорректное произношение звука *i*, в большинстве случаев как «слишком долгий» или «сильно выделенный» («zu betont»). Четверо не выявили отклонений;

6) при отсутствии аспирации при произнесении глухих смычно-взрывных [p], [t], [k] на примере слов *Kinder* ([ˈkʰɪndɐ] – [ˈkɪndɐ]), *Tochter* ([ˈtɔxtɐ] – [ˈtʰɔxtɐ]), *Post* ([pʰɔst] – [pɔst]) чуть меньше половины аудиторов склонны слышать парные звонкие согласные звуки вместо

глухих смычно-взрывных *t* и *p*: *Dochter*, *Bost*. Трое отметили отсутствие или неясное произнесение звука *p* в слове *Post*. Только один аудитор не выявил никаких отклонений, остальные не смогли охарактеризовать отклонение;

7) в 41 % ответов аудиторов была охарактеризована веляризация сонорного *l* под влиянием гласного заднего ряда *u* на примере слова *Luf* с позиции гласного звука – была отмечена его чрезмерная долгота (*прим. автора*: «диктор» не утрировал долготу), два аудитора отметили чрезмерную твердость при произнесении звука *l*. В 59 % случаев отклонение было описано с позиции консонантизма, однако варианты описания представляют собой совершенно разные ответы: «звучит как *ruft*»; «*w* вместо *l*», «*l* звучит скорее как гласный».

Сводные результаты проказаны на рисунке 2.

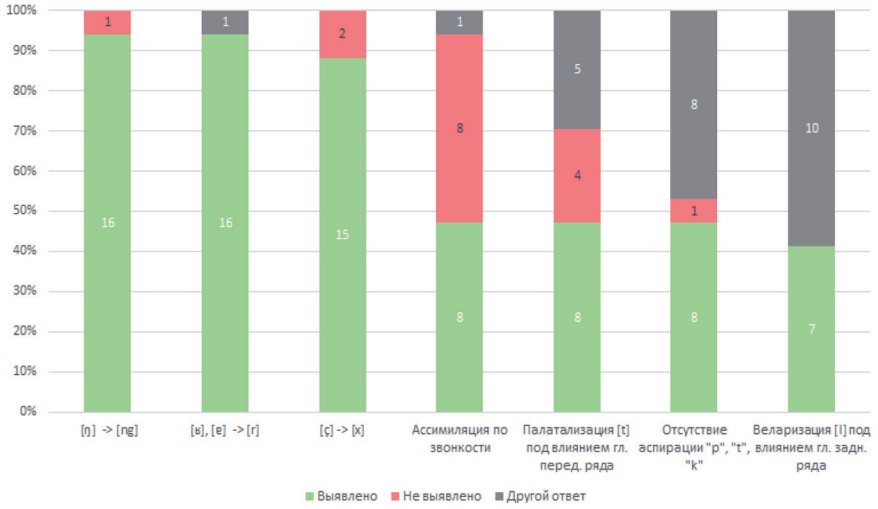

Рис. 2. Отклонения от немецкой произносительной нормы применительно к консонантизму

3. В рамках супрасегментного уровня:

1) смещение словесного ударения на примере слова *Aufmerksamkeit* ([‘aʊ̯fmɛrkza:mkai̯t] – [aʊ̯f’mɛrkza:mkai̯t]) отметили 12 (71 %) аудиторов, в то время как пятеро не выявили отклонений от произносительной нормы.

2) смещение фразового ударения на примере предложения: *Ich weiß nicht, was es eigentlich bedeuten soll* также не выявили 12 (71 %) аудиторов. Однако трое отметили, что интонационно выделенное «диктором» слово *soll* в немецком языке не должно быть ударным, также один из аудиторов охарактеризовал интонацию как «произвольную» («willkürlich»);

3) более половины аудиторов (59 %) не выявили расширение мелодического диапазона на примере предложения *Reife Äpfel und frisches Gemüse machen müde Menschen munter*. Однако четверо отметили, что предложение звучит несколько «мелодично» («Singsang»), «весело» («lustig»), «потому что прочитано очень радостно (fröhlich)». Один аудитор охарактеризовал манеру произнесения русскоязычного «диктора» как «слишком социально-педагогическая» («zu sozialpädagogisch»);

4) нарушение слогового ритма на примере предложения «Alle alten Affen haben Afrika verlassen» было выявлено всего тремя аудиторами[1]. По итогам опроса пятеро аудиторов не выявили отклонения от нормы, трое отметили чрезмерно высокую скорость произнесения, двое – отсутствие пауз между словами и один респондент – «неясное произнесение». Сводные результаты в рамках супрасегментного уровня приведены на рисунке 3.

Важно отметить, что многие аудиторы в ходе прохождения опроса отмечали, что им было сложно описать отклонение, даже если они его слышали. В таких случаях некоторые из них склонны были скорее оценить, насколько хорошо, по их мнению, был произнесен тот или иной пример, в результате чего в анкете часто встречаются ответы: *супер* (*super*), *очень хорошо* (*sehr gut*), *хорошо* (*gut*), *пойдет* (*passt*) или *нормально* (*okay*).

[1] Данное предложение было выбрано с точки зрения наличия большого количества твердых приступов – явления, которое в значительной степени влияет на формирование характерного для немецкого языка «отрывистого» ритма. При отсутствии твердого (нового) приступа слова «сливаются» друг с другом, что в некоторой степени препятствует второму фактору влияния на формирование немецкого слогового ритма – делению на речевые такты (и синтагмы) и паузирования.

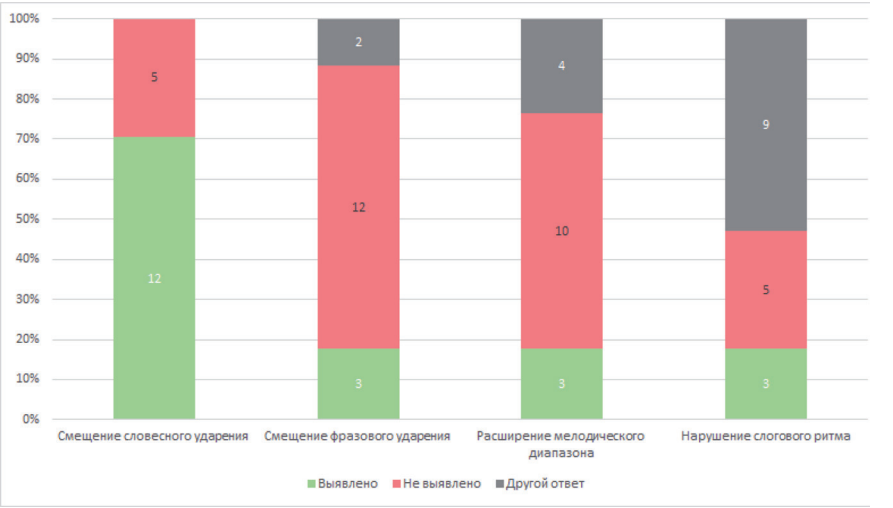

Рис. 3. Отклонения от немецкой произносительной нормы применительно к супрасегментному уровню

Интерпретация результатов предварительного перцептивно-слухового исследования

Исходя из полученных данных, можно заключить, что не все фонетические сложности, отмеченные экспертами-фонетистами, различимы носителем немецкого языка без специальной подготовки. В рамках вокализма наиболее легко были распознаны отклонения, связанные с заменой звука ([ʊ]/[u:] – [Y]/[y:], [ɐ] – [ə]/[Ɛ]/[Ɛ:]/[e:]) или фонематического признака количества (в частности долготы), с некорректной реализацией дифтонга и аккомодации гласного звука заднего ряда под влиянием альвеолярного сонорного [Богомазова, Подольская 2014]. Полное отсутствие распознавания нарушения фонематического признака качества (открытости/закрытости) компенсируется, в свою очередь, комментариями аудиторов относительно смежного фонематического признака – количества гласного звука, так как в немецком языке все гласные за исключением *a* и *ä* (всегда открытые) имеют взаимозависимые характеристики – гласный может быть долгим и закрытыми или кратким и открытым в зависимости от типа слога. С позиции фоностилистики можно объяснить и второй случай отсутствия выявления отклонения от нормы: в коммуникативных

ситуациях, подразумевающих полный стиль (Hohe Formstufe der Lesung по Г. Майнхольду), в частности характерные для него медленный темп и высокую четкость дикции, отсутствие выпадения [ə] является нормированным [Meinhold 1973; Krech et.al. 2009; Глушак, Калашникова 2016]. Интерес в данном случае представляют также данные относительно идентификации инварианта *ы* на примере слова *Zimt*. В немецком языке аффриката [t͡s] является альвеолярной, а звук [ɪ] – гласным переднего ряда, другими слова оба эти звука можно охарактеризовать как «мягкие» в отличие от русских велярного согласного [ц] и среднеязычного [ы], аллофона [и], реализуемого под влиянием твердого согласного. Несмотря на то, что русскоязычный «диктор» при прочтении произвел подмену «мягких» немецких звуков на созвучные твердые русские, только три аудитора отметили несоответствие, причем один из них предположил, что отклонение заключается в согласном звуке, другой – в гласном, а третий выразил неуверенность, отметив в комментарии «в принципе правильно…».

В рамках консонантизма были выявлены все фонетические сложности. Среди наиболее легко распознаваемых некорректная реализация вариантов звука *r*, а также заднеязычного назального [ŋ]. Меньшим числом аудиторов были описаны явления палатализации, веляризации, ассимиляции и отсутствие аспирации у глухих смычно-взрывных [p], [t], [k]. Важно отметить, что при палатализации *t*, которая подразумевает смягчение согласного звука путем поднятия средней спинки языка к твердому небу, носитель немецкого языка слышит альвеолярный [t͡s]. В русском языке созвучный ему [ц] является велярным, т. е. твердым звуком. Также интересны результаты восприятия неаспирированных смычно-взрывных согласных [p] и [t], которые воспринимаются носителем языка как звонкие [b] и [d]. Думается, что данные сведения могут быть полезны при обучении произношению немецкого языка, так как коммуникативная значимость многих аллофонов, не меняющих семантику слов, и, предположительно, не влияющих на понимание, на сегодняшний день является недостаточно изученной.

Учитывая тот факт, что супрасегментный уровень является наиболее сложным для усвоения, так как любой элемент этого уровня неуклонно подвергается при произнесении индивидуализации, с позиции перцепции даже натренированному уху бывает сложно определить, чем вызвано отклонение от нормы. Этим может объясняться

низкий процент идентификации трех из четырех фонетических сложностей – нарушения слогового ритма, смещения фразового ударения и расширения мелодического диапазона. Если в рамках сегментного уровня можно провести сравнение с нормированным эквивалентом, закрепленном в словаре, то в рамках супрасегментного уровня такого эквивалента не существует, поэтому, мы полагаем, смещение словесного ударения было идентифицировано значительно большим числом аудиторов, чем нарушение фразового ударения. Кроме того, вырванное из контекста и не привязанное к какой-либо коммуникативной ситуации предложение может быть проинтонировано по-разному, поэтому некоторые аудиторы указывали в комментариях, что вне контекста данное предложение корректно. Следует отметить, что расширение мелодического диапазона, которое встречается и в рамках немецкого языка в эмфатических конструкциях, ассоциируется у некоторых аудиторов с «напевом» («Singsang»).

Заключение

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что наиболее легко распознаванию поддаются те фонетико-фонологические элементы, которые имеют некий эквивалент в родном языке или ассоциативный ряд, способствующий распознаванию и категоризации отклонения. В ином случае испытуемый склонен к оценке, нежели к описанию. Следует подчеркнуть, что коммуникативная значимость многих аллофонов, возникающих под влиянием интерференции русского языка и не меняющих семантику слов, т. е. предположительно не влияющих на понимание, на сегодняшний день является недостаточно изученной. Дальнейшие исследования коммуникативной, а впоследствии и социокоммуникативной значимости единичных отклонений от произносительной нормы, а также их совокупности на сегментом и супрасегментном уровнях могли бы послужить надежной опорой для актуализации программ обучения немецкому языку в рамках профильных языковых специальностей.

СПИСКОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богомазова Т. С., Подольская Т. Е. Теория и практика по фонетике немецкого языка (для повышения квалификации преподавателей высшей школы). М. : Лист Нью, 2004. [Bogomazova, T. S., Podol`skaya, T. E. (2014). Teoriya

i praktika po fonetike nemeczkogo yazy`ka (dlya povy`sheniya kvalifikacii prepodavatelej vy`sshej shkoly`). (Theory and practice in the phonetics of the German language for advanced training of high school teachers). Moscow: List New. (In Russ.)]

Глушак В. М., Калашникова Е. А. Современные тенденции реализации немецкого [ə] в окончаниях -en, -em, -er, -el // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 20 (579). С. 33–39. [Glushak, V. M., Kalashnikova, E. A. (2016). The modern tendencies of realization of the German [ə] in the words ending -en, -em, -er, -el. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20(579), 33–39. (In Russ.)]

Климов Н. Д. Коммуникативная значимость отклонений от фонетической нормы в немецкой речи с русским акцентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 18 (651). С. 45–73. [Klimov, N. D. (2012). Communicative significance of deviation from the phonetic norm in German speech with Russian accent. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 18(651), 45–73. (In Russ.)]

Meinhold G. Deutsche Standardsprache. Lautschwächungen und Formstufen. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973.

Krech E. M. [et al]. Deutsches Aussprachewörterbuch. De Gruyter, 2010.

УДК 81.25 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_210**

Е. А. Ставицкая

кандидат философских наук
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
eastavitskaya@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (немецкий и русский языки)

В статье рассматривается проблема перевода конфессиональных текстов с русского языка на немецкий на материале текстов православных богослужений и проповедей. Отмечаются трудности перевода абстрактных понятий, традиционно воспринимаемых как эквивалентные, а также предпринята попытка обозначить те области теологического дискурса, в которых наблюдаются наиболее существенные расхождения в религиозном учении, а значит, и в терминологии.

Ключевые слова: конфессиональный текст; теологический дискурс; эквивалентные понятия; перевод богослужебных текстов.

E. A. Stavitskaya

PhD (Philosophy)
Assoc. Prof.
Assoc. Prof. at the department of Grammar and History of German
of the Faculty of German
Moscow State Linguistic University
eastavitskaya@mail.ru

THE PROBLEM OF TRANSLATING THEOLOGICAL TEXTS (German and Russian)

In the article the problem of translating texts of different confessions from Russian into German is taken under consideration. The texts of Orthodox divine services and homilies were taken as examples. The challenges of translating abstract notions that are usually considered to be equivalent are highlighted and an attempt is made to enumerate those fields of theological discourse, that presuppose the most significant differences in the religious teaching and, as a consequence, in the understanding of concepts.

Key words: a text of a denomination; theological discourse; equivalent notions; translating liturgical texts.

Введение

Перевод богослужебных текстов и конфессиональных текстов является специфическим видом перевода, поскольку помимо основных критериев перевода здесь вступает в силу богословское содержание, помимо точности и адекватности переводчик должен передать и духовную глубину переводимого текста в соответствии с многовековой религиозной традицией и сохранить молитвенность формулировок в той степени, в которой это возможно.

Перевод богослужебных текстов напрямую связан с переводом Библии, поскольку многие тексты взяты напрямую из первоисточника, то и многие концепты будут общими. В истории библейского перевода известно немало случаев, когда одна буква могла оказать огромное влияние на судьбу Церкви, когда неверное переведенное слово приводило к возникновению еретических учений. Что касается переводов книг Священного Писания на немецкий и русский (вернее, церковно-славянский) языки, то мы сразу сталкиваемся с разностью конфессий, в которых существовали эти переводы, а также выросшие из них религиозные понятия.

Материал и методы исследования

Материалом исследования служат в первую очередь переводы Священного Писания на немецкий и на церковно-славянский языки. Широко известный перевод Библии на немецкий язык был сделан Мартином Лютером, затем претерпевал редакции и при жизни знаменитого богослова и позднее, однако до сих пор основой, на которой возрос целый корпус абстрактных немецкоязычных понятий христианского учения, является он. Многое сказано уже о том, насколько важен был данный перевод для формирования единого немецкого языка. Интересно отметить как многие слова меняли свое значение, сообразуясь с теми особенностями, которые приобретало протестантское вероучение.

Слово (*der*) *Beruf* (*профессия*), в средневерхненемецком означавшее «зов, призвание» и получившее привычное для современного немецкого значение «служба, звание, деятельность», относится к разряду тех слов, которые в связи с переводом Лютера и протестантским учением приобрели новое звучание. «По учению Лютера

каждый призван к своей работе (деятельности) Богом, следовательно, она угодна Богу и должна восприниматься работающим как служение. В связи с этим получило новое значение само слово (*die*) *Arbeit* (*работа*), которое в средневековом немецком означало «му́ка, нужда». То, что для средневекового католика было «мучением», становилось благословением для протестанта» [Клочковский, 2017].

В православной русскоязычной среде по настоящее время в основном используется Елизаветинская Библия, первые этапы работы над которой относят к началу XVIII века. Конечно, оба перевода подвергались правке, но незначительной. В русскоязычной среде более двух веков предпринимаются попытки осуществить исправленный точный перевод на современный русский язык, с тем чтобы приблизить содержание Священного Писания и чинопоследований таинств слушателям[1]. Тем не менее основные понятия сложились на основе церковно-славянского перевода, и их наполнение неразрывно связано с православным вероучением.

И в последнее время, когда возникает необходимость перевода уже православных текстов на немецкий язык (для нужд православных верующих Германии[2], не владеющих ни русским, ни церковнославянским языком), переводчик неминуемо сталкивается с определенными сложностями, о которых будет сказано ниже. В 2010 году было объявлено о переводе Литургии свт. Иоанна Златоуста, который был осуществлен рабочей группой под руководством иеромонаха Венедикта (Шнайдера), он был разослан по приходам, где используется немецкий язык, и разрешен к употреблению. До этого времени богослужения в православных храмах на территории Германии в основном проводились на церковно-славянском языке.

---

[1] Подробная история переводов Библии на русский язык в XVIII–XIX веках представлена в работе профессора Санкт-Петербургской духовной академии Иллариона Алексеевича Чистовича (История перевода Библии на русский язык / И. А. Чистович. 2-е изд. С.-Петербург : Типография М. М. Сталюсевича, 1899. 347 с.), затем на протяжении почти всего XX века по известным причинам данная работа была приостановлена, последние же несколько десятков лет она вновь активно ведется, изданы переводы некоторых служб на русский язык иеромонаха Амвросия (Тимрота), священника Георгия Кочеткова и др.

[2] История русских православных приходов в Германии изложена на сайте Берлино-Германской епархии Московского Патриархата: Епархия – Die Berlin-Deutsche Diözese (rokmp.de).

Продолжила свою работу комиссия по переводу богослужебных текстов под руководством архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Арндта). Таким образом, обеспечивается литургическая жизнь в новых условиях, когда язык конфессии становится совершенно далек от прихожан.

Ход исследования и его результаты

В научной среде исследуются тексты переводов, приводятся комментарии и пояснения. Данные исследования находятся в поле теолингвистики, комплексного научного направления «Язык и религия». Функционированию языка в сфере религиозной коммуникации посвящены сборники работ современных ученых лингвистов и теологов. Наиболее обширные исследования переводов литургических и богословских текстов на немецкий язык принадлежат Е. В. Плисову (его отдельные статьи посвящены вариативности переводов таких богослужебных текстов, как «Ектинья», «Песнь Пресвятой Богородицы», «Ангельское славословие» и др.), С. И. Кузьмину, Т. Ю. Галкиной и др. Начиная перевод религиозного текста, важно обозначить его конфессиональную принадлежность, тем самым ограничивая возможные при переводе понятия. Например, говоря о «таинстве покаяния», автор указывает нам на православную или католическую конфессиональную принадлежность текста. Если же автор называет покаяние обрядом, как правило, речь будет идти о протестантских деноминациях. В случае немецко- и русскоязычных христианских конфессий мы, как правило, сталкиваемся с рядом сложностей при переводе, для удобства разделим их на две подгруппы, но оговоримся, что деление это весьма условно, ввиду невозможности разделить лексику, стилистику, грамматику и прочие области).

1. *Лексические особенности*. Конечно, как говорилось выше, камнем преткновения остается богословское содержание определенных понятий, которое формировалось в двух различных богословских системах. Здесь стоит отметить христианскую антропологию и сотериологию в целом и отношения человека с Богом, которые в протестантской системе, а в некоторой степени и в католической, воспринимаются как зависимые абсолютно, лишь Господь предопределяет человека ко Спасению или осуждает на вечные муки, человек может узнать в течение своей жизни, к чему он предопределен.

С другой стороны, в православии человеческое спасение зависит не только от воли Господа, но и от добрых дел, устремлений верующего. Например, русское словосочетание *милость Божия* практически не содержит оттенка значения «пощада», в то время как немецкое *Gnade Gottes* этот оттенок имеет, что связано с особенностями религиозного учения протестантизма, согласно которому, Господь может помиловать или осудить человека на вечные муки независимо от его поступков. Вероятно по этой причине, хотя бы отчасти, *Gnade Gottes* воспринимается как нечто незаслуженное, ведь тот, кто помилует / пощадит, делает это лишь из собственной благости. Отсюда же совершенно новые культурно-исторические смыслы можно увидеть в названии трактата Мартина Лютера «Vom unfreien Willen», который на русский язык передается «О рабстве воли», этот трактат был рассмотрен на конференции «Глобализация и идентичность» в 2015 году и как раз тогда было обнаружено довольно много пластов значений, не заметных с первого взгляда рядовому читателю [XI Международный … 2015]. В частности, без разбора учений о воле блаж. Августина (которое впоследствии укоренилось в католической доктрине) и прп. Максима Исповедника и св. Иоанна Дамаскина (чье понимание воли стало основой православного подхода) невозможно верное восприятие и интерпретация текста и его перевода.

Не только в догматических вопросах, но и в экклезиологии необходимо тщательно отбирать подходящие эквивалентные соответствия. Так, названия праздников в протестантской и католической традиции не всегда соответствуют им в православной.

Сретение, к примеру, в православной традиции будет обозначено как *Begegnung Christi im Tempel*, для католического текста – *Mariä Lichtmess*; *Успение Богородицы – Entschlafung der Gottesgebärerin* для православного и *Mariä Himmelfahrt / Mariä Aufnahme in den Himmel* для католического текста. Интересно отметить, что православный эквивалент названия данного праздника можно увидеть, как правило, на интернет-сайтах православных приходов в Германии, в корпусе DWDS же, к примеру, это словосочетание невозможно найти. Представляется возможным предположить, что, так как догмат о Вознесении Богородицы на небо был принят католической церковью сравнительно недавно – в 1950 году, а православными церквями не признается, понадобилось терминологически разграничить догматизированное

верование и то, которое осталось в рамках не утвержденного Собором апокрифического предания. Видимо по этой причине всё чаще в православных текстах используется именно *Entschlafung*.

Названия таинств и, если говорить о протестантской традиции, даже их восприятие и количество будут различаться. Главное таинство христианской церкви – Евхаристия, Святое Причастие – имеет несколько эквивалентных соответствий: das Heilige Abendmahl, die Kommunion, die Heilige Eucharistie. В корпусе DWDS первое имеет помету *evangelisch*, второе – *katholisch*, третье – наиболее общий термин, который встречается в текстах разной конфессиональной принадлежности. Но и само восприятие таинства в конфессиях разное: в протестантизме оно проводится лишь как воспоминание того последнего ужина, который Господь Иисус Христов разделил со своими учениками. В католической и православной церквях таинство имеет чудесную природу и чудо являет себя каждый раз при приготовлении евхаристии.

Миропомазание – общее для католической и православной церквей таинство – имеет соотвествие, употребляемое в обеих конфессиях – *Myronsalbung*, но также есть вариант перевода – *Firmung* – только для католического текста.

Для православной и католической конфессий исповедь будет обозначаться как таинство (das Sakrament), в то время как в протестантской, где для исповеди и не нужен священник, – нет.

2. *Стилистические особенности*. В русскоязычном религиозном дискурсе отмечается частое использование средств возвышенного регистра, церковнославянизмов, историзмов, архаизмов. Что касается литургических текстов – это и не может быть по-другому, они все написаны и много веков читаются на церковно-славянском языке. Но для проповедей и религиозного (православного) дискурса в целом и не может быть иначе – ведь церковно-славянским перевод Священного Писания и богослужебные тексты будут тем первоисточником, прецедентным текстом, к которому мы всегда будем возвращаться, вбирая его возвышенный и несколько архаичный стиль.

Для немецкоязычного религиозного дискурса это характерно не в той же мере, в нем скорее более употребима нейтральная лексика в специальном значении. Игумен Петр (Мещеринов), рассказывая о сложностях, с которыми он столкнулся при переводе трактатов протестантского мистика и проповедника Герхарда Тестегена, указывал на

то, что «славянский язык, из которого вырос русский, не отмирал, не выходил из употребления, но оставался параллельно «высоким» языком богослужения, а также в силу упомянутого очень быстрого развития русского языка, в нем не успел сформироваться свой «высокий стиль» – эту функцию выполняет в нем славянская лексика. По-немецки вполне хорошо звучит, когда «Der Engel sieht mit den hellen Augen», но у нас адекватно это может быть передано только с привлечением славянизмов: «Ангел взирает светлыми / ясными очами». «Ангел смотрит светлыми глазами» – это выпадение из стиля. <…> «Ich liebe Dich» по отношению к Богу в немецком – вполне нормально. «Я люблю Тебя, Бог» по-русски – нестерпимо фальшиво. Здесь требуется что-то славянски-смягченное: «любовью простираюсь я к Тебе, мой Боже». Эти особенности переводчику нужно учитывать…» [Мещеринов URL].

Заключение

Таким образом, можно говорить не только о языковых трудностях перевода в паре немецкий – русский, но и о трудностях теологического характера, которые связаны с разным содержанием религиозных понятий, переводимых, как правило, эквивалентно. Это лишь некоторые из тех трудностей, которые предстоит преодолеть переводчику богословского, литургического или любого другого конфессионально окрашенного текста. Исследование трудностей перевода будет продолжено и, надеемся, позволит создать некую опорную базу для переводчика, используя которую он сможет минимизировать погрешности в использовании конфессионально обусловленных понятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Клочковский М. Проблема перевода и особенности фразеологии «Лютеровской Библии» // Начало. 1998. № 6. С. 156–165. [Klotchkovsky, M. (1998). Problema perevoda i osobennosti frazeologii “Luterovskoy Biblii” (The problem of translation and the peculiarities of phraseology in “Lutheran Bible”). Nachalo, 6, 156–165. (In Russ.)]. URL: slovo-bogoslova.ru.

Хрестоматия теолингвистики / ред. А. К. Гадомский, Ч. Лапич. Симферополь: Универсум, 2008. [Chrestomatia teolingvistiki (2008). A. K. Gadomsky, Ch. Lapich (Edit.). Simpheropol: Universum. (In Russ.)].

Хрестоматия теолингвистики / под ред. А. К. Гадомского, А. В. Ермошина, С. И. Кузьмина, Н. Г. Николаевой, С. И. Федотовой, В. Хлебды, О. В. Чевелы. Ульяновск: Мастер Студия, 2019. [Chrestomatia teolingvistiki (2019).

A. K. Gadomsky, A. V. Ermoshin, S. I. Kusmin, N. G. Nikolaeva, S. I. Fedotova, V. Chlebdi, O. V. Cheveli (eds.). Ulianovsk: Master Studia. (In Russ.)].

XI Международный студенческий научный форум Глобализация и идентичность. К 500-летию Реформации в Германии (1517–2017). Москва, 21–23 сентября 2015 г. / под ред. Г. Б. Ворониной, Г. Ершов М. : МГЛУ, 2016. [Voronina, G. B., Ershov, G. (eds.), XI International student scientific forum Globalisation and identity. To the 500-anniversary of the Reformation in Germany (1517–2017), Moscow, 21–23 September 2015. Moscow: MSLU. (In Russ.)].

УДК 81.371 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_218

А. Талески

аспирант, ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания
филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета
taleski87@yahoo.com

КОММУНИКАТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ЖЕСТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ В СРЕДЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В работе рассматриваются указательные (дейктические) жесты, используемые говорящим при коммуникации в виртуальной реальности. Цель работы – выявление типов указательных жестов, сложившихся при коммуникации в виртуальной реальности. Основная задача работы – показать особенности указательных жестов: определить долю их встречаемости при коммуникации в виртуальной реальности; продемонстрировать вариативность их использования в зависимости от гендера испытуемых; проследить связь указательных жестов и вербальных средств в сфере коммуникации в виртуальной реальности.

Ключевые слова: дейксис; указательные жесты; вербальные средства; виртуальная реальность; гендер.

A. Taleski

PhD Student, Assistant at the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Faculty of Philology
Perm State University
taleski87@yahoo.com

COMMUNICATIVE USE OF VARIOUS TYPES OF POINTING GESTURES IN A VIRTUAL REALITY ENVIRONMENT

The paper deals with pointing (deictic) gestures that are used by the speaker during communication in virtual reality. The purpose of the work is to identify the types of pointing gestures that have developed during communication in virtual reality. The main task of the work is to show the features of pointing gestures: to determine the proportion of their occurrence in communication in virtual reality; to demonstrate the variability of their use depending on the gender of the subjects; to trace the relationship between pointing gestures and verbal means in the field of communication in virtual reality.

Key words: deixis; pointing gestures; verbal means; virtual reality; gender.

Введение

Статья посвящена анализу типов указательных жестов (дейктиков) и их особенностей при коммуникации в виртуальной реальности (ВР).

Под термином «дейктик» понимаются языковые (лексические, морфологические и синтаксические средства) и неязыковые средства с указательной семантикой. Неязыковыми дейктиками могут быть взгляды, мимика, движения, жесты и др. Жесты в качестве неязыковых средств (дейктиков), как и языковые дейктики, определяют дейктическую систему [Гришина 2012; Levinson et al 2018].

Жесты являются предметом исследования жестикуляционной (мультимодальной) лингвистики, описывающей спонтанную жестикуляцию в ее связи с вербальной коммуникацией в целом [Федорова 2018].

В лингвистике нет единого определения того, какие именно движения входят в класс жестов. В Оксфордском словаре жест описывается как движение тела или любой его части, выражающее мысль или чувство. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова жест понимается более узко, как «телодвижение, особенно движение рукою, сопровождающее речь для усиления ее выразительности или заменяющее ее» [Толковый словарь русского языка URL]. По словам Ж.-Р. Ляпера, жесты – это динамические формы мыслительных представлений и невидимых когнитивных систем, которые совершаются в коммуникативном акте. Он определяет жест как «окно», через которое собеседник может заглянуть в сознание говорящего [Lapaire 2011].

Для определения того, является ли движение жестом или нет, по мнению некоторых ученых, нужно обратиться к его свойствам [Kendon 2004; Гришина 2017]. Так, А. Кендон приводит следующие признаки с целью выделения жестов из общего класса движений: осознанность, намеренность, информативность, контролируемость и лишенное значение [Kendon 2004].

А. Кендон указывает на значимость коммуникативности и преднамеренности у движений, но у некоторых жестов преднамеренность и коммуникативность не наблюдается. Движения, связанные с манипулированием предметами или одеждой, рассматривались как преднамеренные, однако они не определялись как управляемые каким-либо коммуникативным намерением. Движения, которые определяются как

«нервные» или «случайные», не рассматриваются как преднамеренные и считаются незначимыми, хотя указывают на настроение или на эмоциональное состояние говорящего [там же].

Е. А. Гришина, в отличие от А. Кендона, при изложении признаков жеста подчеркивает, что большинство жестов совершаются бессознательно и ненамеренно, даже тогда, когда человек совершает их осознанно и намеренно, за пределами сознания остаются основные свойства этих жестов. Что касается признака информативности, по мнению Е. А. Гришиной, «давать информацию может не только жест, и жест может не передавать информацию ввиду отсутствия воспринимающего» [Гришина 2017, с. 10]. К тому же, она добавляет, что при испытывании разных чувств говорящий может перестать контролировать свои жесты.

Е. А. Гришина выделила «смысл» в качестве основного элемента жеста, обусловив это отсутствием цели у определенных жестов, совершаемых говорящим. Она определила жест как двусторонний знак, который имеет означающее (движение) и означаемое (смысл) [там же, с. 11].

Г. Е. Крейдлин в своей теории о композиционности жеста отмечает, что жест состоит из набора значимых признаков [Крейдлин 2007]. В качестве признаков могут выступать: направление движения, траектория движения, выбор жестикулирующей руки, конфигурация ладони, ориентация ладони и др. Эти признаки являются наиболее исследованными на данном этапе жестикуляционной лингвистики [Гришина 2017, с. 24].

Одной из основных причин для роста интереса к исследованию жестов также является их взаимосвязь с речью. Жесты часто используются как выражения, чередующиеся с речью, и в то же время могут применяться одновременно с ней. А. Кендон подчеркивает, что в тех случаях, когда слушающие хотят полного понимания высказывания, им нельзя игнорировать жесты. В некоторых ситуациях, когда речь недоступна по определенным причинам, жест может сам по себе стать формой языка [Kendon 2004].

Ученые часто определяют жест во взаимоотношении с речью, точнее, как ее сопровождающую часть. С. Левинсон отмечает, что языковые указатели в коммуникативном акте могут сопровождаться неязыковыми [Levinson S. et al. 2018]. При этом жесты могут свидетельствовать о когнитивных процессах, могут сыграть уточняющую роль, тогда как локуторы сталкиваются с неопределенностью,

двусмысленностью, энантиосемичностью в высказываниях, и могут выразить смысл, который никаким другим языковым способом нельзя выразить [Гришина 2017].

Необходимость сопровождающей речи (могут ли жесты осуществляться без речи?) является одним из основных параметров жестов, вместе с наличием или отсутствием системных языковых черт в жестикуляции и степенью регулярности жеста. Эти параметры учитываются при классифицировании жестов [Kendon 1988; Гришина 2017].

Сегодня в лингвистике существуют разные классификации невербальных средств, которые зависят от их параметров, функций и семантики [Clark 2003]. При анализе невербальных средств в нашем исследовании мы опираемся на уже имеющиеся классификации жестов С. А. Григорьевой [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], Д. Макнейла [McNeill 1992] и А. О. Литвиненко [Литвиненко, Николаева, Кибрик 2017].

Материал и метод исследования

Исследование выполнено на материале эксперимента, проводимого в ВР-среде. В эксперименте использовались пять сцен (три – лично-ориентированные, две – пространственно-ориентированные), с помощью которых моделировались разные ситуации взаимодействия участников коммуникации – двух коммуникантов и референта. Схемы для создания сцен эксперимента в ВР взяты из работы А. А. Ростовцева-Попеля [Ростовцев-Попель 2009].

В эксперименте участвовали 24 русскоязычных испытуемых (12 мужчин и 12 женщин). Материалом для исследования послужили расшифровки видеозаписей. Видеозаписи велись посредством двух устройств: внутренней камеры, снимающей сцену, на которую смотрит информант ВР-шлеме, и внешней камеры, с помощью которой фиксировались жесты. Полный дизайн и аппаратура эксперимента представлены в работе [Талески 2020].

Записи внешней и внутренней камер были синхронизированы и объединены. Общий объем видеозаписей составил 2 ч. 35 мин. 4 сек. Синхронизация двух видеорядов позволила соотнести «внутреннее» (вербальное) поведение говорящего в ВР с его действиями в реальной ситуации, точнее, с действиями его тела (жесты, движение, мимика и др.). Это соотношение на стадии обработки материала представлялось в виде размеченных реплик:

[*болтает руками*] Дай, пожалуйста, бутылку ээм на дальнем столе (*указывает вперед указательным пальцем вытянутой прямо перед собой левой рукой, ладонью вниз*), квадратном, у стены, позади тебя (машет руками перед собой).

Разметка реплик осуществлялась в ИС «Семограф» [Belousov, Erofeeva, Leshchenko 2017]. Нами было проанализировано 725 реплик.

На основе анализа материала и на базе вышеупомянутых классификаций жестов создается собственная классификация неязыковых средств, состоящая из следующих подклассов жестов: симптоматические, ритмические, нейтральные (исходные) и коммуникативные, которые включают в себя изобразительные, этикетные, общекоммуникативные и указательные группы жестов. Указательные (дейктические) жесты являются предметом исследования в данной работе.

Ряд ученых считает указательные жесты самыми старыми в системе жестов всех языков [Brugmann 1904; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]. Прототипический указательный жест был описан С. Кита как «коммуникативное движение тела, которое проецирует вектор от части тела. Этот вектор указывает на определенное направление, местоположение или объект»[1] [Kita 2003, с. 1].

Указательные жесты могут сочетаться с каждой из дейктических форм и влиять на выбор дейктиков. Говорящий при указании, помимо рук и пальцев, использует также губы, брови, взгляд, движение глаз, подбородок, движения головы, боковой кивок головы и т. д. [Enfield 2001; Levinson et al. 2018]. Идеальная модельная система для изучения языкового употребления является системой, где единое слово и жест могут функционировать как полноценный указывающий акт со всеми сложностями общего внимания, задействованными в более сложных высказываниях [Clark, Schreuder, Buttrick 1983]. Жесты в качестве движений в пространстве непосредственно касаются темы дейксиса [Топоров 1994].

Вербальные и невербальные дейктики между собой непосредственно связаны по значению. Их функции – «указание на когнитивный центр системы координат (origo, здесь и сейчас говорящего), отношения между участниками процесса коммуникации, противопоставление элементов мира, находящихся близко / далеко, внутри / вне некоторого объема, определяемых через принадлежность говорящему или кому-то

[1] Зд. и далее перевод наш. – *А. Т.*

иному, т. е. своих/чужих и т. д.» [Макарцев 2017, с. 10–11]. В качестве основной функции дейктических жестов, по словам Д. Эфрона, выступает указание говорящего на некоторый референт или точку во времени или пространстве [Efron 1941].

Анализ материала

На основе анализа полученного материала был выявлен ряд типов указательных жестов. Это обусловлено использованием говорящим различных частей своего тела при указании. Так, в группе «Указательные» встречаются следующие типы: «указание ладонью», «указание руками», «указание пальцами», «указание головой» и «указание корпусом». Некоторые из типов указательных жестов содержат в себе определенные компоненты. В типе «указание ладонью» объединяются компоненты «ладонь вертикально», «ладонь вверх» и «ладонь вниз». Тип «указание руками» построен на компонентах «правая рука», «левая рука» и «обе руки». К типу «указание головой» относятся компоненты «голова» и «подбородок». Типы указательных жестов и их доля встречаемости визуально представлены в таблице 1.

Таблица 1

Типы жестов и их доля встречаемости

Группа	Типы	Компоненты	Общая доля	Доля муж.	Доля жен.
Указательные			0,610	0,594	0,625
	Указание ладонью		0,321	0,311	0,332
		Ладонь вертикально	0,164	0,186	0,142
		Ладонь вверх	0,130	0,097	0,162
		Ладонь вниз	0,028	0,028	0,027
	Указание руками		0,077	0,081	0,074
		Правая рука	0,028	0,022	0,033
		Левая рука	0,034	0,044	0,025
		Обе руки	0,015	0,014	0,016
	Указание пальцами		0,166	0,183	0,148
	Указание головой		0,043	0,019	0,066
		Голова	0,012	0,003	0,022
		Подбородок	0,030	0,017	0,044
	Указание корпусом		0,003	0,000	0,005

Что касается общей доли встречаемости, то из таблицы следует, что у указательных жестов она составляет 0,610 (см. табл. 1). Здесь самая большая доля отмечается у типа «указание ладонью» (0,321). Затем следуют «указание пальцами» (0,166), «указание руками» (0,077), «указание головой» (0,043) и «указание корпусом» (0,003).

Если посмотреть на компоненты внутри типов, то можно отметить, что испытуемые при указании ладонью чаще всего держали ее в вертикальном положении (0,164). Реже встречаются компоненты «ладонь вверх» (0,130) и «ладонь вниз» (0,028). Указание руками при коммуникации в ВР, прежде всего совершается левой рукой (0,034), а затем правой рукой (0,028) и обеими руками (0,015). В типе «указание головой» большую долю составляет компонент «подбородок» (0,030), меньшую – «голова» (0,012).

Относительно вариативности, в зависимости от гендерного фактора в группе жестов «Указательные», необходимо отметить наиболее частое использование типа «указание головой» у женщин (0,066). У мужчин эта доля заметно меньше (0,019). Несколько иначе обстоят дела с употреблением типа указательных жестов «указание пальцами»: их доля у мужчин составляет 0,183, а у женщин 0,149. Типы указателей «указание ладонью» и «указание руками» почти одинаково используются испытуемыми мужчинами и испытуемыми женщинами. Женщины в отличие от мужчин при коммуникации в ВР пользуются корпусом, указывая на референт или на локутора, например:

> Будьте добры, передайте мне эту бутылку (*наклоняется в сторону собеседника, указывая: левая рука за спиной, трогает одежду*).

Что касается разновидности употребления компонентов в зависимости от фактора гендера у испытуемых, то стоит подчеркнуть, что при указании в ВР вертикальная конфигурация ладони у мужчин встречается чаще (0,186), чем у женщин (0,142). С другой стороны, женщины, в отличие от мужчин, указывают ладонью вверх (жен. 0,162 против муж. 0,097). Кроме того, женщины при указании руками чаще мужчин используют правую руку (жен. 0,033 против муж. 0,022), а мужчины в основном используют левую руку (муж. 0,044 против жен. 0,025). У женщин при указании отмечается более высокая доля использования головы и подбородка (жен. 0,022 и 0,044 против муж. 0,003 и 0,017 соответственно).

Взаимосвязь типов указательных жестов с вербальными средствами представлена визуально в виде интерактивного графа в программе SciVi (*https://scivi.semograph.com*). Ниже приводится фрагмент графа, на котором изображена самая сильная связь типа указательных жестов «указание ладонью» с вербальными средствами (см. рис. 1).

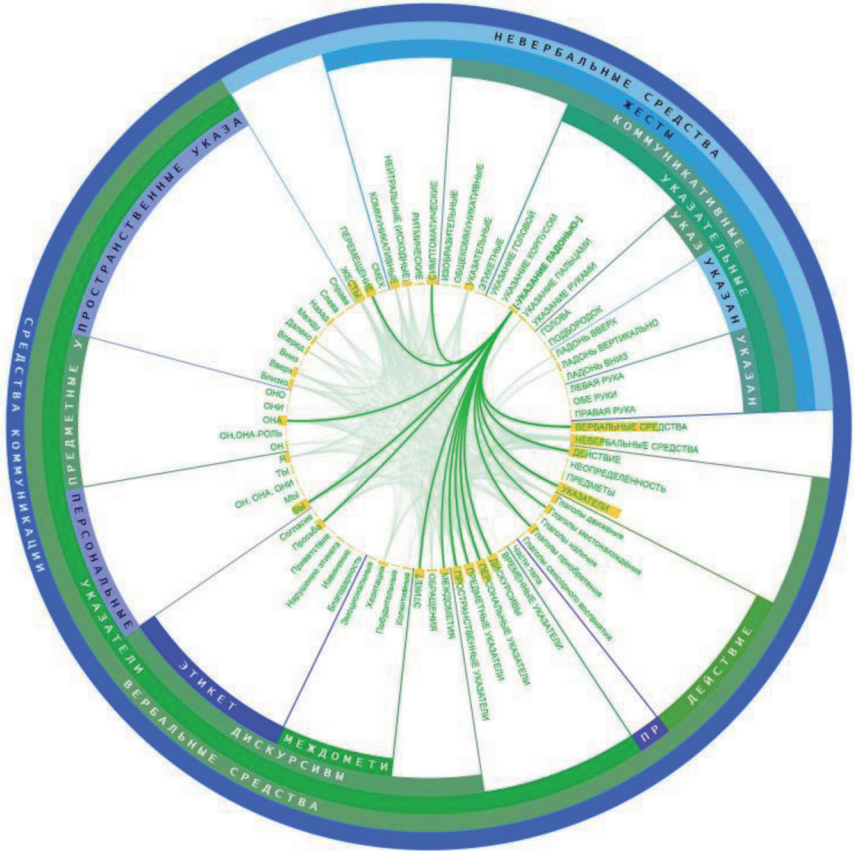

Рис. 1. Связь типа «указание ладонью» с вербальными средствами

Из графа следует, что самая сильная связь установлена между типом «указание ладонью» и персональным указателем *вы*. Например:

Рядом с вами бутылка (*указывает прямо перед собой открытой ладонью вытянутой правой руки: вертикальное положение ладони*),

а затем следуют глаголы приобретения и предметный указатель *она*. Например:

> Бутылка, возьмите ее (*указывает прямо перед собой открытой ладонью вытянутой левой руки: вертикальное положение ладони*).

Тип «указание руками» чаще всего коррелирует с персональным указателем *вы*, далее с предметным указателем *она*, вербальным средством со значением «просьба» и глаголами приобретения. Например:

> Бутылка снова передо мной, слева от меня, возьмите пожалуйста. Будьте добры, заберите бутылку (*указывает перед собой чуть влево вытянутой левой рукой*).

При указании пальцами испытуемые в основном использовали персональные указатели *вы*, вербальные средства со значением «просьба», предметный указатель *она* и глаголы движения.

У типа «указание головой» отмечается сильная связь с персональным указателем *вы*, вербальным средством со значением «просьба», предметным указателем *она* и с персональным указателем ***я***. Что касается типа «указание корпусом», то его самая сильная связь установлена с пространственными дейктиками со значением «близко», а затем с персональным указателем *вы* и вербальным средством со значением «просьба».

Говоря о прочности связи между типами указательных жестов и вербальными средствами в зависимости от гендерного фактора испытуемых, стоит подчеркнуть, что при указании ладонью мужчины и женщины чаще всего используют персональный указатель *вы*. При этом выявлены отличия при употреблении менее частотных дейктиков мужчинами и женщинами. У мужчин эти дейктики расположены в следующей последовательности: глаголы приобретения, предметный указатель *она*. У женщин встречаются те же самые указатели в обратном порядке.

Что касается типа «указание руками», то можно заметить, что и у мужчин, и у женщин самым частотным дейктиком является персональный указатель *вы*. Второй по частотности – предметный указатель *она*, он также совпадает у мужчин и женщин. В то же время наблюдается различие в третьем по частотности дейктике: у мужчин это глаголы приобретения, а у женщин – глаголы местонахождения.

Подобным образом устанавливаются отношения с дейктиками типа «указание пальцами». Так, мужчины и женщины при указании пальцами чаще всего используют персональный указатель *вы*. Второй по частотности дейктик также частично совпадает: и мужчины, и женщины используют вербальное средство со значением «просьба», но у мужчин выявлено также употребление глаголов движения. Третьи по частотности дейктики у мужчин и женщин полностью различны – у мужчин это вербальные средства с семантикой обращения, а женщины используют глаголы приобретения.

При рассмотрении связей типа «указание головой» с дейктиками выявляются определенные отличия. Мужчины при указании головой чаще всего используют междометия со значением хезитации. Женщины при этом употребляют персональный указатель *вы*, который у мужчин является вторым по частотности. У женщин на втором месте по частотности – вербальные средства со значением «просьба». Третий по частотности дейктик – предметный указатель *она* – у мужчин и женщин совпадает.

У типа указательного жеста «указание корпусом» не отмечается вариативности в зависимости от гендерного признака испытуемых, поскольку этот жест встречается только в коммуникативном акте женщин.

Заключение

Полученные при анализе материала результаты свидетельствуют о том, что испытуемые при коммуникации в ВР регулярно используют указательные жесты. В качестве типов указательных жестов, которые встречаются в реакциях испытуемых, выступают «указание пальцами», «указание корпусом», «указание ладонью», «указание руками» и «указание головой». Последние три типа указательных жестов содержат в себе определенные компоненты: тип «указание ладонью» – «ладонь вертикально», «ладонь вверх» и «ладонь вниз»; тип «указание руками» – «правая рука», «левая рука» и «обе руки»; тип «указание головой» построен на компонентах «голова» и «подбородок».

Что касается доли встречаемости типов указательных жестов, то стоит отметить, что она непостоянная. Испытуемые чаще всего при указании пользовались ладонью, а затем пальцами, руками, головой и корпусом. При этом, тип «указание корпусом» наблюдается только

в двух реакциях у испытуемых женщин. Вариативность в использовании указательных жестов в зависимости от гендерного фактора обнаруживается и в типах «указание головой» и «указание пальцами».

Говоря о взаимосвязи типов указательных жестов с вербальными средствами, необходимо отметить, что самая сильная связь устанавливается между типами «указание пальцами», «указание ладонью», «указание руками», «указание головой», с одной стороны, и персональным указателем *вы* – с другой. К тому же, при указании корпусом испытуемые женщины прежде всего использовали пространственные указатели с семантикой «близко». Отличия обнаруживаются в применении менее частотных вербальных дейктиков с типами указательных жестов.

Относительно связи между типами указательных жестов и вербальными средствами в зависимости от гендерного фактора испытуемых, стоит подчеркнуть, что и мужчины, и женщины чаще всего используют персональный указатель *вы* при указании ладонью, пальцами и руками. При этом выявлено отличие при употреблении дейктиков мужчинами и женщинами с типом «указание головой». Кроме того, выявлены отличия между связями типов указательных жестов с менее частотными вербальными дейктиками в зависимости от гендерного фактора испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Григорьева С. А., Грирогьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Язык. Семиотика. Культура. М. ; Вена : Языки русской культуры : Венский славистический альманах. 2001 [Grigor'eva, S. A., Grirog'ev N. V., Krejdlin G. E. (2001). Slovar' yazyka russkikh zhestov (Dictionary of Russian Sign Language. Language. Semiotics. Culture). Moscow ; Wien: YAzyki slavyanskoi kul'tury; Wiener slawistischer Almanach publ. (In Russ.)].

Гришина Е. А. Здесь и тут: корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23. С. 39–71. [Grishina, E. A. (2012). Zdes' i tut: korpusnoj i zhestikulyatsionnyj analiz polnykh sinonimov. (Zdes' vs. tut 'here': Corporal and Gestural Analysis of Complete Synonyms). Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii, 1(23), 39–71. (In Russ.)].

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017. [Grishina, E. A. (2017). Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoj tochki zreniya (korpusnye

issledovaniya) (Russian gestures from a linguistic perspective. Corpus-based studies). Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russ.)].

Крейдлин Г. Е. Кинесика и проблемы пожелания. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Kreidlin, G. E. (2007). Kinesika i problem. (Kinesics and the problems of wishes). Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russ.)].

Литвиненко А. О., Николаева Ю. В., Кибрик А. А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», 31 мая – 4 июня, Москва 2017. М. : Изд-во РГГУ, 2017. Вып. 16 (23). С. 271–286. [Litvinenko, A. O., Nikolaeva, Yu. V., Kibrik, A. A. (2017). Annotirovanie russkikh manual'nykh zhestov: teoreticheskie i prakticheskie voprosy (Annotation of Russian manual gestures: Theoretical and practical issues). Computational linguistics and intellectual technologies, 16(23), 271–286). Moscow: RGGU. (In Russ.)].

Макарцев М. М. Языковые жесты, qualia и синестезия в балканской модели мира // Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты. Памяти Т. М. Николаевой. М. : Институт славяноведения РАН, 2017. [Makartsev, M. M. (2017). Yazykovye zhesty, qualia i sinesteziya v balkanskoj modeli mira (Language gestures, qualia and the synaesthesia of the codes in the model of the world). Balkan deixis and Balkan (language) gestures. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].

Ростовцев-Попель А. А. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34. [Rostovtsev-Popel', A. A. (2009). Tipologiya demonstrativov: srednie deyktiki (Typology of demonstrations: Average deictics). Voprosy yazykoznaniya, 2, 22–34. (In Russ.)].

Талески А. Поведение говорящего в виртуальной реальности (методика эксперимента и описание предварительных результатов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. вып. 4. Т. 12. С. 54–67. [Taleski, A. (2020). Povedenie govoryashhego v virtual'noj real'nosti (metodika ehksperimenta i opisanie predvaritel'nykh rezul'tatov) (Speaker's behavior in virtual reality. Experimental methodology and description of preliminary results). Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 4, 54–67. Vol. 12. (In Russ.)].

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. 2012. [Ushakov, D. N. (ed.) (2012). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka (Explanatory dictionary of the Russian language). (In Russ.)]. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/397314.html (дата обращения: 16.12.2020).

Топоров В. Н. О мифопоэтическом пространстве // Studi slavi. 1994. № 2. С. 281–299. [Toporov, V. N. (1994). O mifopoehticheskom prostranstve (About mythopoetic space). Studi slavi, 2, 281–299. (In Russ.)].

Федорова О. В. О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения (к выходу монографии Е. А. Гришиной) // Вопросы языкознания, 2018. № 5. С. 114–123. [Fedorova, O. V. (2018). O russkoj zhestikulyatsii s lingvisticheskoj tochki zreniya (k vykhodu monografii E. A. Grishinoj) (Russian gestures from a linguistic perspective. Dedicated to the publication of Elena A. Grishina's monograph). Voprosy yazykoznaniya, 5, 114–123. (In Russ.)].

Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y. «Semograph» Information System as a Framework for Network-Based Science and Education // Smart Innovation, Systems and Technologies. Smart Education and e-Learning. 2017. P. 263–272.

Brugmann K. Die Demonstrativa Pronomina der indogermanischen Sprachen. Leipzig : Gruyter, 1904.

Clark H. H. Pointing and Placing / Kita S. (ed.) // Pointing: Where language, culture and cognition meet. Mahwah (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 2003. P. 243–268.

Clark H. H., Schreuder R., Buttrick S. Common ground and the under- standing of demonstrative reference // Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour. 1983. # 22. P. 245–258.

Efron D. Gesture and Environment: A Tentative Study of Some of the Spatio-temporal and Linguistic Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Italians in New York City, Living under Similar as Well as Different Environmental Conditions. New York : King's Crown Press, 1941.

Enfield N. J. 'Lip-pointing': A discussion of form and function with reference to data from Laos // Gesture. 2001. № 2. V. 1. P. 185–212.

Kendon A. How gestures can become like words // Poyatos F. (ed.). Cross-cultural perspectives in nonverbal communication.Toronto, 1988. P. 131–141.

Kendon A. Gesture: Visible action as utterance. Cambridge, 2004.

Kita S. Interplay of Gaze, Hand, Torso Orientation, and Language in Pointing / Kita S. (ed.) // Pointing: Where language, culture and cognition meet. Mahwah (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, 2003. P. 307–328.

Lapaire J.-R. Grammar, Gesture and Cognition: Insights from Multimodal Utterances and Applications for Gesture Analysis // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. 2011. № 52. С. 87–107.

Levinson S. et al. Demonstratives in cross-linguistic perspective / S. Levinson, C. Sarah, D. Michael, E. Nick, M. Sérgio, and W. David (eds.). Cambridge : Cambridge University Press. 2018.

McNeill D. Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago : University of Chicago Press, 1992.

УДК 811.112.2 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_231

М. В. Харламова

кандидат педагогических наук, доцент
доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
kharlamariya@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ: АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются культурные различия в реализации немецкими и русскими авторами требований объективности в научных статьях. На основе анализа текстов научных статей были определены основные грамматические средства выражения объективности в академическом письме на русском и немецком языках, выявлены случаи нарушения требований объективности в немецких статьях и обозначены факторы, обусловливающие данные нарушения. Учет данных факторов должен способствовать эффективной межкультурной коммуникации в научной сфере на немецком языке.

Ключевые слова: научный стиль; научная статья; объективность; субъективность; межкультурная коммуникация.

M. V. Kharlamova

PhD (Pedagogy), Prof. Assoc.
Associate Professor at the Department of Grammar and History of the German Language
Faculty of German Language
Moscow State Linguistic University
kharlamariya@yandex.ru

EXPRESSION OF OBJECTIVITY AND SUBJECTIVITY IN GERMAN AND RUSSIAN SCIENTIFIC ARTICLES: ANALYSIS OF GRAMMATIC MEANS

The article is devoted to cultural differences in the observance by German and Russian authors of the requirement of objectivity in scientific articles. Based on the analysis of the texts of scientific articles, the main grammatical means of expressing objectivity in academic writing in Russian and German were determined, cases of violation of the requirement of objectivity in German articles were identified, and the factors causing these violations were identified. Taking these factors into account should contribute to effective intercultural communication in the scientific field in German.

Key words: scientific style; research article; objectivity; subjectivity; intercultural communication.

Введение

Согласно современным целям обучения иностранному языку в языковых и неязыковых вузах (А. В. Анненкова, Л. М. Матвиенко, Е. С. Патарая, С. Г. Тер-Минасова и др.), готовность и способность содействовать налаживанию межкультурных и научных связей, реализовывать научную деятельность на международном уровне являются важным компонентом профессиональной компетенции специалиста в любой области. Участие в международном научном сообществе требует наличие сформированной академической коммуникативной компетенции, особенно в письменной сфере коммуникации [Swales, 2004; Щемелева 2013]. Умение написать статью, доклад, монографию и т. п. на иностранном языке предполагает знание лексических и грамматических особенностей иностранного научного текста, а также владение дискурсивными, риторическими и прагматическими стратегиями, типичными для академического письма на данном языке.

В научных традициях академического письма разных стран, несмотря на наличие общепринятых требований к научному стилю, можно выделить культурно обусловленные различия. Так, требование объективности и анонимности нарушается в статьях, написанных европейскими, в частности, немецкими авторами. Немецкие ученые используют прямые ссылки на себя как авторов, нарушая стандарт, и конструкции, их заменяющие, что соответствует требованиям, предъявляемым к статьям. Проблема соотношения объективности и субъективности в научных статьях, а именно степень выражения авторской позиции и самоупоминания, является актуальной для немецкого научного сообщества, о чем свидетельствуют не только дискуссии в специальной литературе, но и сами тексты научных статей немецких авторов. Знание современных тенденций в национальной традиции академического письма на немецком языке и обусловливающих их факторов, а также грамматических средств для выражения объективности и субъективности должно способствовать эффективной межкультурной коммуникации в научной сфере на данном языке.

Цель статьи – проанализировать соотношение объективности и субъективности, а именно степень представления авторской позиции и самоупоминания, в научных статьях по лингвистике на немецком и русском языках и выявить наиболее частотные грамматические средства для их выражения.

Принцип объективности в научном стиле и грамматические средства его реализации в русском и немецком языках

Научному языку присущ ряд общих особенностей, которые отличают данный стиль от других функциональных стилей. Данные черты проявляются независимо от характера наук (естественных, точных, гуманитарных) и от жанра научного текста (доклад, учебное пособие, статья, монография и др.). Как правило, к данным особенностям относят логическую последовательность изложения, упорядоченную систему связи между частями высказывания, точность и сжатость выражения мыслей, однозначность приводимых данных, объективность.

Степень наличия в том или ином научном тексте обозначенных характеристик зависит от ряда факторов. Первым определяющим моментом является уровень научности. В современном русском языке различают четыре уровня, под которыми понимаются виды научного стиля [Мосензов 2014]. Наименьшую степень научности имеют научно-популярные тексты, так как даже при условии сохранения многих терминов и четкости изложения они значительно упрощены для восприятия и могут содержать экспрессивные и эмоциональные формы речи. Учебно-научный текст имеет более высокую степень научности, содержит профессиональную терминологию, строгие классификации, но отличается упрощенным в некотором роде характером. Адресатами собственно научных текстов являются ученые и специалисты в определенной сфере. К обязательным характеристикам данных текстов относят не только использование профессиональной терминологии, но и безэмоциональность. Техническо-научные тексты обладают самой высокой степенью научности и предназначены для специалистов узкого профиля. Приведенная классификация отвечает ступенчатому описанию уровня научности текста, предложенному Л. Гофманом [Hoffmann 1985]. Самый высокий уровень **A** соответствует языку теоретических концептуальных наук. На следующей ступени **B** находится язык экспериментальной науки, на ступени **C** – язык повседневной науки (научно-популярный стиль). Самый низкий уровень **D** отражает язык материальной продукции (описание, инструкция, указание по эксплуатации).

Ко второму фактору, обусловливающему особенности научного языка текста, относится принадлежность текста к определенной науке и непосредственно его вид. Математический текст неоспоримо будет

отличаться от филологического и по содержанию, и по структуре, и по оформлению.

Третьим фактором является культура, в которой был создан данный текст. С одной стороны, научный язык обусловливается общими нормами и требованиями, предъявляемыми к научному стилю, с другой – традициями и нормами, принятыми в той или иной культуре. Помимо индивидуального стиля письма, который накладывается на научный стиль, учитываются и стандарты, которые в каждом языковом обществе разные [Reichertz 2015; Schönherr 2019].

Так, к научной статье, которую большинство ученых как жанр научного стиля относят к самому высокому уровню научности, помимо логичности и четкости изложения, высокой плотности информации, выдвигается также требование соблюдения анонимности, которое выражается в принципе объективности.

Объективность трактуется большинством ученых как свобода исследователя от стереотипов и предрассудков, от политических убеждений и мировоззрений, непредвзятость по отношению к анализируемому или описываемому объекту [Achterberg 2015]. Отсутствие личностного взгляда при передаче смысла текста, безличная форма речи также относятся к показателям объективности [Мосензов 2014; Щемелева 2013].

Анализ понимания термина объективности в зарубежных и российских источниках позволяет сделать вывод, что объективность рассматривается с разных позиций. Зарубежные исследователи применяют объективность прежде всего непосредственно к самому процессу исследования, и во вторую очередь к его описанию: к необходимости приведения достаточного количества объективных аргументов, подтверждающих результаты исследования в противовес субъективным обоснованиям, основанным на предположениях, чувствах и неподтвержденных убеждениях. В российской науке объективность является характеристикой научного стиля речи и ограничивает присутствие автора в тексте, а именно «личностного фактора», что, в свою очередь, является условием для реализации других характеристик научного стиля: отвлеченности, обобщенности, точности изложения [Щемелева 2013]. Объективность самого исследования реализуется в доказательстве изложения [Мосензов 2014].

Требование объективности вне зависимости от причин введения данного принципа нашло свое выражение в отечественной и зарубежной лингвистике в запретах, предложенных Х. Вайнрихом: запрет на

использование «я», запрет на «рассказывание», на «использование метафор» [Weinrich 1990]. Запрет на использование «я» предполагает соблюдение анонимности и объективности излагаемой информации, что должно способствовать максимально обоснованному и независимому от временных, личностных и других факторов представлению результатов исследования [Кострова 2005; Мосензов 2014; Щемелева 2013; Maizner 2020; Neffe 2020; Schönherr 2019; Achterberg 2015; Reichertz 2015].

В немецком языке к нежелательным для использования в научных работах словам относятся также личные местоимения «wir» («мы») и «Sie» («Вы»), неопределенно-личное местоимение «man» [Maizner 2020]. Местоимение «wir» эксплицирует присутствие коллектива авторов в тексте, «Sie» как прямое обращение к читателю нарушает отвлеченность и объективность изложения информации, так как способствует созданию доверительности между автором и читателями. Местоимение «man» считается неточным, а соответственно ненаучным словом, так как предполагает наличие некоего субъекта в исследовании, но неизвестно какого. Употребление местоимения «я» также недопустимо с позиции русской научной этики, но достаточно активно используется местоимение «мы», даже если подразумевается лишь один автор текста.

Грамматические средства выражения объективности в научных статьях на русском и немецком языках имеют единую цель – обезличивание повествования.

Анализ научных статей русских авторов выявил ряд средств, служащих «скромной» самопрезентации:

– личные местоимения «мы» и «вы» в соответствии с характером отвлеченности текста [Мосензов 2014]. Так, данные местоимения могут использоваться для конкретизации повествования и обращения:

(1) чтобы ответить на эти вопросы, мы решили проанализировать образцы научных текстов [Кузнецова, Сучкова 2015, с. 144];

(2) мы решили начать обсуждение вопросов [там же, с. 143];

(3) если вы внимательно прочитаете данный текст [там же, с. 143];

– объекты в качестве подлежащих и рефлексивные глаголы:

(4) нормой коммуникации в научной сфере считалась «обезличенность» текста, поскольку одной из главных черт академического

дискурса исследователями называлась объективность [Щемелева 2013, с. 144];

(5) осуществляется анализ проблемы исследования в целом и определение темы исследования; для изучения предлагается фрагмент текста [Новосёлов, Новосёлова 2017, с. 214];

– безличные предложения:

(6) недостаточно знать только лексические или грамматические особенности;необходимо также иметь представление [Щемелева 2013, с. 143];

(7) тудентам предлагается ознакомиться с алгоритмом написания аннотации; уделяется внимание различным типам аннотаций [Новосёлов, Новосёлова 2017, с. 216].

К средствам выражения авторской позиции в немецком языке относятся преимущественно пассивные и заменяющие пассив конструкции. Проведенный анализ (на основе случайной выборки) научных статей немецких авторов по лингвистике позволил привести далее средства в соответствии с частотностью их использования:

– lassen + sich + Infinitiv:

(8) in dem sich geistliche Spiele vor der Zeit des Theaters verorten lassen; es lassen sich sicherlich Zweifel an dieser Geschichte anmelden;Dispositive lassen sich nicht restlos und widerspruchsfrei totalisieren [Schmidt 2020, c. 417–418];

(9) die sich letztlich alle mehr oder weniger auf das Bourdieu'sche Habitus-Konstrukt zurückführen lassen; wie lassen sich diese enormen Unterschiede erklären [Steinig 2020, c. 48];

(10) die Bedeutung der Praxis und des Kontexts für den Akt des Vergleichens lässt sich bereits an einer seiner kleinsten sprachlich-rhetorischen Formen beobachten [Wischmann 2019, c. 519];

(11) anhand der Beschreibung des Mapping-Prozesses lässt sich ermessen [там же, c. 523];

(12) im Anschluss an Linke lässt sich Konversation als soziale Praktik beschreiben… Negativ gewendet, lassen sich diese Gesprächspraktiken als … werten [Könning 2020, c. 73];

– пассив (в соединении с глаголами *sollen*, *müssen*):

(13) das Dispositiv selbst ist das Netz, das zwischen diesen Elementen geknüpft werden kann [Schmidt 2020, c. 420];

(14) anders als bei Gumbrecht, müsste hierfür nicht der Theaterbegriff, sondern das Dispositivkonzept geschärft und bestimmt werden [там же, с. 422];

(15) mit dem anschaulich gezeigt werden kann [Steinig 2020, с. 67];

(16) es sollen einige begriffliche Überlegungen vorangestellt werden [Könning 2020, с. 73];

(17) kann bezweifelt werden [там же, с. 76];

– sein + zu Infinitiv:

(18) eine Re-Theatralisierung, die… als Rebellion gegen seine Disziplinierungsgeschichte zu verstehen ist [Schmidt 2020, с. 418];

(19) abschließend ist festzuhalten [Ackermann, Bleumer 2020, с. 371];

(20) diese ist mit zunehmendem Alter und einem Höhepunkt im siebten und achten Schuljahr zu beobachten [Könning 2020, с. 75];

– Kopula + прилагательные на -*bar* (sind… -bar):

(21) die konkreten Strategien dieser Arbeit am Selbst sind in einer Vielzahl von geistlichen Übungen fassbar; wenn die hier skizzierten Überlegungen brauchbar sind [Schmidt 2020, с. 428];

(22) dass sich unter diesen rigiden kommunikativen Bedingungen produktive bildungssprachliche Kompetenzen entwickeln können, ist nur schwer vorstellbar [Steinig 2020, с. 57].

Все приведенные средства предполагают использование объекта в качестве подлежащего, что является распространенным и в русском языке. При этом в ряде примеров наблюдается комбинирование указанных грамматических средств с другими, например, в примере (12) конструкция lassen + sich + Infinitiv используется в предложении с деепричастным оборотом (Partizipialsatz), в примере (11) дополнительно используется номинализация.

Выражение субъективности в научных статьях на русском и немецком языках

Во многих проанализированных статьях немецких авторов наряду с использованием грамматических средств выражения объективности были обнаружены и средства, выражающие субъективную модальность:

– личное местоимение „ich“:

(23) ich schließe mich hier also Walter Haug an [Schmidt 2020, с. 424];

(24) dazu eine mir berichtete Begebenheit [Steinig 2020, c. 50];

(25) ich werde später dazu einen Vorschlag machen [Steinig 2020, c. 62];

(26) stattdessen konzentriere ich mich auf die von Brandt dargelegte Bedeutungsgenerierung [Wischmann 2019, c. 520];

(27) solange das nicht der Fall ist, halte ich es für legitim [Graefen 2004, c. 294];

(28) ich ergänze, dass das nur geht bei geeigneten Verben [там же, c. 303];

(29) meine Überlegungen… muss ich mit einem Geständnis beginnen: Ich weiß nicht wirklich, was das ist; da ich die Maxime… für maßlos überschätzt halte [Reichertz 2015];

– модальные глаголы в форме Konjunktiv:

(30) könnte die Frage nach dem Dispositiv ein möglicher Weg sein [Schmidt 2020, c. 420];

(31) anders als bei Gumbrecht, müsste hierfür nicht der Theaterbegriff, sondern das Dispositivkonzept geschärft und bestimmt werden [там же, c. 422];

(32) ein Nebentext, der den Aufbau eines hölzernen Bühnenapparats beschreibt, mag ein Spezifikum der Gattung Spiel sein [там же, c. 428];

(33) die standardsprachlich korrekte Verwendung des Genitivs… könnte darauf hinweisen; die jugendtypisch-umgangssprachliche Lexik… dürfte den vergemeinschaftenden Effekt hier noch verstärken [Könning 2020, c. 79].

Использование форм Konjunktiv Präteritum глагола *können* в примерах (30) и (33) выражает ирреальную возможность, которую автор допускает с определенной степенью уверенности, форма глагола *müssen* в примере (31) – настойчивую рекомендацию автора, формы глаголов *mögen* и *dürfen* в (32) и (33) обозначают предположение автора, причем в (33) данное предположение имеет максимальную степень неуверенности.

В России использование в научном языке местоимения «я» и других грамматических средств, выражающих субъективность, не принимается и не обсуждается. Это подтверждают результаты анализа научных статей российских авторов на русском языке [Щемелева 2013]. Однако в западной лингвистике, в частности среди немецких ученых, происходят активные дискуссии относительно возможности позиционирования себя в тексте как автора и степени выражения субъективности.

Провозглашенный в 1990-х годах принцип объективности в научном языке и связанные с ним запреты находят постепенно всё больше противников среди немецких специалистов. Так, лингвист Т. Штайнхофф соглашается с требованием объективности и анонимности, объясняя безличный способ выражения как форму вежливости, которая препятствует возникновению излишней интимности по отношению к читателю и придает информации больший вес. Однако он отмечает в то же время парадоксальную ситуацию: с одной стороны, от автора требуют активного проявления своей позиции, с другой – он постоянно должен находится «в тени» [Steinhoff 2007, с. 89]. Большинство современных авторов заявляет о невозможности полного исключения субъективности из науки. Но, как уже было отмечено ранее, объективность и субъективность рассматриваются прежде всего применительно к роли и позиции субъекта в исследовании. И в данном случае под субъективностью понимается познавательный интерес ученого к предмету исследования [Achterberg 2015], внутренняя эмоциональная сила, мотивирующая исследователя [Reichertz 2015], авторское восприятие проблемы, обусловливающее выбор подхода к исследованию, методов и доминант [Schönherr 2019]. Психологическое содержание субъективности должно, по мнению этих авторов, находить выражение в языке. Научная статья, как и любой текст, имеет риторический характер, т. е. выполняет не только информирующую функцию, но и имеет целью воздействовать на потенциального читателя. В задачи научной статьи, таким образом, входят информирование и убеждение читателя [там же]. При этом убедительный характер текста определяется не столько его содержанием, сколько взаимоотношениями, возникающими между автором и читателем. Поэтому, по мнению исследователя, чем больше воздействия хочет оказать автор на реципиента, тем больше высказываний субъективной модальности он использует. Лингвист Г. Грэфен также допускает выражение субъективности в научном языке и обосновывает это тем, что научная статья, помимо информирования читателей, должна вызывать ответную реакцию, например, дискуссию [там же]. Соответственно статья должна содержать не только аргументы, но и оценочные суждения, выражать отношение к чужим суждениям и аргументам. Также обоснованием нарушения принципа объективности может служить высокая конкуренция на рынке научных публикаций и, как следствие, желание авторов быть услышанными в процессе того, как

они четко обозначают свою позицию, отличную от позиции других ученых в конкретной области исследования, т. е. показывают собственное «я» [Щемелева 2013]. В связи с вышесказанным немецкие специалисты допускают использование средств субъективной модальности:

– при выражении собственной оценки представленной проблемы исследования;

– при оценивании обсуждаемых результатов исследований, как правило, во внутритекстовых ссылках;

– для усиления собственной аргументации или ослабления чужих утверждений.

Так, в приведенных выше примерах (23) – (29) личное местоимение «я» используется при выражении собственных оценок, а также при описании процессуальной стороны исследования для акцентирования внимания на проведенных автором мероприятиях. Субъективность присутствует часто в предисловии и в так называемых отступлениях от темы и метакоммуникативных высказываниях, которые являются типичными для статьи в немецком языке и ориентируют читателя в тексте, как в его структуре, так и в описании проведенного исследования. Ориентация на читателя обусловливает оформление данных элементов статьи в виде диалога и является причиной активного использования форм первого лица, которые способствуют созданию доверительной атмосферы единения с читателем. Для других культур данные структурные компоненты нетипичны, и статьи содержат, как правило, только изложение результатов исследования, тезисы и их аргументирование.

Более глубокие причины различного отношения русских и немецких ученых к объективности и субъективности мы видим в различиях в эмоциональной предрасположенности, национально-этнической ментальности, и – шире – этническом сознании. Так, для русских ученых характерна эстетичность и скромность [Лабашук 2004], и это служит одной из причин выбора местоимения «мы» для обозначения даже одного автора. В то же время О. А. Кострова, исследующая проблемы межкультурной научной коммуникации, видит причину имплицитного «ухода» русских авторов в «тень» в присущем русским коллективистском сознании, которое нередко побуждает ученых работать в рамках определенной школы. Данное мнение поддерживают также и другие ученые, которые трактуют избегание местоимения «я» авторами, прежде всего восточноевропейских стран, как следствие существовавшего в этих странах до конца 1980-х годов

социалистического строя. Данный период обусловил тенденцию безличностного выражения.

Нарушения принципа объективности в научном стиле не только немецкого, но и других европейских языков, лингвист Г. Грэфен объясняет влиянием эпохи Просвещения, когда письмо стало средством самовыражения и передачи внутреннего состояния: чувств, воспоминаний, восприятий, фантазий, мнений и прежде всего идей [Graefen 1997]. Западные ученые, воспитанные в духе индивидуалистского сознания, стараются посредством субъективных высказываний подчеркнуть уникальность собственной концепции и привести более убедительные аргументы в свою пользу [Кострова 2005].

Заключение

Анализ теоретической литературы позволил сделать вывод, что научная статья и в немецком, и в российском научном сообществе относится к высокому уровню научности и как жанр научного стиля характеризуется не только логической последовательностью изложения, точностью и сжатостью выражения мыслей, но и анонимностью, выраженной в принципе объективности. Реализация обозначенного принципа имеет целью максимально обоснованное и независимое от временных, личностных и других факторов представление результатов исследования. Выявленные в ходе исследования грамматические средства выражения объективности в научных статьях на русском и немецком языках имеют единую цель – обезличивание повествования. Данные средства представляют собой преимущественно номинальные, пассивные или заменяющие пассив конструкции, в которых отсутствует местоимение «я» и которые способствуют фокусированию внимания реципиента на описываемом объекте. В то же время было установлено, что научный язык обусловливается, с одной стороны, общими нормами и требованиями, предъявляемыми к научному стилю, с другой – традициями и нормами, сложившихся в именно данном языковом сообществе. Так, в ряде случаев немецкими авторами нарушается принцип объективности. При этом данные нарушения носят не фрагментарный и не индивидуальный характер, а отражают современную тенденцию в немецком научном академическом письме – отказ от категоричного запрета «я» и запрета использования средств, выражающих субъективную авторскую позицию. Данная тенденция является следствием

активной дискуссии в немецкоязычном научном сообществе, в которой большинство современных авторов выступает против исключения субъективности из научного языка и за возможность более явного позиционирования в статьях себя как авторов. В качестве обоснований выдвигаются психологическое содержание субъективности как внутреннего мотиватора проведения научных исследований, риторический характер научной статьи и, соответственно, желание придать тексту более убедительный или дискуссионный характер. Однако более глубокая причина обозначенной тенденции видится нам в особенностях национально-этнической ментальности, на формирование которой, согласимся с другими специалистами, занимающимися проблемами межкультурной научной коммуникации, оказали влияние исторические и социокультурные процессы становления нации. Это положение объясняет эмоциональную предрасположенность немецких авторов, их желание выразить субъективное отношение к исследуемому объекту, подчеркнуть уникальность собственной концепции, в то время как для российских авторов характерно безличностное изложение материала, которое рассматривается ими как сам собой разумеющийся и неоспоримый критерий научной статьи.

Рассмотренные особенности научного немецкого языка свидетельствуют о необходимости учета культурной составляющей при реализации межкультурной коммуникации в научной сфере на немецком языке, в частности, при написании статей на данном языке и при их переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кострова О. А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Воронеж: Воронежский гос. ун-т., 2005. С. 252–262. [Kostrova, O.A. (2005). Diskursivnyye tabu v mezhkul'turnoy nauchnoy kommunikatsii (Discursive taboos in intercultural scientific communication). Kul'turnyye tabu i ikh vliyaniye na rezul'tat kommunikatsii. (pp. 252–262). Voronezh: Voronezhskiy gos.un-t. (In Russ.)]

Кузнецова Л. Б., Сучкова С. А. Актив или пассив? «я» или «Мы»? // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 143–148. [Kuznetsova, L.B., Suchkova, S.A. (2015). Active or passive? «I» or «We»? *Vyssheye* obrazovaniye v Rossii, 8–9, 143–148. (In Russ.)] URL: https://cyberleninka. ru/article/n/aktiv-ili-passiv-ya-ili-my (дата обращения: 10.02.2021).

Лабашук М. Модель коммуникации как семантизация культуры // Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2004. С. 6–15. [Labashuk, M. (2004). Model' kommunikatsii kak semantizatsiya kul'tury (Communication model as the semantisation of culture). Vostok – Rossiya – Zapad: problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii (pp. 6–15). Samara: Izd-vo Samarskoy gumanitarnoy akademii. (In Russ.)]

Мосензов Д. Признаки научного стиля текста. Основные признаки научного стиля речи // FB.ru. 2014. [Mosenzov, D. (2014). Signs of the scientific style of the text. The main features of the scientific style of speech. *FB.ru.* (In Russ)]. URL: https://fb-ru.turbopages.org/fb. ru/s/article/160832/priznaki-nauchnogo-stilya-teksta-osnovnyie-priznaki-nauchnogo-stilya-rechi (дата обращения: 10.02.2021).

Новосёлов М. Н., Новосёлова С. Н. Обучение академическому письму // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2017. С. 212-222. [Novoselov, M. N., Novoselova, S. N. (2017). Teaching academic writing. Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov (pp. 212–222). (In Russ.)]. URL: https://cyberleninka. ru/article/n/obuchenie-akademicheskomu-pismu (дата обращения: 15.02.2021).

Щемелева И. Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 4. 143–153. [Schemeleva, I. Yu. (2013). Pronouns as a means of conveying the author's position in English and Russian scientific texts. *Vestnik SPbGU, 9* (4), 143–153. (In Russ.)]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mestoimeniya-kak-sredstvo-peredachi-avtorskoy-pozitsii-v-angliyskom-i-russkom-nauchnyh-tekstah/viewer (дата обращения: 10.02.2021).

Achterberg M. Die Möglichkeit von Objektivität in der Wissenschaft bei Karl R. Popper und Jürgen Habermas. München : GRIN Verlag, 2015. URL: https://www.grin.com/document/311538 (дата обращения: 10.02.2021).

Ackermann C., Bleumer H. Dramatische Dispositive – vor der Zeit des Theaters? // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2020. Vol. 50. S 369–372. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s41244-020-00181-0 (дата обращения: 10.02.2021).

Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation. Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1997. (In Germ.). URL: https://epub.ub.uni-muenchen.de/13670/1/graefen_ 13670.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

Graefen G. Aufbau idiomatischer Kenntnisse in der Wissenschaftssprache // Integration durch Sprache. Fachverband Deutsch als Fremdsprache Regensburg. 2004. Heft 73. S. 293–309. URL: https://core. ac.uk/download/pdf/12174013.pdf (дата обращения: 18.02.2021).

Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung. 2., v. neu bearb. Aufl. Tübingen: Narr, 1985.

Könning B. Small Talk und Bildungssprache in der Peer-Kommunikation unter Schülerinnen und Schülern // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2020. Vol. 50. S. 71–88.

Maizner D. Verbotene Wörter in einer Abschlussarbeit // Scribbr. 2020. (In Germ.). URL: https://www.scribbr.de/wissenschaftliches-schreiben/verbotene-woerter-in-einer-abschlussarbeit/ (дата обращения: 14.02.2021).

Neffe A. Die Ich-Form und Personalpronomen in wissenschaftlichen Arbeiten // Scribbr. 2020. (In Germ.). URL: https://www.scribbr. de/wissenschaftliches-schreiben/ich-form-personalpronomen/ (дата обращения: 10.02.2021).

Reichertz J. Die Bedeutung der Subjektivität in der Forschung // Forum: Qualitative Sozialforschung. 2015. Vol. 16. # 3. Art. 33. (In Germ.). URL: https://www.researchgate.net/publication/283521693_Die_bedeutung_der_subjektivitat_in_der_forschung (дата обращения: 10.02.2021).

Schmidt C. Das Dispositiv der Andacht. Eine theatergeschichtliche Perspektive? // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2020. Vol. 50. S. 417–434. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s41244-020-00175-y (дата обращения: 10.02.2021).

Schönherr M. Das Prinzip der Objektivität in akademischen Texten: Modalisierende Signale im deutsch-polnischen Kontrast // Studia Linguistica. 2019. T. 38. S. 95–115. URL: https://wuwr. pl/slin/article/view/4768/10272 (дата обращения: 15.02.2021).

Steinhoff T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. Tübingen, 2007.

Steinig W. Bildungssprache in Elternhaus und Schule // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2020. Vol. 50. S. 47–70. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s41244-020-00161-4 (дата обращения: 10.02.2021).

Swales J. Research genres. Cambridge, CUP, 2004.

Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache. Wissenschaftssprache und Sprachkultur // Tützinger Materialien. 1990. Vol. 61. S. 3–21.

Wischmann A. Die Conceptual-Integration-Forschung als Anregung für die komparatistische Selbstreflexion? // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 2019. Vol. 49. S. 517–537. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/ s41244-019-00141-3 (дата обращения: 10.02.2021).

УДК 821.11 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_245

Г. А. Велигорский

научный сотрудник научной лаборатории
«Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте»
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН
screamer90@mail.ru

СТРАНА КОЛДОВСКИХ СНЕГОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОЛШЕБНОЙ РОССИИ В БРИТАНСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ («Русские народные сказки» У. Р. Ш. Ролстона, «Русские сказки дедушки Петра» А. Рэнсома)

В рамках данной статьи мы рассмотрим сборники английского фольклориста Уильяма Ролстона Шеддона Ролстона (1828–1889) «Русские народные сказки» (Russian Folk-Tales, 1873) и английского писателя Артура Рэнсома (1884–1967) «Сказки дедушки Петра» («Old Peter's Russian Tales», 1916) и проанализируем, как они повлияли на формирование позитивного образа России в детской литературе Великобритании fin de siècle. Рассмотрев эти произведения в контексте многочисленных сборников русских народных сказок, издававшихся на рубеже веков (с краткого их анализа мы начнем исследование), мы попробуем определить ту сущностную роль, которую они сыграли в формировании образа сказочной, волшебной России (в противопоставление России дикой и варварской). Попутно мы выявим мотивы, образы и идеи, которые развивает либо впервые привносят их составители — ученый-славист и детский писатель, — а также отметим влияние, которое эти сборники оказали на читательское восприятие – и на представление о России как о крае заветном, сакральном и сказочном, мире вне времени и пространства и стране колдовских снегов.

Ключевые слова: детская литература; викторианская литература; эдвардианская литература; русская народная сказка; волшебная сказка; У. Р. Ш. Ролстон; А. Рэнсом; «Русские сказки дедушки Петра».

G. A. Veligorsky

Researcher at the Scientific laboratory
«Rossica: Russian Literature in a Global Cultural Context»
of the Gorky Institute of World Literature of the RAS
screamer90@mail.ru

THE WONDERFUL SNOW-LAND: FORMATION OF THE IMAGE OF MAGIC RUSSIA IN BRITISH CHILDREN'S LITERATURE («Russian Folk-Tales» by W. R. S. Ralston, «Old Peter's Russian Tales» by A. Ransome)

Within the framework of this article, we will consider the collections Russian Folk-Tales (1873) by the English folklorist William Ralston Shaddon Ralston (1828–1889) and "Old Peter's Russian Tales" (1916) by the English writer Arthur Ransome (1884–1967), and analyze how they influenced the formation of a positive image of Russia in British children's literature fin de siècle. Having considered these works in the context of numerous collections of Russian folk tales published at the turn of the century (we will begin our research with a brief analysis of them), we will try to determine the essential role that they played in the formation of the image of fabulous, magical Russia (as opposed to Russia wild and barbaric). Along the way, we will identify motives, images and ideas that are developed for the first time by their compilers — the Slavic scholar and the children's writer, – and also note the influence that this collection had on the reader's perception – and on the idea of Russia as a cherished, sacred and fabulous land, a world outside of time and space and a country of wonderful snows.

Key words: children's literature; Victorian literature; Edwardian literature; Russian folk tale, fairy tale; W. R. S. Ralston; A. Ransome; «Old Peter's Russian Tales».

Введение

Русская волшебная сказка проникала в Великобританию долгим и окольным путем. В отличие от французских, немецких, ирландских, скандинавских и т. д., сказки из России пришли сюда лишь в середине XIX века на волне интереса к мировому фольклору, «поднятой» английскими романтиками. Первой русской сказкой, напечатанной в переводе на английский язык, стала короткая история «Дракон-великан и его каменная лошадь» (*The Dragon-Giant and His Stone-Steed)* – вольное переложение «Повести о Тугарине Змеевиче» из собрания М. Д. Чулкова «Сказки богатырские» (1780); она была опубликована в 1849 году в составе сборника «Сказки со всего света» (*The Fairy Tales of All Nations*) и впоследствии переиздана в 1890 году с двумя иллюстрациями Ричарда Дойла. В 1857 году увидело свет и первое собрание «Русских народных сказок», а де-факто – перевод немецкоязычного сборника *Russische Volksmärchen* (Лейпциг, 1831). Впрочем, все эти публикации являлись скорее исключением из общего правила: полноценно русская сказка проникла в Великобританию значительно позже, в начале 1870-х годов.

Основная часть

Поворотным моментом в этом ключе стала публикация в 1873 году сборника «Русские народные сказки» (“Russian Folk-Tales”), подготовленного Уильямом Ролстоном Шеддоном Ролстоном (*William Ralston Sheddon Ralston*, 1828–1889), сотрудником Британского музея, иностранным корреспондентом Русского географического общества. Начиная с 1870-х годов, Ролстон основательно интересовался Россией. В 1872 году он издал «Песни русского народа как отражение славянской мифологии и социальной жизни в России» (*Songs of the Russian People as Illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life*), тогда же перевел роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (под заглавием «Лиза» – *Liza*), до этого изучал и переводил басни И. С. Крылова. Однако «Русские народные сказки» по праву считаются *magnum opus* британского исследователя-слависта.

В сборник, подготовленный У. Р. Ш. Ролстоном, вошла 51 сказка: переводы из собраний А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, А. А. Эрленвейна, Е. А. Чудинского и некоторых других авторов. Выбор, как признавался сам ученый, был обусловлен не только художественной ценностью сказок или его личными предпочтениями, но и, в немалой степени, трудностью перевода. Ролстон сообщал, что не располагает «словарями, позволяющими в полной мере передать диалект или, вернее, язык, на котором написаны сказки» [Ralston 1887, с. 5]. Тем не менее в собрание вошло значительное количество историй, которые потом будут популярны среди английских читателей – про Бабу-ягу, Иванушку-дурачка, Жар-птицу. Но особенный интерес представляет сказка, в которой, по замечанию Ролстона, встречается «поразительная персонификация Мороза» («a striking personification of Frost»).

> Как правило, зима играет в северных сказках далеко не такую важную роль, какую, казалось бы, можно ожидать. В России, как и в других европейских странах, романтические народные сказки исполнены картин, пролитых теплым солнечным светом, и нечасто повстречаешь в них хмурые небеса, снег, укрывающий землю, или замерший мир за окном. То тут, то там, должно сказать, встречаются в сказках снежные пейзажи. Но мало когда зима изображается в них с таким размахом <...> [там же, с. 221].

Во «взрослой» литературе Великобритании мороз прочно ассоциировался с Россией (ср., например, поэму Томсона «Времена года», а также миф о русской зиме – победительнице наполеоновских войск,

развивавшийся в творчестве «озерных» поэтов [Красавченко 2007, с. 47]), но образ волшебного существа – воплощения зимы, справедливого и по-своему даже доброго, – был привнесен впервые. Мороз, отмечает Ролстон, «для русских крестьян <...> живое существо» [Ralston 1887, с. 228] – и сравнивает его с английским Джеком Фростом. Далее исследователь приводит научный перевод двух вариантов сказки «Морозко» [там же, с. 222–223]. Ср.: А. Н. Афанасьев перечисляет другие сказки, в которых упоминается этот персонаж, рассказывает о любопытных русских обычаях (к примеру, что черемисы не сбивают сосульки, боясь, как бы мороз не рассердился на них и не застудил насмерть) [Афанасьев 1984, т. 1, с. 113–117]. Ролстон ссылается на образ Мороза Трескучего и Мороза-кузнеца (каким он представлен в «Поэтических воззрениях славян на природу» А. Н. Афанасьева [Ralston 1887, с. 223; Афанасьев 1865, с. 318–319]), упоминает сказку «Падчерица» из собрания И. А. Худякова «Великорусские сказки» (1860), и, наконец, приводит параллельные образы из немецких народных источников (в частности, «Шестеро весь свет обойдут» и «Шестеро слуг» из собрания братьев Гримм «Детские и домашние сказки»).

Публикуя свой сборник, У. Р. Ш. Ролстон заложил замковый камень в формировании русского сказочного универсума, воплощенного как царство «волшебной зимы». И хотя, вне всяких сомнений, опубликованные им истории, переданные научным языком, близки к оригиналу, но без «искры» народного духа, не могли стать популярны среди детей, – с публикацией «Русских народных сказок» началась популяризация этого жанра в Англии (а именно – эту цель, по его собственному признанию, и ставил перед собой Ролстон) [Ralston 1887, с. 4].

В 1880-е годы (не в последнюю очередь – благодаря многочисленным переводам русской классики на английский язык, выполненным Констанс Гарнетт) в Великобритании обостряется интерес к России. В этой связи последующие несколько десятилетий – и в особенности годы Первой мировой войны, когда Россия из разряда «неприятелей» перешла в «союзники» – были отмечены «эпидемией культурной русомании» [Красавченко 2007, с. 42]; в том числе – с 1890-х годов массово начинают переводиться и издаваться русские волшебные сказки.

Приведем краткий обзор соответствующих публикаций этого времени. В 1890 году Эндрю Лэнг переиздает две сказки из собрания Ролстона («Норка», «Смерть Кощея Бессмертного») в «Красной

книге сказок» [Lang 1890, с. 42–53, 116–122]. В 1892 году издана репрезентативная выборка из сборника П. Н. Полевого «Сказки» в переводе Роберта Нисбет Бейна; как отмечает в предисловии переводчик, большинство этих сказок «никогда раньше не являлись на свет в английском наряде» [Nisbeth Bain 1892, с. 6]; единственным исключением стала сказка «Морозко» – еще одно подтверждение популярности этого сюжета. В 1894 году «Морозко» был издан снова, под заглавием «Сказка о короле Морозе» (*The Story of King Frost*) и наряду с еще тремя русскими историями в «Желтой книге сказок» Э. Лэнга [Lang 1894, с. 209–212]. В этом же году выходят «Казацкие волшебные сказки и предания» (*Cossack Fairy Tales and Folk Tales*), собранные и переведенные Р. Нисбет Бейном [Nisbeth Bain 1894]; впервые в детской литературе Великобритании слово «казак» не ассоциируется с чем-то исключительно злым и жестоким [Велигорский 2020].

1900–1910-е годы отмечены публикацией еще большего количества русских сказок (как народных, так и авторских), легенд, преданий и былин. В 1901 году Р. Нисбет Бейн переводит на английский язык сказки Л. Н. Толстого [Nisbeth Bain 1901]. В 1903 году изданы «Народные сказки русские» в переводе В. К. Каламатиано де Блументаль (1864–1942), эмигрантки из России, дочери черноморского офицера (9 сказок, в том числе – «Баба-яга» и «Морозко», с иллюстрациями Люси Ф. Перкинс по эскизам переводчицы; книгу замыкали комментарии и краткий словарик, в котором пояснялось, как следует при чтении произносить некоторые русские слова) [Kalamatiano de Blumenthal 1903]. В 1912 году изданы «Русские чудесные сказки» в переложении П. Уиллера (12 сказок с иллюстрациями И. А. Билибина) [Willer 1912]; в 1913-м – «Русские народные сказки» в переводе Леонарда А. Магнуса (58 сказок) [Magnus 1913]; в 1916-м – «Венок русских волшебных сказок» под редакцией Роберта Стила (17 сказок и лубков) [Steele 1916] и т. д.

Сейчас все эти сборники практически неизвестны и даже забыты. Однако примерно в это же время увидело свет единственное собрание, которому была уготована долгая – и даже продолжающаяся в наши дни – жизнь. В 1916 году Артур Рэнсом (Arthur Ransome; 1884–1967), будущий знаменитый английский писатель, лауреат медали[1] Карнеги (1936), автор детской серии «Амазонки и ласточ-

[1] Престижная награда для авторов детской литературы.

ки» (A*mazons and Swallows*, 1930–1947), а в ту пору – скромный тридцатилетний журналист, корреспондент Daily News – опубликовал сборник «Русские сказки дедушки Петра» (*Old Peter's Russian Tales*).

Основной массив работы над сборником сказок пришелся на 1915 год Рэнсом тогда проживал в России (куда впервые приехал в 1913 году и с тех пор неоднократно возвращался «наездами»); он поселился у своих друзей – полиглота Гарольда Уильямса (1876–1928) и его жены Ариадны (урожд. Тырковой; 1869–1962) в деревне Вергеже, на правом берегу Волхова. Работа над книгой увлекла Рэнсома; по собственному признанию, он «посвящал [ей] всё свободное время» [Ransome 1976, с. 179].

> У меня был маленький раскладной столик в комнате, которую я делил с Александром (Сашей) Тырковым (племянник Аделаиды. – *Г. В.*), и я работал по много часов каждый день в этой комнате или на шатком балкончике, нависавшем над самой рекой. У школьников и школьниц в России каникулы очень длинные, и они постоянно резвились где-то поблизости, дружной гурьбой, и охотно подсказывали значение русских слов, если я их о том спрашивал. Вечерами я присоединялся к ним в играх или сидел вместе со взрослыми на крутом берегу реки, курил махорку, чтобы отогнать комаров, и смотрел на золотые искры [костров] и огни фонарей на больших бревенчатых плотах (в длину такой плот – несколько сотен ярдов, а на каждом конце его – шалашик для дровосеков), и как они сплавляются по реке в синих сумерках, медленно уплывая к большим городам и к морю. Если работа шла бойко, я выкраивал час-другой, отправлялся с ребятней удить рыбу; попадались плотвички, щуки, лещи, золотые карпы, ерши, реже – налимы, и местные кухарки с готовностью варили из них уху: это такой рыбный суп, вроде буйабеса (национальный бретонский суп из разных видов рыб, картофеля и зелени. – *Г. В.*) (*Ransome, 1916*).

Когда работа над книгой была в самом разгаре, Рэнсом договорился о ее публикации с издателем Джоном Нельсоном; за первый тираж ему полагался достаточно скромный гонорар в 25 фунтов, а в случае последующих допечаток – 15 % от общей прибыли. В июле 1915 года рукопись «Русских сказок...» была готова, но издание, по ряду причин, пришлось отложить. Лишь в июне 1916 года Рэнсом, с позволения английского посла в России, переслал в Англию дипломатической почтой корректуру текста, а также иллюстрации Д. И. Митрохина, знаменитого русского художника (в том же году он создаст обложку

для сборника Е. И. Замятина «Уездное»). Первое издание «Русских сказок дедушки Петра» было напечатано в 1916 году тиражом 2 тыс. экземпляров.

Изданная книга включала 21 главу, в которые вошло 20 сказок. Большинство из них, по собственному признанию Рэнсома, были взяты из собрания «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, а также из неких других источников, которые он, впрочем, не называет [Ransome 1957, с. VII]. Ниже приводим сопоставительную таблицу (сказки, помеченные звездочкой, ранее были включены – разумеется, в другом переводе – в собрание У. Р. Ш. Ролстона):

«Сказки дедушки Петра» (в скобках приведен букв. перевод названий)	Русский источник (прочерком отмечены вставные главы)
The Hut in the Forest («Избушка в лесу»)	—
The Silver Saucer and the Transparent Apple («Серебряное блюдце и прозрачное (варианты: всё показывающее, откровенное) яблоко»)	Аф. 569 – «Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке»
Sadko («Садко»)	Былина о Садко; непосредственный источник не установлен
* *Frost* («Мороз»)	Аф. 95–96 – «Морозко»
The Fool of the World and the Flying Ship («Дурень-простак и летающий корабль»)	Аф. 144 – «Летучий корабль»
* *Baba Yaga* («Баба-Яга»)	Аф. 103 – «Баба-яга»
The Cat Who Became the Head-Forester («Про кота, который стал главным лесничим»)	Аф. 40 – «Кот и лиса»
Spring in the Forest («Весна в лесу»)	—
The Little Daughter of the Snow («Дочурка из снега»)	«Поэтические воззрения славян на природу» (т. II) + Аф. 34: «Снегурушка и лиса»
Prince Ivan, the Witch Baby, and the Little Sister of the Sun («Королевич[1] Иван, дитя-ведьма и маленькая сестра Солнца»)	Аф. 93 – «Ведьма и Солнцева сестра»

[1] В английском языке есть слова *Tzar* и *Tzaritza* (вариант: *Tzarina*), используемые и самим Рэнсомом, а также *Tzarevich* и *Tzarevna*, поэтому в буквальном переводе названий сказок мы сознательно передаем слова *Prince* и *Princess* как *королевич* и *королевна*.

«Сказки дедушки Петра» (в скобках приведен букв. перевод названий)	Русский источник (прочерком отмечены вставные главы)
The Stolen Turnips, the Magic Tablecloth, the Sneezing Goat & the Wooden Whistle («Краденая репа, волшебная скатерть, чихающая коза и деревянный свисток»)	Источник не установлен; сюжет отчасти схож с Аф. 186 – «Конь, скатерть и рожок»
* *Little Master Misery* («Маленький господин Несчастье»)	Аф. 303 – «Горе»
A Chapter of Fish («Глава о рыбе»)	Аф. 81 – «Байка о щуке зубастой»
The Golden Fish («Золотая рыба»)	Аф. 75 – «Золотая рыбка»
Who lived in the Scull? («Кто жил в черепе?»)	Аф. 82–84 – «Терем мухи» (84 – именно про лошадиную голову)
Alenoushka and Her Brother («Алёнушка и ее брат»)	Аф. 260–263 – «Сестрица Алёнушка, братец Иванушка» (а именно – смесь 260 и 261)
The Fire-Bird, the Horse of Power, and the Princess Vasilissa («Огненная птица, могучий конь и королевна Василиса»)	Аф. 169–170 – «Жар-птица и Василиса-царевна» (собственно, 169)
The Hunter and His Wife («Охотник и его жена»)	Аф. 248 – «Охотник и его жена»
The Three Men of Power: Evening, Midnight, and Sunrise («Три могучих человека: Вечер, Полночь и Заря»)	Аф. 140 – «Зорька, Вечорка и Полуночка»
Salt («Соль»)	Аф. 242 – «Соль»
The Christening in the Village («Крестины в селе») Вставные рассказы: • * *Vazouza and the Volga* («Вазуза и Волга») • [*The Tale of Mr. Crane and Miss Heron*] («Сказка про господина Журавля и госпожу Цаплю»)	Аф. 94 – «Вазуза и Волга» Аф. 72 – «Журавль и цапля»

Как видим, некоторые – но далеко не все! – сказки действительно были уже знакомы английскому читателю по собранию Ролстона. Иные сюжеты маленькие англичане могли знать по переводам сказок братьев Гримм, во множестве издававшихся в викторианскую эпоху (ср. параллели: «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» – «Братец

и сестрица»; «Золотая рыбка» – «Про рыбака и его жену»; «Краденая репа...» – «Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка»; «Летучий корабль» – «Золотой гусь» (первая часть, про героя-дурачка и лесного карлика) + «Шестеро весь свет обойдут» (вторая часть, про волшебных помощников); «Жар-птица, могучий конь и королевна Василиса» – «Золотая птица»; в сказке про Зорьку, Вечорку и Полуночку звучат отголоски сразу нескольких сюжетов: «Черт с тремя золотыми волосками», «Подземный человечек»). Однако многие сказки – такие как «Кот и лиса», «Ведьма и Солнцева сестра», «Сказка о щуке зубастой», «Соль» – появились на английском языке впервые; некоторые из них впоследствии стали популярными: к примеру, сказка «Соль» была напечатана в 1965 году отдельным изданием, в пересказе Харве Цемаха (1933–1974) и с иллюстрациями его супруги Марго (1931–1989) [Zemach 1965].

В предисловии к сборнику Рэнсом сообщает: «В эту книгу я включил те самые сказки, что русские крестьяне рассказывают своим детям» [Ransome 1957, с. VII]. В России, отмечает писатель, сказки очень любят – «мне кажется, <...> больше, чем где бы то ни было на всем белом свете» [там же, с. VII]. Обозначает он и аудиторию, которой адресован его сборник: «Эту книгу я написал в далекой России, для английских детей, играющих в тенистых аллеях, под сенью шиповника, цветущего на высоких изгородях, или в доме, когда опускаются вечерние сумерки, а рядом распевают во весь клюв желторотые пташки» [там же, с. VIII]. Заключает он предисловие исключительно важной мыслью: «Русская волшебная страна – совсем иная [чем наша]» (*Russian fairyland is quite different*):

> Под окнами у меня вьется-бежит река Волхов <...> и плещет тихонько в сумерках. <...> А за рекой, в синей дымке, – широкие русские поля и далекий лес за ними. И где-то там, в этом дремучем лесу с вековыми деревьями, таком огромном, что самые большие английские леса перед ним – что малые рощицы, стоит избушка, а в ней сидит дедушка Петр <...> и рассказывает своим внукам сказки (*Ransome, 1916*).

Реальный мир, в котором творится книга – с рекой Волхов, полями, синими далями, писателем за рабочим столом, – плавно перетекает в мир сказочный. Первая глава «Русских сказок...» – «Избушка в лесу» – открывается описанием мира, где живут главные герои – дедушка Петр, Маруся и Ваня. С первых же слов Рэнсом

создает непривычное для юного англичанина сказочное пространство зимы: «За окнами, в лесу, всё густо замело снегом. Белый снег покрыл еловые лапы и всё ложился, ложился на них – пока те не прогибались под тяжестью» [Ransome 1957, с. 1]. В снежной тишине за окнами слышится вой волков (это, вероятно, тоже дань «русскому мифу»: пространство «за лесом», населенное волками, созвучно – пусть и в иной тональности – образу «восточной лесной страны», намеченному в романах Б. Стокера «Дракула» и «Женщина в саване») [Cain 2006].

Итак, с первых же строк перед читателем возникает образ нового, необычного – но совсем не враждебного! – мира. Жилище дедушки Петра – не приютный английский особнячок «Река Дом»[1], но настоящая лесная избушка, сложенная из сосновых бревен (сосны срубили здесь же, в лесу, – на них даже видны засечки, оставленные топором лесничего), где окна на зиму закладывают мхом, чтобы не пускать внутрь холод. Далее Рэнсом представляет и всех обитателей этой избушки. Помимо Маруси и Вани, которые ждут своего дедушку, ушедшего в лес за дровами, в доме обитают животные: Владимир, «большой черный кот, важный как император» [Ransome 1957, с. 3], и огромный серый волкодав (а как же иначе, в стране волков и дремучих дебрей!) по кличке Баян (*Bayan*) – не то имя «певца вещего», не то контаминация от слов «Баюн» (кот-сказитель) и «Буян» (не только чудесный остров, но и реальная кличка дворовой собаки), не то калька с названия русского народного инструмента (в сказках, впрочем, ни разу не упоминаемого – его место занимают гусли-цимбалы).

Первая глава насыщена образами, связанными с зимой и снегом. Рэнсом выстраивает звукоряд: «<...> и слышно, как с шумом осыпается с ветвей снег» [там же, с. 6]; «<...> хрустят сапоги по снегу <...>» [там же]; «<...> топает ногами дедушка Петр, пытаясь отряхнуть снег» [там же, с. 2]; – который, в свою очередь, сменяется рядом визуальным: «Он (дедушка Петр. – *Г. В.*) отряхнулся, совсем как Баян, и снег разлетелся [по комнате]» [там же]. Эти ряды будут продолжены в главе «Морозко» (в описаниях, предваряющих одноименную сказку): «Земля была белая, снег – твердый, хрустящий, и по всему окрестному лесу раздавался морозный треск» [там же, с. 46]; «Снег был глубокий и уже заледенел; ветер покусывал его (дедушку Петра. – *Г. В.*) за уши,

[1] Из «русского» романа Дж. Х. Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив» (*Mrs. Overtheway's Remembrances*, 1869).

пока он не прикрыл их отворотами своей меховой шапки» [там же, с. 47]; «<...> [Маруся] услышала, как Мороз потрескивал в елях <...>» [Ransome 1957, с. 43].

Знакомя читателей с жизнью героев, Рэнсом подробно описывает русский быт: в первой главе дети едят горячий суп вприкуску с ржаным хлебом – из деревянных мисок деревянными ложками, «глубокими, как половники» [там же, с. 5]. Наконец, в центре повествования оказывается фигура рассказчика, дедушки Петра, самим видом напоминающего легендарного сказителя Баяна. Петр – старый охотник с кустистыми бровями и длинной седой бородой, которую он расчесывает пальцами; он курит махорку («очень крепкий табак, <...> а пахнет как жженое олово» [там же, с. 5–6], – поясняет А. Рэнсом), пьет густой чай с сахаром, но без молока – «на русский манер».

После первой, вводной главы, начинаются собственно сказки. Структура сборника обрамляющая: иногда сказки просто следуют друг за другом (ср. главы 2–3, 8–9 и т. д.), но чаще перемежаются действием, разговорами персонажей и даже их небольшими «приключениями» – такими, как поход за дровами в лес или починка рыбацкого невода. И хотя название книги созвучно другим сборникам русских сказок, таких как «Сказки дедушки Иринея» (1841) В. Ф. Одоевского – выстроена он совсем иначе. В частности, у Одоевского сказитель не выступает активным участником повествования: сказки лишь объединены его именем и общим предисловием от его лица. Дедушка Петр в этом отношении ближе к старому негру Римусу из знаменитого сборника американского фольклориста Джоэля Чандлера Харриса (1848–1908), которым зачитывалась викторианская и эдвардианская детвора. Это персонаж с прописанным характером, не лишенный психологических черт. Периодически он, то в шутку, то в назидание, соотносит героев сказки и ее слушателей; иногда поучает Марусю и Ваню и подбирает сказки «на случай», сообразно поведению внуков; нередко прибавляет мораль (добавленную, против оригинала, самим Рэнсомом). Он может отвечать на вопросы слушателей, отвлечься от истории или даже рассердиться на поведение одного из детей.

Создавая образ русского крестьянина Петра, Рэнсом богато пересыпает его речь русскими пословицами и поговорками – и нередко включает их в сказки. Иногда он переводит те, что использованы в оригинале (*Long hair, short sense* [Ransome 1957, с. 6] – «Волос

долог, да ум короток»; *God loves simple folk* [Ransome 1957, с. 59] – «Бог дурней жалует»; *The tale is soon told, but it takes time to happen* [там же, с. 48] – «Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается»; *When there are no fish in the river we make shift with crays* [там же, с. 21] – «На безрыбье и рак рыба»), но часто вводит и собственные, возможно, услышанные им от кого-то в России, а может, и сочиненные им самим: *too much haste set his shoes on fire* [там же, с. 17] – «так спешил, что ботинки загорелись»; *my brains fly beyond the seventh world*[1] – «мой ум воспарил выше седьмого неба»; *shook like a rag in the high wind* [там же, с. 157] – «мотался, как тряпка на сильном ветру»; *tumbling <...> like a lot of peas rolling off a shovel* [там же, с. 157] – «посыпались <...>, как горох с лопаты»; *they went to bed singing like nightingales* [там же, с. 162] – «отправились спать, распевая как соловушки»; *the tale won't go any quicker than my old tongue* [там же, с. 193–194] – «сказка вперед языка не сказывается»; *there were holes in it* [*net*] *a hare could jump through with his ears standing* [там же, с. 193] – «дыры в сети были такие, что заяц с ушами торчком проскочит»; *the mind of woman is like the wind in summer* [там же, с. 249] – «женский ум – что ветер летний» и т. д. Рэнсом добавляет и образы (которых, опять же, нет в оригинале у Афанасьева), знакомые ему по другим русским сказкам – к примеру, образ молочных рек с кисельными берегами (*rivers of milk between banks of kisel jelly*) [там же, с. 179], или известную характеристику «рос не по дням, а по часам» (*he did not grow up by months or by days, but by hours*) [там же, с. 188], или железные зубы Бабы-яги, не встречающиеся ни в одной из переводимых им историй [там же, с. 75, 79, 83]. Иногда он добавляет постраничные комментарии (*The bogatirs were strong men, heroes of old Russia* [там же, с. 48] – «Богатыри – очень сильные мужчины, герои России встарь») или даже включает в речь персонажа очевидно авторские ремарки: «*<...> Ivanov's Day* (*that is the day of Saint John, which is Midsummer*) *<...>*» – «Иванов день (т. е. день святого Джона, что посреди лета)» [там же, с. 188].

[1] Для русской сказки более характерным был бы образ не седьмого неба (восходящий к Птолемеевой картине мира и присущий европейской культуре), но третьего, упоминаемого во Втором послании к Коринфянам святого апостола Петра, который «назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхи́щен был до третьего неба» (2 Кор. 12: 2).

Обратим внимание и на то, как Рэнсом использует в тексте русские слова; в отличие от Ролстона (сказки которого изобилуют окказионализмами и пояснениями к ним – черта научного перевода, для которого точность важнее художественности), он делает это осторожно, для создания колорита[1]. В иных случаях он, как и Ролстон, дает русское слово транслитерацией: *kopeck – копейка*, *kisel – кисель*, *balalaika – балалайка*, *versta – верста*, *moujic – мужик*, *kasha – каша* (при этом он использует и английское слово *porridge*), *vodka – водка*, d*ouga – дуга*, *samovar – самовар*, *arshin – аршин*. Другие понятия он передает при помощи перифразы: *паляница – soft roll* (*букв*. ‘мягкая крученая булочка’), *лапти – straw slippers* (*букв*. ‘соломенные тапочки’), *полушубок – winter jacket* («зимняя куртка»). Некоторые реалии (крынка, лыки, куль, сарафан, остров Буян, отдельные топонимы) Рэнсом при переводе опускает.

Наконец, еще одной переводческой техникой является адаптация «чужого» под «свое», знакомое: так, «ветчинка», которой в сказке «Баба-яга» угощает кота героиня, заменяется на *scraps of meat* – кусочки мяса для бездомных животных (также *cat’s meat*), продававшиеся на улицах в XIX веке и знакомые каждому английскому школьнику. Дважды для передачи сильного грохота или шума Рэнсом вводит образ «кочерги и каминных щипцов» («Кочерга и щипцы, брошенные в дымоход, – ничто по сравнению с тем, как она скрежетала своими железными зубами»; «Кочерга и щипцы, кочерга и щипцы – ну и грохот поднялся!» [Ransome 1957, с. 89, 134]), – образ, нехарактерный для русской литературы, но знакомый маленьким англичанам по игре «Кочерга и щипцы, или горячие отварные бобы» (*Poker and tongs, or hot boiled beans*), разновидность «горячо – холодно»: чем ближе играющий подходит к спрятанному предмету, тем громче ведущий стучит каминными щипцами о кочергу [Clarke 1859, с. 51]; кроме того, олицетворенные Кочерга и Щипцы выступали персонажами детских небылиц и припевок [Lear 1910, с. 37–39][2].

Иногда Рэнсом старается близко следовать оригиналу, но понимает не все слова, и в итоге возникают курьезы. К примеру, в сказке

---

[1] Сравнение переводов Ролстона и Рэнсома (на примере сказок «Волга и Вазуза» и «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка») см. также в статьях: [Богрданова 2012; Bogrdanova 2012].

[2] Выражаем благодарность А. В. Серебренникову и В. С. Сергеевой за помощь в обнаружении данных сведений.

«Летучий корабль» слово «небоже» (звательный падеж от «небога» – «убогий», «бедный») он переводит как *Sky-Fellow* («Небесный Человек»), очевидно, приняв первые четыре буквы за корень «небо» – что, впрочем, соответствует логике сказки: слово относится к герою, парящему на летучем корабле.

Наконец, самой необычной переводческой техникой, которую применяет Рэнсом, является исправление «ошибок» и «несообразностей» оригинала, обнаруженных им, за счет реплик персонажей. В сказке «Горе» из собрания А. Н. Афанасьева персонаж-бедняк обращается к зажиточному соседу: «Дай, – просит, – на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю» [Афанасьев 1985, т. 2, с. 343]. Сосед соглашается, бедняк берет пару волов, разрешает беду – а про то, исполнил он обещание или нет, далее в сказке не сообщается: «Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить» [там же]. Ваня отмечает эту «несправедливость» и спрашивает о ней дедушку. «Ну так вот он и думал, целую неделю, пока на соседа работал», – отвечает на это дедушка Петр, притом, как подчеркивает Рэнсом, «немного ворчливо» (*a little grumpily*) [Ransome 1957, с. 178]. Аналогичный эпизод есть и в «Золотой рыбке»: в сказке из собрания Афанасьева сказано: «Смотрит, а сеть пуста <...>» [Афанасьев 1984, т. 1, с. 86]; то же у Рэнсома: *The net came* <...> *empty* [Ransome 1957, с. 194]. Для англоязычного читателя эти слова означают, что в сети не было совсем ничего, в противном случае было бы введено уточнение «quite» или использован глагол *seemed* (вместо *was*) – «показалась пустой». «Пуста?» (*Empty?*) – переспрашивает Маруся у дедушки, и тот отвечает, что «пуста, да не совсем» (*not quite*) [там же, с. 194].

В переводе переплетаются русские и европейские обычаи, порой – в рамках одной страницы. Так, в сказке «Три могучих человека: Вечер, Полночь и Заря» мать благословляет сыновей, целуя их в обе щеки и в лоб (русский обычай) [там же, с. 254], а когда герои прибывают в город, юные красавицы машут им из окон платочками [Ransome 1957, с. 254] – приветствие, для России не столь характерное, а в Европе встречающееся еще в куртуазной поэзии XII–XIII веков.

В некоторых сказках Рэнсом, следуя английской традиции, вводит назидательный элемент. В сказке «Иван-королевич, дитя-ведьма и маленькая сестра Солнца», после оригинальной концовки (согласно которой «Иван-царевич <...> прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле» [Афанасьев 1985,

т. 1, с. 112]) Рэнсом, в духе английской дидактической литературы, добавляет поучающую посылку.

> – <...> А иногда они берут звезды, чтобы поиграть в мяч, а потом возвращают назад, если не забывают.
>
> – А если не небе нет звезд? – спросила Маруся.
>
> – Тогда это значит, что королевич Иван и маленькая сестра Солнца навеселились и ушли спать, а игрушки за собой не убрали (*Ransome, 1916*).

В тексте сказок Рэнсом постоянно сравнивает изображаемый им мир и Англию, причем иногда – что совсем нехарактерно для его предшественников – не в пользу последней: «...не пробковые буйки, как у нас, – но крохотные завитки из серебристой коры березы» [там же, с. 187]; «У русских малышей колыбельки куда лучше, чем у английских» [там же, с. 302].

Наконец, еще одной важной – и едва ли не ключевой – особенностью является набожность персонажей – как героев сказок, так и самого дедушки Петра и его внуков. Примерно в то же время, когда Рэнсом создавал свой сборник, в Великобритании начал формироваться миф о святой Руси (*Holy Russia*)[1] – в частности, благодаря деятельности Стефана Грэма (*Stephen Grahame*; 1884–1975), шотландского путешественника, в 1910-х годах совершившего несколько поездок по России (был на Кавказе, на Алтае и т. д.) и описавшего впечатления от поездок в книгах «Неизведанная Россия» (*Undiscovered Russia*; 1912), «В Иерусалим с русскими паломниками» (*With the Russian Pilgrims To Jerusalem*; 1913), «Россия и мир» (*Russia and the World*, 1915) и др. [Hughes 2012, с. 163–174]. У Рэнсома набожностью отмечены и рассказчик («Думаю, Господь знал, что делает, когда создал так мало золотых рыбок» [Ransome 1957, с. 207], – назидательно рассуждает дедушка Петр; в последней главе он вместе с внуками идет в церковь, входя в которую, они «перекрестились и молитву прочли» [там же, с. 302]), и персонажи сказок. Особенно много упоминаний Бога (что расходится с оригинальным текстом) встречается в сказке «Соль»: «<...> старые моряки, как и подобает хорошим русским, восславили Бога за то, что еще живы» [Ransome 1957, с. 274]; «И за это старые моряки благодарили Бога – ведь спины у них ломило и ноги ослабели, и если

[1] Это словосочетание упоминается и в переводе Рэнсома [Ransome 1957, с. 26–27].

бы еще носили мешки – непременно бы перемерли» [там же, с. 276]; «А Ивану [братья] сказали: “Благодарение Богу, дал Он тебе хорошо поторговать”» [там же, с. 284]; «<...> а старые мореходы всё бормотали себе в бороду, жалели [Ивана] да Богу молились, чтобы упокоил Он Иванову душу» [там же, с. 285]; «<...> подплыл он к бревну, верхом на него сел и возблагодарил Бога» [там же, с. 286] и т. п.

Особенно важна глава «Крестины в селе», которой завершаются сказки, – и прежде всего своим жизнеутверждающим характером. Вся глава пронизана зеленым цветом: лошади повязывают гриву зеленой лентой, а Маруся заплетает в косы ленточку того же цвета; когда дети и дедушка отправляются в путь, «солнце сияло, деревья стояли в свежих обновах: мелко трепетали зеленые листья, и синее небо сквозило в них» [там же, с. 294]; а когда телега подъезжает к селу, дедушка Петр и его внуки «увидели небольшую рощицу», а затем «из-за верхушек берез завиднелись светло-зеленые купола над белой деревенской церквушкой» [там же, с. 296]. Рэнсом изображает словно бы раннюю весну, однако на дворе, как отмечено дальше – Николин день, или Никола Вешний, 22 мая по старому стилю. В «королевстве зимы» только-только стаял снег, и в канавах еще стоят вешние воды. (Кстати, чуть далее Рэнсом говорит о том, что дело происходит «ранним летом» – то ли оговариваясь, а то ли нарочно, создавая таким образом сказочное пространство, где время живет по своим законам.)

Далее в главе описывается обряд православного крещения, после которого «маленького, настоящего русского человека» (*a little true Russian*) возвращают матери. Окрещенный малютка качается в колыбели и «спит себе важно-важно – знает, что ему принадлежит весь мир, потому что он пока маленький» [там же, с. 304]. Рождение нового человека встречают зелеными щами со сметаной (*sour cream*) и черным хлебом, красным густым киселем из ягод и крынкой свежего молока. «Славный человек вырастет, <...> славный, а даст Господь – и здоровье приложится», – говорит Петр на прощание матери новорожденного [там же, с. 304].

На этой ноте и завершается сборник. Конечно, дедушка Петр с Марусей и Ваней еще поедет на телеге домой и по дороге расскажет внукам еще одну сказку – про цаплю и журавля, – и Ваня еще заснет на плече у сестрицы, а по приезде добрый дедушка отнесет детей на руках в избушку; однако рождение и крестины младенца – вне

всяких сомнений, ко́да последней главы и эмоциональная концовка сборника в целом. В отличие от многих других современных им изданий русских народных сказок, «Сказки дедушки Петра» пользуются популярностью и поныне. К 1956 году было продано 24 тыс. экземпляров и 25 тыс. в более скромном оформлении (не считая американских изданий) [Ransome 1976]; в наши дни эта цифра, вероятно, еще более возросла. В течение XX века книга выдержала несколько переизданий (в одном только издательстве Tomas Nelson & Sons первое издание выпускалось репринтным методом по меньшей мере 10 раз!); в 1984 году ее проиллюстрировал еще один художник – Фэйт Джейкс (1923–1997); последнее издание «Сказок...» в его оформлении – вкупе с другим сборником сказок А. Рэнсома – вышло в 2016 году [Ransome 2016].

Противопоставленная «доброй старой Англии» с ее кибитками, зелеными лесными прогалинами, залитыми майским солнцем, – в сборнике Рэнсома возникает снежная Россия, уже оттаивающая и одевающаяся в свежую зелень специально по случаю «веселого месяца мая»; Россия волшебная, сказочная, богохранимая, со счастливым и «важным-важным» младенцем, спящим безмятежно в своей колыбели; страна снегов, метелей, волшебства, веселых ярмарок, зеленых по весне берез – и бесконечного детства, где старый крестьянин Петр, «самой добрый дедушка во всей России», сидит и рассказывает внукам сказки; и не сродни ли она милновскому Зачарованному Месту, зеленому холмику в английском лесу, «где маленький мальчик будет всегда, всегда играть со своим медвежонком»?

Заключение

Миф о России продолжает формироваться и в наши дни; одни его элементы со временем отмирают, другие преобразуются сообразно новым веяниям и меняющейся картине мира. Но образ России – сказочной ледяной страны, которым англичане в немалой степени обязаны У. Р. Ш. Ролстону и А. Рэнсому, сохраняется и до наших дней. В частности, композитор-неоклассик Пол Ромеро (род. 1965) признавался, что именно благодаря впечатлению, которое произвела на него в детстве сказка «Морозко», экранизированная А. Роу (1954), он, годы спустя, создал музыкальный образ волшебного города, затерянного меж снежных гор, – с голубыми шпилями башен, золотыми куполами,

белыми стенами и маленьким летучим корабликом (не в созвучье ли Афанасьеву?), парящим высоко в небесах [Romero URL].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / REFERENCES

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М. : Издание К. Солдатенкова, 1865–1869. Т. 1. [Afanas'yev, A. N. (1865–1869). Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov (Poetic views of the Slavs on nature: The experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs, in connection with the mythical legends of other related peoples). T. 1. Moscow: Izdaniye K. Soldatenkova. (In Russ.)].

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М. : Наука, 1984. (Литературные памятники). [Afanas'yev, A. N. (1984). Narodnyye russkiye skazki (Russian folk tales), eds. L. G. Barag, N. V. Novikov. Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Богрданова Т. Н. Русская сказка в английской традиции перевода // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 4 (84). С. 272–274. [Bogrdanova, T. N. (2012). Russian fairy tale in the English translation tradition). Tomsk State University Journal, 4(84), 272–274. (In Russ.)].

Велигорский Г. А. Варварская страна или полицейское царство: негативный образ России в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2020. Т. 26. № 4. С. 155–160. [Veligorskiy, G. A. (2020). A barbaric country or a police kingdom: a negative image of Russia in the children's literature of Great Britain in the late 19th – early 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 4, vol. 26, 155–160. (In Russ.)].

Красавченко Т. Н. Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). С. 40–52. [Krasavchenko, T. N. (2007). A riddle wrapped in mystery and placed inside a puzzle. Notes of the Fatherland, 5(38), 40–52. (In Russ.)].

Bogrdanova T. Title: Russian Folk Tales for English Readers: Two Personalities and Two Strategies in British Translations of the Late 19th and Early 20th Centuries // «A People Passing Rude...»: British Responses to Russian Culture / Ed. by A. Cross. [S. l.]: Open Book Publishers, 2012. P. 113–124.

Cain J. E. Jr. Bram Stoker and Russophobia: Evidence of the British Fear of Russia in «Dracula» and «The Lady of the Shroud». Jefferson (NC); L. : McFarland, 2006.

Clarke W. The Boy's Own Book: A Complete Encyclopedia, of All the Diversions of Boyhood and Youth. W. Kent & C°, 1859.

Hughes M. Stephen Graham and Russian Spirituality: The Pilgrim in Search of Salvation // «A People Passing Rude...»: British Responses to Russian Culture / Ed. by A. Cross. Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2012. P. 163–174.

Kalamatiano de Blumenthal V. X. (trans.) Folk Tales from the Russian / [Ill. By L. F. Perkins]. L. ; Chicago ; N. Y. : Rand, McNally & C°, 1903.

Lang A. (ed.) The Red Fairy Book / With numerous illustrations by H. J. Ford and L. Speed. L. ; N. Y. : Longmans, Green & C°, 1890.

Lear E. The Jumblies, and Other Nonsense Verses / With drawings by L. Brooke. L. ; N. Y. : F. Warne and C°, 1910.

Magnus L. A. (trans.) Russian Folk Tales / From Russian, with Introduction and Notes by L. A. Magnus. L. : Kegan Paul, Trench, Trubner & C° ; N. Y. : E. P. Dutton & C°, 1913 (Rpt. – 1915).

Nisbeth Bain R. (trans.) Russian Fairy Tales / Selected from the «Skazki» Polevoi; ill. by C.M. Gere. L. : Lawrence & Bullen, 1892.

Ralston W. R. S. (comp.) Russian Fairy Tales: A Choice Collection of Muscovite Folk-Lore. N. Y. : Pollard & Moss, 1887.

Ransome A. Old Peter's Russian Tales. L. ; Edinburgh ; N. Y. ; Toronto ; P. : Thomas Nelson & Sons, 1957 (Rpt. – 1916).

Ransome A. The Autobiography / Ed., with Prologue and Epilogue by R. Hart-Davis. L. : Jonathan Cape, 1976.

Romero P. Tower Theme. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ISS_dDiwyT4 (дата обращения: 19.06.2020).

Steele R. (ed.) A Russian Garland of Fairy Tales: Being Russian Folk Legends: Translated From a Collection of Chapbooks Made in Moscow / Ill. by R. de Rosciszewski. M. : Robert M. Mcbride & C°, 1916.

Willer P. (trans.) Russian Wonder Tales: With a foreword on the Russian «Skazki» / Containing Twelve of the Famous Bilibin Illustrations in Colour. L. : Adam & Charles Black, 1912.

Zemach B. (trans.) Salt: A Russian Tale / Adapted by H. Zemach; from a literal translation by B. Zemach of the Russian of Alexai Afanasiev; with ill. by M. Zemach. Chicago ; N. Y. : Follett Publishing Company, 1965.

УДК 82.091 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_264

В. Н. Ганин

доктор филологических наук
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
vladgan99@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЙ ДИАЛОГ С ФРАНЦУЗСКОЙ КЛАССИКОЙ (К. РЕЙН «1953»)

В статье анализируется пьеса английского поэта Крэйга Рейна «1953», которая является переработкой известной трагедии «Андромаха» французского драматурга Жана Расина. Рейн, используя жанр «альтернативной истории», меняет ход реальных событий и переносит действие в 1953 году, где победу над западноевропейскими странами одержал нацистский блок. В статье выясняется, какое влияние транспозиция в альтернативное историческое пространство оказала на характеры действующих лиц, форму и язык пьесы.

Ключевые слова: современная британская драматургия; творчество К. Рейна; пьеса «1953»; альтернативная история.

V. N. Ganin

Doctor of Philology (Dr. habil)
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
vladgan99@yandex.ru

THE ENGLISH DIALOGUE WITH FRENCH CLASSICAL TRAGEDY (C. Raine «1953»)

The article analyzes the play “1953” of English poet Craig Raine. The play is a remake of the famous French tragedy “Andromaque” by Jean Racin. Relying on traditions of genre “alternative history”, Raine changes the progress of real history, transposes Racine’s plot to an imagined “1953” and offers scenario in which the Axes powers have won the Second World War on the Western Front. The article demonstrates as this transposing has modified the characters and the language of the play.

Key words: the contemporary British drama; C. Raine’s writing; play “1953”; alternative history.

Введение

Крэйг Рейн (Craig Raine, род. 1944) – британский литератор, известность которого как поэта началась с первого поэтического сборника

CC BY

«Лук, память» («The Onion, Memory», 1978). Уже здесь он продемонстрировал способность видеть привычный мир в новых неожиданных ракурсах. Однако настоящая слава пришла к Рейну, когда он в 1979 году опубликовал собрание стихотворений «Марсианин шлет открытку домой» («A Martian Sends a Postcard Home»). Книга получила название по главному стихотворению, которое обрело необычайную популярность. Появилась даже школа «марсианской поэзии», и «Оксфордский справочник поэзии XX века» указал на Рейна как главу этой школы.

Обращался Рейн и к театральному искусству. Во второй половине 1980-х он написал либретто для оперы композитора Найджела Осборна «Электрификация Советского Союза», премьера которой состоялась на Глайндборнском оперном фестивале в октябре 1987 года. В 1990 году поэт создал пьесу «1953», с подзаголовком «Версия “Андромахи” Расина». Она предназначалась для четвертого канала Би-Би-Си, но в 1991 году была поставлена в одном из театров Глазго, а в 1996 году – в лондонском театре «Альмейда».

Основная часть

Рейн отказался от принципов простого перевода. Подобные традиционные переводы расиновской трагедии уже появлялись раньше. Первый перевод был сделан в 1674 году Джоном Крауном (John Crowne). Британские театральные режиссеры часто жаловались, что французские пьесы XVII века плохо воспринимаются английским зрителем. Известный литературовед Джордж Стайнер в монографии «Смерть трагедии» (1961) заявил, что переложение трагедий Расина в принципе невозможно [Steiner 1961]. Переломным в этом отношении стал перевод Тони Харрисоном мольеровской комедии «Мизантроп» (1973). Харрисон перенес события пьесы во времена правления генерала де Голля и заставил французских персонажей изъясняться на разговорном английском. Экспериментальный перевод был восторженно встречен и зрителями, и критиками.

Рейн в стремлении придать своему переложению трагедии французского классициста новаторский характер идет еще дальше. Он прибегает к приему, который получил распространение в жанре альтернативной истории. В произведениях этого жанра обычно в какой-то момент история по той или иной причине начинает развиваться по альтернативному пути, отличному от реальной действительности.

Особенно популярна у авторов-«альтернативщиков» тема Второй мировой войны. В своих книгах они описывают возможные последствия победы стран Оси, т. е. стран нацистского блока (Третий рейх и Японская империя). Круг произведений этого жанра достаточно широк: можно вспомнить «Человека в высоком замке» Ф. Дика (1962), «Перепутанные провода» А. Бестера (1964), «Абсолютное решение» Э. Нордена (1973), «Столкновение орлов» Л. Рутмана (1990) и многие другие. Рейн обращается к жанру альтернативной истории по той причине, что эта литературная форма дает ему возможность воссоздать в своей пьесе ситуацию, сходную с гипотекстом (Женетт), т. е. с трагедией Ж. Расина «Андромаха» (1667). К. Рейн уже в названии своей пьесы, поместив выбранный в качестве заголовка год в кавычки, указывает, что она не имеет отношения к реальной истории. Автор предлагает сценарий, согласно которому страны Оси одержали победу на западном фронте, на восточном фронте всё еще идут военные действия. Место Трои в пьесе занимает лежащий в руинах Лондон, Эпира – Рим, Греции – нацистская Германия. Витторио Муссолини (Пирр у Расина), сын покойного Бенито Муссолини, вернулся с полей сражения с двумя царственными пленниками: Аннеттой, вдовой Гектора ЛеСкая (Андромаха), и их сыном Ангусом (Астианакс), наследником британского престола. В Риме находится и немецкая принцесса Ира (Гермиона), которая предназначалась в жены Витторио, однако бракосочетание всё откладывается, так как Витторио увлекся Аннетой ЛеСкай.

Как и у Расина, пьеса английского автора начинается с приезда Ореста. У Рейна он носит имя Клаус Мария фон Орест и появляется на сцене в форме генерала СС. Он прибыл по поручению Гитлера с требованием выдать юного Ангуса, в котором видят потенциальную угрозу для интересов Германского государства, а также он должен поторопить Муссолини с женитьбой на принцессе Ире. По приезде Орест встречается со старым приятелем Олденбургом (Пилад), который исполняет в Риме обязанности германского посла. Если расиновский Орест достаточно эмоционально выражает радость по поводу встречи с другом:

> Oui, puisque je retrouve un ami si fidèle,
> Ma fortune va prendre une face nouvelle;
> Et déjà son courroux semble s’être adouci
> Depuis qu’elle a pris soin de nous rejoindre ici (*Racine, 1667*),

У Рейна он держится более официально:

> (He clicks his heels and salutes)
> General Count Klaus Maria von Orestes,
> seconded from the Eastern front
> to act as the Furer's special envoy (*Raine, 1990*).

Не он, а Ольденбург предлагает ради старой дружбы отбросить формальности. Дипломат уже с первой сцены предстает как человек трезвомыслящий и несколько разочаровавшийся в нацизме. Отвечая Оресту привычным «Heil Hitler», он не сопровождает приветствие выбросом руки в традиционном нацистском жесте, а открывает в этот момент портсигар. Он разумно указывает другу на бессмысленность его миссии. Орест же не прислушивается к доводам Ольденбурга, а предпочитает оперировать привычными идеологическими штампами:

> As loyal servants to the state,
> we do our duty. We follow orders.
> There can be no manoeuvre, no debate.
> Our personal opinions are irrelevant (*там же*).

Дипломат пытается пробиться сквозь эту словесную шелуху к сознанию друга, показывает несоразмерность всей этой напыщенной риторики с задачей, которую она прикрывает:

> A skinny, freckled boy must die.
> Because he could inherit the English throne.
> The evil eight-year-old. LeSky.
> I see. Will we torture him first, Klaus?
> Your orders should have spelt that out,
> referred us to whatever the standard manual is.
> Like this, it leaves a nasty doubt:
> To beat or not to beat (*там же*).

Возникающий в первой строке образ худого веснушчатого мальчишки подчеркивает жестокость избранного для него удела. Однако слова Ольденбурга вовсе не вызваны человеколюбием или состраданием к малолетнему сыну Гектора. Очевидно, когда-то эти качества у него были, но ему пришлось подавлять их ради того, чтобы остаться «верным слугой государства», и в конце концов они переродились в иронию и цинизм. Ирония в этом монологе направлена против государства, которое ради собственного благополучия готово пойти на

убийство невинного ребенка. Разочарование в прежних идеалах слышится и в экзистенциальном гамлетовском вопросе, каламбурно низведенном до банальности – «бить или не бить?»

Трезвый ум позволяет Ольденбургу и более объективно оценить ситуацию, в которой оказался его приятель, и указать на возможные неприятные последствия его действий в отношении Ирины-Гермионы. Орест хочет увести ее из Рима и оправдывает себя тем, что молодая женщина отзывалась весьма неприязненно о Витторио. Дипломат же объясняет, что эта показная неприязнь – всего лишь маска, за которой Гермиона скрывает страстную любовь к Витторио:

How can you see a thing like that
and not see that Vittorio is her disease?
He poisoned her like paraquat.
He's gone deep, eaten into her very bones.
It's fatal. What you saw was fever.
Delirium. Don't trust her. Don't abduct her.
Don't even say goodbye. Just leave her.
Whatever you do, don't force her to go now.
Don't. Every second of your life
together, she'd loath and despise you because
she's yours and not Vittorio's wife (*Raine, 1990*).

Когда же Орест упорствует в своем намерении, Ольденбург, как и расиновский Пилад, ради старой дружбы готов принять участие в похищении предмета его вожделения.

У Расина в «Андромахе» Орест несколько выделяется из общего ряда мужских персонажей его драматических произведений. Своим эмоциональным строем он ближе к расиновским героиням – обычно они обладают более сложной и напряженной внутренней жизнью. Некоторые исследователи усматривают в Оресте сходство с Гамлетом и разочарованными романтическими героями (например, Рене у Шатобриана) [Giraudoux 1930]. Действительно, отголоски мрачных размышлений датского принца слышатся в некоторых высказываниях Ореста:

Mais, s'il faut ne te rien déguiser,
Mon innocence enfin commence à me peser.
Je ne sais de tout temps quelle injuste puissance
Laisse le crime en paix, et poursuit l'innocence.

De quelque part sur moi que je tourne les yeux,
Je ne vois que malheurs qui condamnent les dieux.

<…>

Mais pardonne à des maux dont toi seul as pitié ;
Excuse un malheureux qui perd tout ce qu'il aime,
Que tout le monde hait, et qui se hait lui-même (*Racine, 1667*).

У Рейна Орест натура не столько меланхоличная, сколько нервная, в нем просматривается личность с неустойчивой психикой. Английский автор подчеркивает эту внутреннюю дисгармонию и через внешние проявления: у графа непроизвольно дергается голова, и он пытается скрыть этот дефект. Не совсем ясно, что стало главной причиной данного расстройства: несчастная любовь (Ольденбург вспоминает, что после разрыва с Гермионой Орест был близок к самоубийству) или участие в военной кампании на восточном фронте. Орест появляется на сцене в форме генерала СС, в разговоре с приятелем он упоминает, что побывал под Сталинградом. В альтернативной истории, которую создает Рейн в своем произведении, в отличие от Запада, потерпевшего сокрушительное поражение, Советский Союз продолжает сражаться с Германией и судя по брошенным Орестом и Ольденбургом замечаниям, ситуация складывается не лучшим образом для немецкой армии, а Сталинград стал жестоким испытанием для ее солдат.

Орест склонен к выспренней риторике, очевидно красноречием он маскирует хаос, завладевший его душой. Прозаичный Витторио при встрече с ним сразу же акцентирует на этом внимание:

Orestes: …So we insist on his return
or German troops may march on Rome,
in strength, to see your city burn
and Panzers ride the rubble, tilting
like a fleet of battleships.
Vittorio: Quite poetic for a threat, eh, Fenice? (*Raine, 1990*).

В сцене, где Орест французского драматурга проявляет в своем мировосприятии сходство с Гамлетом, Орест Рейна близок к истерике. Когда Ольденбург справедливо указывает, что похищение Гермионы пробудит в ней ненависть, а не любовь, генерал СС заявляет, что им уже движет не столько желание завоевать ее любовь, сколько стремление заставить ее так же страдать, как он:

It isn't love I want, it's fear.
Could abduction have any other outcome?
Soon she won't have any strength to sneer.
I'll teach her to cringe every time I move.
She'll learn about unhappiness.
Women bruise easily. I'll leave my fingerprints.
She'll never wear a sleeveless dress.
I'm deep. I'll drown her in my sorrows (*Raine, 1990*).

И всё же наблюдение за действующими лицами показывает, что вряд ли Оресту удалось бы реализовать эти намерения, если бы события разворачивались по намеченному им плану. Ира сильнее его и умнее, и ловко им манипулирует. Ей удается убедить графа, что в Италию она прибыла лишь, подчиняясь чувству долга, а не велению собственного сердца. Она сумела склонить его и к убийству Витторио. Орест привык к насилию – он солдат, однако мысль о коварном убийстве претит ему:

Ira, it's too dishonorable:
Instead of a war, a dirty little murder (*там же*).

Однако он продержался недолго, Ира сломила его сопротивление. В отличие от Расина, в трагедии которого Орест не принимает непосредственного участия в расправе над Пирром, герой Рейна лично наносит удар ничего не подозревающему Витторио. Это низкое предательство становится роковым для его расшатанной психики, которую окончательно рушит известие о самоубийстве Иры.

Иной тип характера представлен в образе Витторио. Традиционно Пирр (Неоптолем) ассоциируется с жестокостью и свирепостью. Он был рожден скиросской царевной Деидамией от Ахилла. После гибели Ахилла греки узнали от прорицателя, что без Неоптолема им не покорить Трои. Неоптолем был привезен под Трою Одиссеем. Он был так же храбр и силен, как Ахилл, но лишен великодушия своего отца. Во время взятия Трои Пирр жестоко расправился со старым царем Приамом и перебил многих его родственников. Описание этого эпизода из Троянской войны встречается в «Гамлете» Шекспира, и в нем как раз акцентируется свирепость Пирра:

Свирепый Пирр, чьи черные доспехи
И мрак души напоминали ночь,

Когда лежал он, прячась в конском чреве,
Теперь закрасил черный цвет одежд
Малиновым – и стал еще ужасней.
Теперь он с головы до ног в крови
Мужей, и жен, и сыновей, и дочек,
Запекшейся в жару горящих стен,
Которые убийце освещают
Дорогу к цели. В кровяной коре,
Дыша огнем и злобой, Пирр безбожный,
Карбункулами выкатив глаза, Приама ищет...

(Шекспир, *пер. Б. Пастернака*)

Расин в «Предисловии к “Андромахе”» высказывает намерение смягчить характер Пирра: «Мои персонажи были столь знамениты в Древнем мире, что любой, кто мало-мальски с ними знаком, тотчас увидит, что я изобразил их именно такими, какими представили их нам античные поэты; я не считал для себя дозволенным хоть что-нибудь менять в их характерах. Единственная вольность, какую я себе разрешил, состоит в том, что я несколько смягчил жестокость Пирра, которую Сенека в “Троянках” и Вергилий во второй книге “Энеиды” довели до степени гораздо большей, чем это, по-моему, следовало» [Расин 1977, с. 7].

Действительно, у французского драматурга Пирр указывает, что он был таким же, как остальное ахейское войско, опьяненное кровавой резней, и не выделяет свою жестокость как что-то исключительное:

Tout etait juste alors: la vieilesse et l’enfance
En vain sur leur faiblesse appuyaient leur defense;
La victoire et la nuit, plus cruelles que nous,
Nous exitaient au meurtre, et confondaient nos coups.
Mon courroux aux vaincus ne fut que trop sever.
Mais que cruate survive a ma colere? (*Racine, 1667*).

Лишь в воспоминаниях Андромахи его образ обретает более зловещий ореол:

Figure-toi Pyrrhus, les yeux etincelants,
Entrant a la lueur de nos palais brulants,
Sur tous mes freres morts se faisants un passage,
Et de sang tout couvert echauffant le carnage.

Songe aux cris des vainqueurs, songe aux cris mourants,
Dans la flamme etouffes, sous le fer expirants.
Peins-toi dans ces horreurs Andromaque eperdue:
Voila comme Pirrhus vint s'offrir a ma vue;
Voila par quells exploits il sut se couronner (*Racine, 1667*).

В «1953» Витторио ассоциируется у главной героини не столько с гибелью соотечественников, сколько со смертью мужа, изображение которой дается с пугающей натуралистичностью:

Hector's tongue was black between his teeth
when they cut his body down.
We were made to wait for a war photographer.
He lay there, looking old, a frown
on his face. And then his jaw fell wide open
and all his dusty face relaxed.
He was unrecognizable with this grey dust.
The end of his moustache were waxed
and under all the filth still kept two points
when nothing else could keep its shape.
They urinated over his face and used a gun
to prop the chin and close the gape
when they finally took their photographs (*Raine, 1990*).

Витторио позировал на фоне трупа, улыбался, был очень оживленным, самодовольным, полным энергии и даже *весьма привлекательным* (*quite handsome*). Для Аннетты (такое имя носит Андромаха у Рейна) он навсегда остался вписан в этот жуткий контекст, потому она содрогается при мысли, что этот человек станет ее мужем, будет ласкать и целовать ее.

Одной из особенностей адаптации Рейном расиновской трагедии является его стремление передать ужасы войны не через широкую панораму масштабных событий, а пользуясь более камерным кадром, который заставляет сосредоточиться на деталях. Масштаб и панорама, хотя и потрясают, но создают дистанцию, а дистанция включает вначале рациональные уровни нашего сознания и лишь затем увиденное апеллирует к нашим эмоциям. Камерная картина, близкий вид сразу же задействуют наши чувства, и потрясение оказывается гораздо сильнее. Сходный прием можно отыскать в монологе Витторио, когда он объясняет Оресту, что его нежелание выдать сына Аннетты

вовсе не продиктовано врожденным мягкосердечием – в годы войны он не щадил и детей:

> War. There was a boy there with nothing on
> except a pair of wellingtons.
> When we hanged the little bugger, one fell off
> into the road. His face went bronze.
> Weird. The rest of him seemed very white.
> I'm capable of being callous.
> But on the battlefield, like any soldier.
> Not in the Mussolini Palace (*Raine, 1990*).

Рассказывая о том, как казнен был мальчик, Витторио не выказывает ни раскаяния, ни сожаления. В его словах скорее слышится любопытство, вызванное переменами, произошедшими с телом после повешения. Его бесчувственность становится особенно отталкивающей при упоминании им ранящей сердце детали: соскользнувшего с ноги ребенка резинового сапога. После этого воспоминания становится ясно, что никакого сочувствия к Ангусу, сыну Аннетты, Витторио испытать не способен, для него он лишь инструмент шантажа женщины, в которую он влюблен.

Это отличает его от Пирра, который, вспоминая о творимых им ужасах, выказывает – пусть и слабое – раскаяние:

> Mais que ma cruaute survive a ma colere?
> Que malgre la pitie dont je me sens saisir,
> Dans le sang d'un enfant je me baigne a loisir? (*Racine, 1667*).

В характере правителя Эпира есть благородство, но на него оказывает пагубное воздействие его буйный темперамент. Наличие этого качества предполагает и его родословная: ведь он отпрыск великого Ахилла. Именно на это обстоятельство указывает Андромаха, когда просит Пирра проявить великодушие к ней и ее сыну, и не требовать в обмен никакой награды.

У английского автора Витторио личность более примитивная, если судить по оценкам, которые ему дают другие действующие лица. Ольденбург называет его *бритым бабуином* (*shaved baboon*), уверяет, что его *тестикулы больше, чем его мозги* (*His balls are bigger than his brains*). Эберхард, слуга и компаньон принцессы Иры, сравнивает его с Тарзаном, от которого *воняет джунглями* (*his jungle stink*), называет

ужасным животным (*horrible brute*). Орест отзывается о нем, как о *мясницкой колоде* (*butcher's block*) и полагает, что его мозг не способен вместить больше одной мысли. Однако Ира безоглядно влюбляется в него. Это может показаться странным, так как немецкая принцесса образованна, интеллигентна. В ее разговоре с Орестом мелькают имена Сократа, Гегеля, Эйнштейна, упоминается психоанализ. Тем не менее Витторио притягивает ее своим животным магнетизмом. Жестокость, проявленная им во время покорения Великобритании, его постоянная готовность к насилию зачаровывают молодую женщину. Рассудок убеждает ее, что Орест по многим своим качествам как потенциальный партнер превосходит правителя Италии, но рассудок не способен одержать победу над более глубинными уровнями ее природы. Орест сравнивает ее отношение к Витторио с зависимостью от наркотика:

> You love the king.
> You dislike him, but you have to have him, like a
> drug (*Raine, 1990*).

А у Ольденбурга эта страсть вызывает ассоциации с пестицидом, который глубоко проник в организм молодой женщины, и исцеление уже невозможно:

> He's poisoned her like paraquat.
> He's gone deep, eaten in her very bones.
> It's Fatal (*там же*).

Ире кажется, что их плотские отношения, в которые они вкладывают всю свою фантазию и силу воображения, должны устраивать Витторио и делать его счастливым. Она поражена, удивлена, когда он отдает предпочтение Аннетте ЛеСкай и объявляет о намерении вступить с ней в брак. Ира убеждает бывшего любовника, что Аннетта не подходит ему, она не сможет удовлетворить его постельные фантазии, как делала это она сама. Итальянский король признается немецкой принцессе, что именно эта сторона их отношений надоела ему и вызывает скуку. Становится ясно, что Аннетта привлекает его как раз теми качествами, которые в Ире были подавлены сексуальным влечением: духовность, аристократизм, гордость, воспитание. Витторио, очевидно, подсознательно (или сознательно) стремится вырваться из того примитивного полуживотного состояния, в которое его заключили

обстоятельства и мнения о нем других людей. Он рассчитывает, что любовь Аннетты позволит ему подняться на более высокий уровень отношений с миром. Можно предположить, что его надежды были небезосновательны. Орест, который присутствовал на брачной церемонии в храме, отметил перемены, произошедшие с Витторио: он излучал счастье и дружелюбие:

> I've never seen such naked joy
> In anyone as when he looked at his new wife.
> And then he turned and greened at me.
> Not defiant. Friendly.
>
> <…>
>
> Ira, I couldn't help liking him somehow.
>
> <…>
>
> He was happy. He wanted us to be friends (*Raine, 1990*).

Всё это усиливает у Ореста ощущение низости, подлости поступка, который ему пришлось совершить под давлением Иры.

Аннетта ЛеСкай не играет той же основополагающей роли в пьесе Рейна, какая была отведена Андромахе в трагедии Расина. У французского драматурга каждый жест, каждое движение Андромахи словно вызывали волны, раскатывающиеся по всему пространству пьесы и затрагивающие всех действующих лиц прямо или косвенно. Ее конфликт с Пирром носит более возвышенный, гражданский характер. Она противится браку со своим пленителем, не только из-за желания сохранить верность покойному мужу, но и в память о Трое и погибших от руки Пирра троянцах. У Аннетты же предложение союза с Витторио вызывает воспоминание об убитом муже, и о том, как Витторио и его приспешники надругались над мертвым телом, о своих лишившихся жизни согражданах она почти не вспоминает. Ее гордость иногда перерастает в гордыню. Она объясняет итальянскому правителю свою неспособность вымолить у него спасение для сына тем, что привыкла требовать, а не просить:

> You of all people should understand pride,
> ingrained, patrician sense of cast.
> I have never asked for anything in all my life.
> Requests were orders in the past.
> Always. Even though I seemed to ask, I ordered (*там же*).

Рейн осложняет положение Аннетты тем, что делает ее в своей пьесе не только пленницей, но и еврейкой. Витторио осуждают и за то, что он нарушил данное Ире слово, и за то, что в качестве спутницы жизни он избрал представительницу «ущербной» национальности. Вместе с тем происхождение Аннетты дает возможность, пусть и не слишком глубоко, затронуть тему холокоста. Бывшая английская королева, воображая, как ей придется собирать сына для отъезда в Германию, вспоминает о тысячах других еврейских мальчиков, которые паковали свои вещи для путешествия, часто не догадываясь, что их путешествие закончится в газовой камере.

Жерар Женетт в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» характеризует различные типы связи между *гипотекстом* (исходный текст, из которого делались заимствования) и *гипертекстом* (новый текст, возникший в результате взаимодействия с гипотекстом). Основными являются *подражание* (*imitation*) и *преобразование* (transformation). Преобразование основано на переносе гипотекста в иное время и/или в иное пространство [Genette 1982, с. 34]. В случае с «1953» мы имеем дело с транспозицией в альтернативное историческое пространство. Перенос обычно влечет изменения в характерах героев, в форме произведения и стиле. Подобные последствия мы наблюдаем и в пьесе Рейна.

Расиновская трагедия в системе жанров классицизма относится к высокому жанру, которому соответствуют высокие герои и высокий стиль. Хотя персонажи пьесы английского драматурга по своему социальному положению могут быть отнесены к высоким героям: Витторио – итальянский король, Аннетта – бывшая британская королева, Ира – немецкая принцесса, Орест – немецкий граф. Однако их речь не соответствует их высокому статусу и вступает в противоречие с классицистической традицией. В диалогах и монологах главных героев постоянно мелькают нецензурные выражения, даже принцесса Ира не чурается крепкого словца. Лишь Аннетта ЛеСкай избегает в своей речи бранных выражений, что должно лишний раз подчеркнуть ее аристократизм.

Вполне закономерно, что Рейн отказывается от героического стиха (шестистопный ямб со смежной рифмой), который использовался в драматургии классицизма при создании трагедий. Конфликт высокой поэтической формы со сниженной речью усилил бы бурлескное начало в пьесе «1953». Английский драматург не отказывается от

рифмы, но она как правило возникает лишь в четных строках. Такая схема дает автору бóльшую свободу и помогает избежать монотонности героического стиха:

Orestes: Can you order a nerve not to twitch?
Ban it by edict of the st**ate**?
No, I still love her. In the body politic,
my heart is insubordin**ate** (*Raine, 1990*)[1].

Заметным изменениям подвергается и образность пьесы. Расиновские сравнения и метафоры не отличаются дерзостью и оригинальностью. Они пребывают на границе между тропами и обычным прозаическим языком и уже несут на себе печать «стертости». Часто в содержании «Андромахи» возникает сравнение любви с огнем:

Mais si ce feu, Seigneur, vient a se rallumer?
L'amour n'est pas un feu qu'on renferme en une âme (*Racine, 1667*).

Орест сравнивает Астинакса со змеей, которая подрастет и ужалит Пирра:

Vous-meme de vos soins craignez la recompense,
Et que dans votre sein ce serpent elévé
Ne vous punisse un jour de l'avoir conserve (*там же*).

Также он уподобляет Пирра капризному ребенку:

Ainsi la Grece en vous trouve un enfant rebelle? (*там же*).

В пьесе Рейна сравнения и метафоры нередко напоминают барочные концепты, которые объединяли далекие и не похожие друг на друга предметы, понятия, явления. Немецкий посол Ольденбург при встрече с Орестом называет его *the knight in the shining armoured car* (*рыцарь в сияющем броневике*), обыгрывая выражение *the Knight in the shining armour* (*рыцарь в сияющих доспехах*). Витторио говорит об Аннетте как о редком вымирающем растении, которое существует в окружении банального турнепса (*she were a rare*, *endangered plant / in a world of fucking turnips*). Вспоминая об уничтожении Лондона, он сравнивает плававшие в Темзе трупы с чайными пакетиками:

[1] Выделено нами. – *В. Г.*

…the Thames
infuse and brighten with the blood
f all the bodies bobbing there like teabags (*Raine, 1990*).

И даже Аннетта способна на неожиданные сопоставления. Своей компаньонке Кейт она замечает:

You’re shaking like a carburettor (*там же*).

Сам Рейн как поэт отдает предпочтение ярким оригинальным метафорам. В статье «Метафора» он указывает на дистанцию, существующую между элементами, которые сопрягаются в метафоре. Преодоление этой дистанции и возможность найти связь между сопрягаемыми членами и порождают истинную гармонию (*Discordia concors*), определяют «поэтическую ценность» возникающего образа [Raine 2015]. К тому же, речь, насыщенная оригинальным парадоксальными образами, оказывала противодействие сложившейся в театре классицизма традиции – наделять действующих лиц плоскими характерами. Язык персонажей в пьесе «1953» лишает их монументальности, но вместе с тем придает им бóльшую жизненность и даже некоторую глубину.

Заключение

Мировая литература, по сути, никогда не утрачивала интереса к переработке уже известных сюжетов. В поэтике классицизма этот принцип стал одним из основополагающих. Шекспир, хотя и не принадлежал к представителям классицистического театра, но тоже предпочитал в своем творчестве обрабатывать чужие сюжеты. Современная литература сохраняет этот интерес к различным формам рецепции классического материала. Особенно ощутимо он сказывается в произведениях, которые ассоциируются с таким явлением, как постмодернизм, где интертекстуальность определяется как один из ведущих признаков.

Некоторые исследователи полагают, что «круговорот» одних и тех же сюжетов – неизбежное условие существования литературы. Эдуард Сэйд в книге «Об оригинальнсти» («On Originality») заявил, что «писатель не столько стремится к оригинальности, сколько к переписыванию (rewriting)» [Said 1983, с. 135]. Ричард Докинс в работе,

посвященной дарвиновской теории, распространяет ее и на культуру, т. е. сюжеты в процессе эволюции вынуждены меняться, приспосабливаясь к меняющимся внешним условиям, это и определяет их «вечное» возвращение [Dawkins 1989].

Как уже было замечено, Рейн обращается к «альтернативной истории», чтобы иметь возможность создать в своей пьесе ситуацию, сходную с ситуацией в расиновской трагедии. Вместе с тем подобный прием придает событиям не только архетипичность, но и дает возможность воздействовать на те аспекты человеческой природы, которые не утрачивают отзывчивости вне зависимости от исторического времени и пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Расин Ж. Андромаха // Трагедии. Л.: Наука, 1977. С. 5–63. [Rasin, Zh. (1977). Andromahka. Traghedii (pp. 5–63). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Dawkins R. The selfish gene. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1989.

Genette G. Palimpsestes. La literature au seconde degree. Paris: Seuil, 1982.

Giraudoux J. The world and the theatre // Theatre arts monthly. Vol. XIV. # 9, September, 1930. P. 727–730.

Raine Cr. Metaphor // My granmother's glass eye: A look at poetry. L.: Atlantic Books, 2015. P. 135–172.

Said Ed. On originality // The world, the text, and the critic. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. P. 126–139.

Steiner G. The death of tragedy. N. Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 1961.

УДК 008+394 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_280

М. А. Полетаева

кандидат культурологии
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета
m.poletaeva@ mail.ru

ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТИТУЛЬНОЙ НАЦИИ И ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ

В статье проведен культурологический анализ особенностей взаимодействия титульной нации и этнических меньшинств в Великобритании в рамках политики мультикультурализма. Реализация мультикультурной политики привела к постепенному размыванию границ этнической идентичности титульной нации, снижению уровня ее культурного доминирования и к ее переходу на позиции дискриминируемого большинства. Рассматривается специфика дискурса британского общества в отношении реализации политики мультикультурализма и делается вывод о причинах его кризиса.

Ключевые слова: политика мультикультурализма; интеркультурализм; современная культура Великобритании; культурное разнообразие; культурные различия; культурная идентичность; титульная нация; этнические меньшинства.

M. A. Poletaeva

PhD (Culturology)
Assoc. Prof. at the Department of world culture
Moscow State Linguistic University
m.poletaeva@ mail.ru

THE MULTICULTURALISM POLICY IN GREAT BRITAIN IN THE CONTEXT OF THE INTERACTION OF THE DOMINANT ETHNIC GROUP AND ETHNIC MINORITIES

The article provides a culturological analysis of the peculiarities of interaction between the dominant ethnic group and ethnic minorities in Great Britain within the framework of the policy of multiculturalism. The implementation of a multicultural policy caused a gradual blurring of the ethnic identity of the dominant group, a decrease in the level

of its cultural domination and its transition to the position of a discriminated majority, which took place in parallel with the rapid development of ethnic.
The author draws a conclusion about the causes of crisis the multiculturalism policy in Great Britain.

Key words: multiculturalism policy; interculturalism; contemporary British culture; cultural diversity; cultural differences; cultural identity; dominant ethnic group; ethnic minorities.

Введение

На протяжении всей истории человечества миграция, являясь комплексным явлением, оказывала значимое влияние на экономическое, политическое и социально-культурное развитие не только государств, народов и отдельно взятых регионов, но и мирового сообщества в целом. Однако миграционные процессы конца XX – начала XXI века, происходящие на фоне глобальных изменений, обладают качественно новыми характеристиками, среди которых особенно выделяются их масштабность и интенсивность.

В связи с этим стоит отметить, что последствия современных миграций становятся всё более значительными как для самих мигрантов, так и для принимающих сообществ. В частности, интенсификация миграционных потоков влияет на целый ряд показателей региональной и национальной безопасности, повышая уровень социальной напряженности. Таким образом, конфликтогенный потенциал некоторых стран и регионов, равно как и их социально-экономическая и политическая стабильность, определяются степенью взаимопонимания в отношениях между мигрантами и принимающими сообществами.

Факт того, что миграционные процессы конца XX – начала XXI века привели к значительной трансформации этнической структуры современного мира, позволяет говорить об этнизации феномена миграции на современном этапе. Полиэтничность и поликультурность стали неотъемлемыми характеристиками большинства государств, в которых представители различных этносов, наций и культурных традиций проживают в тесном соседстве друг с другом. Углубление этнокультурного разнообразия, сдвиги этнического баланса, вызванные миграциями, усугубляют ситуацию и зачастую приводят к возникновению конфликтов на почве этничности, что ставит гармонию во многих обществах в прямую зависимость от успешности сохранения этнической идентичности контактирующих групп.

Проблема взаимодействия титульной нации и иммигрантских меньшинств в Великобритании

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема взаимодействия титульной нации и иммигрантских меньшинств. Титульная нация – это доминирующая этническая группа, «строитель» государства и носитель главенствующего типа культуры. Понятие титульная нация впервые было введено французским писателем и философом М. Барресом. Под этим термином Баррес понимал этническую группу, язык и культура которой являлись основой для государственной системы образования. В противопоставление доминирующей группе философ ставил этнические меньшинства и диаспоры [Barrés 1948 URL].

Белорусский философ И. Я. Левяш подчеркивает, что прилагательное *титульный* в данном случае отражает «почетную ответственность данного этноса за процесс консолидации единого и неделимого субъекта – нации как полиэтнической, политической и социокультурной целостности» [Левяш 2004, с. 327]. Приведенные высказывания делают очевидным тот факт, что восприятие титульной нации как основного, базового этнонационального субстрата государства ставит ее в некоторое привилегированное положение по отношению ко всем прочим этническим группам.

Как указывает известный российский этнолог В. А. Тишков, базой для формирования маркеров этнонациональной идентичности могут служить различные объекты, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык, одежду или пищу [Тишков 2001, с. 231]. Такие маркеры возникают у людей, живущих в едином социокультурном и политико-культурном пространстве, и проявляются в виде общего комплекса ценностных установок, которые становятся для данного этноса наиболее важными.

Важность такой категории, как этничность, впервые была отмечена норвежским антропологом Ф. Бартом. В работе «Этнические группы и социальные границы» («Ethnic Group sand Boundaries») он описал этничность как социальную форму организации культурных различий. Барт также выделил категорию этнической границы, которую общности вынуждены устанавливать при постоянном взаимодействии друг с другом, чтобы создать этническую определенность [Ethnic Groups and Boundaries 1998].

Этнические границы, существующие между этническими общностями, позволяют каждой из них сохранять свои специфические культурные черты и традиции. Именно такие границы выступают и в качестве барьера между титульной нацией и этническими меньшинствами, проживающими на территории государств. Таким образом, категорией этнических границ, равно как и феноменом этнической идентичности, объясняется наличие сложностей во взаимоотношениях титульной нации и этнических меньшинств. При этом этничность используется титульной нацией как один из самых эффективных культурных, экономических и политических ресурсов для организации благоприятного общественно-политического и социокультурного климата, что позволяет говорить о становлении феномена ее политизации.

В XXI веке, в связи с интенсификацией миграционных процессов, проблема этничности во взаимоотношениях титульной нации и иммигрантских групп усугубляется. В то время как представители меньшинств пытаются сберечь этнокультурную специфику внутри принимающего сообщества, этническая элита стремится сохранить привилегии доминирующей группы, реализуя различные модели организации межэтнического взаимодействия. Как указывает британский политолог Ч. Кукатас, всего выделяется пять моделей реакции принимающего общества на создание этнокультурного разнообразия: политика изоляционизма, ассимиляции, апартеида, а также «мягкого» и «жесткого» мультикультурализма [Кукатас URL].

Мультикультурная политика, основанная на идее культурного плюрализма, стала главной формой регулирования взаимоотношений между титульными этносами и иммигрантскими меньшинствами во многих европейских государствах в конце XX – начале XXI века. Суть мультикультурализма заключается в мирном сосуществовании культур групп иммигрантов и титульной нации с учетом прав приезжих как на добровольную интеграцию, так и на сохранение этнической специфики в рамках принимающего общества.

Мультикультурализм в его «мягкой» версии принимает этническое разнообразие как данность и предполагает пассивное отношение государства к иммигрантам, в то время как «жесткий» мультикультурализм направлен на активное участие всего принимающего общества в поддержании и укреплении этнического разнообразия, в реализации прав меньшинств. Особенно ярким примером применения

мультикультурализма как политики взаимодействия с иммигрантскими сообществами может служить опыт Великобритании, долгое время испытывающей сложности в создании гармоничного поликультурного общества.

История иммиграции на Альбион насчитывает уже не одно десятилетие, так как первые потоки иммигрантов хлынули на острова сразу после распада Британской колониальной империи в конце 1950 – начале 1960-х годов. Пытаясь восполнить дефицит трудовых ресурсов, вызванный резким подъемом промышленного производства, британское правительство приглашало иммигрантов из бывших колоний, вошедших в Содружество наций (Common wealth of Nations), в основном из Индии, Пакистана, Бангладеш. С точки зрения законодательства, миграционный процесс был облегчен действием Закона о британском подданстве 1948 года (British Nationality Act, 1948), который закреплял за жителями стран – членов Содружества статус британских подданных, предоставлявший право на свободный въезд в Великобританию и труд.

Приток мигрантов с каждым годом только усиливался, что привело к росту социальной напряженности. Правительство, обеспокоенное происходящим, приняло ряд законодательных актов, ужесточивших миграционные правила. Первым актом, ограничившими въезд мигрантов в Великобританию, стал Закон об иммиграции из стран Содружества 1962 года (Common wealth Immigrants Act, 1962), позволявший работать только при наличии специального ваучера от работодателя. Дальнейшие ограничения были закреплены в Законе об иммиграции из стран Содружества 1968 года (Common wealth Immigrants Act, 1968), который оставил право въезда в страну только за потомками британских переселенцев по линии воссоединения семей [Atkinson URL].

С 1970-х годов британские власти, не ограниченные нормами Конституции, взяли курс на дальнейшее ужесточение миграционной политики, стремясь к «нулевой» иммиграции (Иммиграционные акты 1971 и 1988 годов (Immigration Acts 1971, 1988)). Актом о Британском гражданстве 1981 года (British Nationality Act, 1981) власти также установили новые правила получения британского гражданства по «принципу крови» [Шапаров 2010].

На всем протяжении 1950–1980-х годов Великобритания, помимо прочих ограничений, предпочитала жесткую ассимиляционную

политику в отношении иммигрантов, пытаясь сформировать из разнородных этнических групп единую нацию, в основе культуры которой лежали бы традиционные английские ценности. Подобный подход коррелирует с концепцией американского «плавильного котла» (melting pot), или «плавильного тигля». Не желая попадать в общий «сплав» мигранты, прибывающие в Британию, сопротивлялись политике ассимиляции, предпочитая жить в замкнутых группах, не контактируя с автохтонным населением. Борьба иммигрантов за право на сохранение своей этнической идентичности накаляла обстановку в государстве, что подтолкнуло британское правительство к переходу к политике мультикультурализма, регулирующей возникающие проблемы межэтнических отношений и способствовавшей построению гармоничного поликультурного общества.

Концепция мультикультурализма, в соответствии с определением известного философа Ю. Хабермаса, является «особой формой интегративной идеологии, посредством которой поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни» (цит. по: [Иванова 2013, с. 183]). При этом британский мультикультурализм взял за основу идеи коммунитаризма, предполагающего «признание государством сосуществующих в рамках национального сообщества многочисленных общин, официально названных этническими меньшинствами» [Четверикова URL].

Приняв такую концепцию, власти официально признали право иммигрантов не только на сохранение их культурной специфики, но и на защиту своих интересов на государственном уровне, противопоставив тем самым идею этнической «миски с салатом» (salad bowl) идее «плавильного котла». Таким образом, правительство приступило к реализации «жесткой» формы мультикультурной политики, поставив стабильность британского общества в зависимость от культурной и религиозной толерантности.

Официальное признание прав меньшинств привело к стремительному развитию этнического самоопределения иммигрантов. Религиозно-культурные центры, созданные британскими властями в знак признания меньшинств, стали местом сплочения и усиления иммигрантов, чьи требования становились всё более радикальными. Формирование этнических элит, ведущих весьма активную политическую

деятельность на муниципальном и региональном уровнях власти, вывело иммигрантские сообщества на новый уровень влияния.

По сути, иммигранты воспользовались либеральным подходом властей для усиления своих позиций. Любые действия мигрантских элит, открыто противостоящих политике мультикультурной интеграции, позиционировались исключительно как защита национально-культурной самобытности. Одной из форм сохранения этнической идентичности приезжих, прежде всего мусульман, стала геттоизация общин, т. е. их изолированное от автохтонного населения существование. В. Сахарова говорит о том, что геттоизация свойственна в основном общинам, кардинально отличающимся от титульной нации либо внешним обликом, либо культурными и религиозными убеждениями. В.Сахарова связывает феномен добровольной сегрегации и закрытости иммигрантских сообществ с «низким уровнем готовности общины к интеграции с местным сообществом и/или с отсутствием благоприятных условий для интеграции в принимающем обществе» [Сахарова 2011, с. 29].

В частности, иммигранты-мусульмане отвергали идею интеграции из-за неготовности принять секулярную мораль британского общества в качестве высшей ценности. С другой стороны, мусульманские общины, оказавшись в официально толерантном обществе, воспользовались секулярным принципом свободы вероисповедания, оправдав свое стремление к сохранению религиозной и этнической специфики в ее аутентичном виде, что привело к замыканию иммигрантских общин на самих себе.

Вместе с тем титульная нация тоже не спешила идти на контакт с мигрантами. Внушаемые властью нормы толерантности не способствовали сокращению культурной дистанции. Любое проявление патриотической мысли или попытка титульной нации сохранить неизменным традиционный уклад жизни приводили к обвинениям в нетерпимом отношении к иммигрантам. Таким образом, опыт показал шаткость и противоречивость политики британского мультикультурализма. С одной стороны, подобная политика действительно способствовала поддержке этнических меньшинств, с другой – никак не боролась с тем, чтобы культурные традиции и обычаи иноэтничных групп перестали восприниматься титульной нацией как потенциальная угроза [Иванова 2013].

Таким образом, опыт мультикультурализма в Великобритании привел к усилению противоречий между титульной нацией и ммигрантскими общинами, к возникновению конфликтов на этноконфессиональной почве, что значительно повлияло на политическую и социально-экономическую стабильность всего государства, в особенности – отдельных регионов внутри него. Еще одним отрицательным последствием мультикультурализма, по мнению ученых, стало значительно упрощенное восприятие культурного многообразия меньшинств, базировавшегося только на толерантном к ним отношении.

Специфический «культурный синдром», сложившийся в Великобритании, отражен в модели «3 С» ('3S-model': saris, samosa, sand steel drums – сари, самса и стальные барабаны), которую разработал Я. Алибхай-Браун. В контексте мультикультурной политики три самых ярких этнических маркера – одежда, кухня и этническая музыка – стали восприниматься как продукт массового потребления, становясь объектом коммерческой деятельности общин [Alibhai-Brawn URL]. Проблема заключается в том, что мультикультурализм не делает акцента на реальных культурных ценностях, что приводит к тривиальному восприятию этнических различий и к их дальнейшей консервации. Это губительно сказывается как на процессе адаптации, так и на развитии культуры меньшинств.

Окончательно несостоятельность политики мультикультурализма подтвердилась в начале 2000-х годов масштабными этническими столкновениями в Олдеме и Брэдфорде (2001), где к тому времени иммигранты уже составляли большинство населения. Ситуация стала изменяться в худшую сторону и в Лондоне, где процент иммигрантов рос год от года.

Общая атмосфера нестабильности в обществе привела к нарастанию беспокойства представителей титульной нации и ужесточению ее реакции на приезжих. Те группы, которые принято считать меньшинствами, стали восприниматься угрозой для большинства – англичан. В частности, о такой стороне проблемы говорит мусульманская писательница Р. Максуд, проживающая в Англии. Автор подтверждает, что « титульная нация оказалась не только зажата рамками мультикультурализма, но и оказалась под гнетом значительно окрепших меньшинств» (цит. по: [Четверикова URL]).

Разрешение противоречий, возникающих между титульной нацией и иммигрантскими общинами, значительно осложняется высокой степенью этнической поляризации внутри британских городов. В 2001 году данной проблеме был посвящен доклад «Социальная сплоченность общин» («Community Cohesion»), подготовленный специальной комиссией профессора Т. Кантла. Как указали эксперты, представители титульной нации и этнических меньшинств в городах живут «параллельными» жизнями, никак не взаимодействуя друг с другом. При этом иммигранты живут замкнуто, не допуская в места своего компактного проживания автохтонное население. В докладе было отмечено, что «не предпринимается практически никаких попыток, чтобы выделить систему ценностей, создающих четкое представление о том, что значит быть гражданином мультирасовой Британии, а многие жители все еще оглядываются на те безмятежные дни, когда общество было монокультурным» [Community Cohesion URL].

После публикации доклада Кантла политики всерьез заговорили о том, что мультикультурализм не стабилизирует ситуацию внутри британского общества, а лишь стимулирует фрагментацию общества и радикализацию общин. Существующие в Британии этнические проблемы получили освещение в высших политических кругах, переместившись в ряд наиболее актуальных, что свидетельствовало об усилении политизации этничности в обществе. Суть процесса заключается в трансформации восприятия этничности, ее превращения в «собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [Тишко, Шабаев 2011, с. 107].

Еще одним очевидным подтверждением низкой эффективности реализации мультикультурализма в Великобритании можно считать террористические атаки в Лондоне 7 июля 2005 года, совершенные приверженцами исламского фундаментализма – гражданами Соединенного Королевства, родившимися и выросшими непосредственно на территории страны (иммигранты во втором поколении). Многие эксперты и представители СМИ связали происшедшее с ошибками проводимой мультикультурной политики.

Так, в докладе Института изучения гражданского общества (The Institute for the Study of Civil Society, CIVITAS) «Бедность мультикультурализма» («Poverty of Multiculturalism»), указывается, что

именно мультикультурализм стал катализатором процессов сегрегации, и, следовательно, террористических атак. «Плодами тридцатилетнего опыта проведения мультикультурной политики, поощряемой правительством, стало углубление внутрирасовых противоречий… Различные этнические группы стали менее терпимым друг к другу, опасаясь, что соперник может отхватить более крупный кусок финансового пирога… Стране, поделенной между враждующими этническими группировками будет трудно выжить» [West 2005 URL]. Подчеркивается, что террористические акты были совершены теми людьми, чья «инаковость» всеми способами поддерживалась правительством в рамках «жесткого» мультикультурализма, что говорит не только о «разделяющем» потенциале данной политики, но и его смертельной опасности.

Явная связь представителей иммигрантских общин с террористическими актами привела к трактовке иммиграции как реальной угрозы национальной безопасности, исходящей изнутри, что обусловило переход правительства к жесткой селективной миграционной политике. Ее основой стала концепция секъютиризации иммиграции. Подобный подход позволяет властям выйти за традиционные рамки законодательства и обосновать применение чрезвычайных мер для нейтрализации такой угрозы. В рамках политики секъюритизации иммиграции была поставлена задача усилить контроль государства за деятельностью иммигрантов, реализованная через ряд законодательных актов и иммиграционных программ, регламентирующих новые правила въезда иммигрантов в страну, а также их возможности на рынке труда.

Стоит оговориться, что, несмотря на членство в Европейском союзе, в рамках которого активно разрабатывалась общая иммиграционная политика и условия предоставления убежища, Великобритании удалось сохранить за собой значительные права на самостоятельное рассмотрение данных вопросов, не переводя их на наднациональный уровень. В частности, Великобритания присоединилась к Амстердамскому договору 1997 года с рядом оговорок, сохранив за собой пограничный контроль и особые условия участия в общей миграционной политике стран – членов ЕС.

В условиях осуществления селективной иммиграционной политики мультикультурализм в Великобритании был обречен.

Официальный отказ от мультикультурной политики произошел в феврале 2011 года, когда премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, вслед за канцлером Германии Ангелой Меркель, сделал заявление о провале мультикультурализма в Великобритании на международной конференции по безопасности в Мюнхене[1]. По мнению Кэмерона, Британии нужно меньше полагаться на пассивную толерантность, делая ставку на более активный, крепкий («мускулистый») либерализм.

После публичного отказа от политики мультикультурализма данное понятие приобрело негативную коннотацию, в связи с чем для обозначения идеи взаимного существования культур в политическом дискурсе был введен новый термин – интеркультурализм. По мнению британского профессора Т. Кантла, интеркультурализм представляет собой совершенно новую совокупность политик и программ, позволяющих посмотреть на расу и культурное многообразие под иным углом. Неэффективность мультикультурализма профессор связывает с невозможностью его адаптации к новым реалиям, таким как глобализация и «супер-многообразие». Интеркультурализм, таким образом, должен изменить образ мышления, предоставить новые возможности для развития культур. Профессор указывает, что интеркультурный подход позволяет охватить гораздо более широкий круг проблем, «исправляя» недочеты мультикультурной политики. В частности, в рамках интеркультурализма учитывается, что идентичность динамична в своей сущности, а раса – не единственная, одна из многих категорий отличительности. Кроме того, с позиции Т. Кантла интеркультурализм принимает во внимание глобальные изменения в обществе, которые и становятся главной движущей силой возникновения различий. При этом интеркультурализм вписывается в новую систему органов власти и политических структур, отвечающих требованиям глобализационных процессов. Основу же интеркультурализма составляет междисциплинарный подход [Cantle URL].

Таким образом, интеркультурализм, по Т. Кантлу, предполагает полный отказ от прежней политики подчеркивания культурных различий в пользу развития общих черт представителей различных идентичностей. Будущее общество представляется как поле для тесного взаимодействия и сотрудничества общин не по типу «плавильного котла», без сегрегации. Т. Кантл утверждает, что представители

[1] BBC News: State multculturalism has failed, says David Cameron. URL: http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12371994 (дата обращения: 10.03.2021).

различных этнических идентичностей должны «учиться жить вместе», вырабатывая более справедливую концепцию взаимоотношений.

Тем не менее на сегодняшним этапе развития Великобритании о качественных результатах применения интеркультурного подхода для интеграции иммигрантов говорить пока рано. Так, в докладе «Foresight Future Identities» («Предвидение будущих идентичностей»; 2013), указывается, что «идентичности могут стать положительным источником для социальных преобразований, построения социального капитала и благополучного общества, однако они могут спровоцировать социальные всплески и антисоциальное поведение»[1].

Заключение

Итак, можно сделать вывод о том, что в условиях интенсификации миграционных процессов в XXI веке стабильность обстановки в обществе во многом определяется степенью взаимопонимания в отношениях между мигрантами и титульной нацией принимающего государства, базовые культурные ценности которых во многом различаются. Проблема взаимодействия титульной нации и этнических меньшинств сводится к различиям в статусе этнонациональных сообществ, при этом особенно остро стоит вопрос о сохранении этнической идентичности каждой из них в рамках политики интеркультурализма и Брекзита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Иванова С. Ю. Теории мультикультурализма в контексте идентификационных процессов в полиэтничном регионе // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2013. С. 183–189. [Ivanova, S. Yu. (2013). Teorii mul’tikul’turalizma v kontekste identifika-cionnyh processov v polietnichnom regione (Theories of multiculturalism in the context of identification processes in a polyethnic region). Strategicheskoe planirovanie v polietnichnom makroregione v usloviyah neravnomernogo razvitiya i rosta napryazhennosti (pp. 183–189). Rostov-na-Donu: YUNC RAN. (In Russ.)].

[1] Foresight Future Identities. Final Project Report. URL: https://www.gov.uk/government/collections/future-of-identity (дата обращения: 15.02.2021).

Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. [Kukatas, Ch. Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma (Theoretical foundations of multiculturalism) (In Russ.)]. URL: http://www.inliberty.ru/library/study/327/ (data obrashcheniya: 15.03.2021).

Левяш И. Я. Культурология. М. : Айрис-пресс, 2004. [Levyash, I. YA. (2004). Kul'turologiya (Culturology). Moscow: Ajris-press. (In Russ.)].

Сахарова В. В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада. СПб. : Златоуст, 2011. [Saharova, V. V. (2011). Mul'tikul'turalizm i politika integracii immigrantov: sravnitel'nyj analiz opyta vedushchih stran Zapada (Multiculturalism and immigrant integration policy: a comparative analysis of the experience of the leading countries of the West). St. Petersburg: Zlatoust (In Russ.)].

Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М. : Издательство Московского университета, 2011. [Tishkov, V. A., Shabaev, Yu. P. (2011). Etnopolitologiya: politicheskie funkcii etnichnosti: uchebnik dlya vuzov. (Ethnopolitology: the political functions of ethnicity). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)].

*Тишков В. А.*Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. [Tishkov, V. A. (2001). Etnologiya i politika. Nauchnaya publicistika. (Ethnology and Politics. Science publicism). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Четверикова О. Н. Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции. [CHetverikova, O. N. Islam v sovremennoj Evrope: strategiya «dobrovol'nogo getto» protiv politiki integracii. (Islam in Modern Europe: the strategy of a «voluntary ghetto» against the policy of integration). (In Russ.)]. URL: http://www.mgimo.ru/files/144983/144983.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

Шапаров А. Е. Иммиграционная политика: генезис и современные тенденции (Австралия, Великобритания и Канада): монография. Архангельск, 2010. [SHaparov, A. E. (2010). Immigracionnaya politika: genezis i sovremennye tendencii (Avstraliya, Velikobritaniya i Kanada): monografiya. (Immigration policy: genesis and modern trends (Australia, UK and Canada)). Arhangel'sk: Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet. (InRuss.)].

Alibhai-Brawn Y. After Multiculturalsm. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467923X.72.s1.7/abstract (дата обращения: 04.03.2021).

Atkinson J. British immigration policy, race relations, and national identity crisis. URL: www.jimmyatkinson.com/papers/british.html (дата обращения: 15.03.2021).

Barrés M. Du sang, de la volupté et de la mort. Édition definitive. Paris : Librairie Plon, 1948. URL: https://archive.org/details/dusangdelavolu00barr (дата обращения: 15.03.2021).

Cantle T. About interculturalism. URL: http://tedcantle.co.uk/publications/about-interculturalism/ (дата обращения: 10.03.2021).

Community Cohesion: A report of the Independent Review Team chaired by Ted Cantle. URL: http://image.guardian.co.uk/sysfiles/Guardian/documents/2001/12/11/communitycohesionreport.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth. Waveland Press, Inc., Prospect Heights, 1998. P. 11, 13–14.

West P. The Poverty of Multiculturalism. London, CIVITAS, 2005. URL: http://www.civitas.org.uk/pdf/cs46a.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

УДК 008.001+069.1 DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_294

А. В. Гундрова

соискатель кафедры мировой культуры
ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области гуманитарных и прикладных наук
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета
ученый секретарь
Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим»
avgundrova@gmail.com

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ В ПРОЦЕССЕ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются ценностно-смысловые параметры музейно-выставочного пространства. Коммуникация в контексте музейно-выставочного пространства может обретать разные формы, а также формироваться за его физическими пределами. Данные факты актуализируют проблему ценностно-смыслового наполнения музейно-выставочного пространства и его деконструкции в процессе музейной коммуникации, а также особенностей трансляции ценностей и смыслов выставочного проекта в культуре цифрового общества.

Ключевые слова: аксиология; коммуникация; тексты культуры; диалог; артефакт; межкультурная коммуникация; ценности; музейно-выставочное пространство.

A. V. Gundrova

Post-graduate, Department of World Culture
Senior Lecturer at the Department of Linguistics
and Professional Communication in the Humanities and Applied Sciences
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University;
Scientific Secretary of the State Historical and Art Museum «New Jerusalem»
avgundrova@gmail.com

TRANSMISSION OF CULTURAL VALUES AND MEANINGS IN THE PROCESS OF MUSEUM COMMUNICATION

The article is devoted to identifying the value-semantic parameters of the museum and exhibition space. Communication in the context of the museum and exhibition space can take different forms, as well as form beyond its physical limits. These facts actualise the problem of the value-semantic content of the museum and exhibition space and its deconstruction in the process of museum communication, as well as the

peculiarities of the transmission of values and meanings of an exhibition project in the culture of a digital society.

Key words: axiology; communication; cultural texts; dialogue; artefact; intercultural communication; values; museum and exhibition space.

Введение

Музейно-выставочное пространство – это своеобразное культурное и ценностное пространство, которое обладает набором уникальных пространственно-временных характеристик, обеспечивающих «сосуществование» прошлого и настоящего, так как содержит культурные артефакты, транслирующие ценности прошлого, актуализируемые в настоящем.

Осмысление музейно-выставочного пространства невозможно без анализа аксиологического аспекта его восприятия, поскольку музей является частью социокультурной среды, формирующейся вокруг ценностно-смыслового ядра. Философское осмысление музейно-выставочного пространства правомерно начать с семиосферы, в которой оно существует. Отдельно стоит отметить, что выставочное пространство представляет собой место и средство коммуникации, формирует и транслирует определенные ценности и смыслы. Вместе с тем коммуникация с субъектами в современном музее нередко предшествует или вообще не предполагает физического присутствия человека, что позволяет сегодня говорить о выходе музейно-выставочного пространства и его ценностно-смысловой матрицы за физические пределы музея как культурной институции.

Значительная роль в разработке аксиологии культуры принадлежит Генриху Риккерту, чьи концептуальные идеи способствуют пониманию культуры как системы ценностей. В отличие от природы как совокупности всего того, что возникло естественным образом, культура представляет собой результат сознательной и целенаправленной деятельности человека, осуществляемой во имя того, что является для человека ценностями. Для настоящего исследования представляется особенно значимым вывод Г. Риккерта о природе и сущности феномена ценностей: по мнению философа, которое мы полностью разделяем, ценности не онтологичны, поскольку не существуют физически, а только «значат». Таким образом, ценности это, по мнению автора концепции, смыслы, лежащие над всяким бытием [Риккерт 1910].

Музейно-выставочное пространство как семантико-аксиологическая система

Трансфер ценностей в истории осуществляется различными способами, в том числе посредством артефактов, которые со временем либо обретают большее значение, либо исчезают, а значит, до нашего времени доходит ценность, не теряющая актуальность на разных этапах историко-культурной динамики. По этой причине нельзя использовать оценку как эквивалент ценности, хотя в бытовом понимании они могут быть синонимичны, в противном случае было бы необходимо интерпретировать отношение субъекта к предмету, что значительно бы расширило масштаб исследования. В нашем случае задачей музея становится интерпретация ценности, заложенной в артефакте и ее трансляция аудитории.

Анализируя музейно-выставочное пространство как семантико-аксиологическую систему, мы определяем культурные артефакты как исторические явления, поскольку они содержат выкристаллизованную ценность [Риккерт 1910, с. 38–42]. Однако за субъективную сторону вопроса отвечают те смыслы, которые в них вкладываются при:

а) проектировании пространства или выставки;
б) интерпретации;
в) трансляции ценностей.

Артефакты, выставленные в витринах музея или выставки, – это квинтэссенция исторического опыта и ценности. Предметы становятся артефактами не по договору, а в результате исторического процесса и развития, а их ценность обусловлена современным периодом истории. Таким образом, музейно-выставочное пространство – это вершина исторического опыта и плоды смыслотворчества, дошедшие до нашего времени, что позволяет говорить о нем как о семантико-аксиологической системе. Материальные ценности, представленные в выставочном пространстве – это пик исторического развития, который был воспринят значимым и актуальным в контексте нынешнего времени. Однако подача и трансляция ценностей связана со смыслами, заложенными в основу проекта, а значит, смыслы субъективны. Культурные блага служат опорными точками в ходе освоения пространства экспозиции.

Артефакты дополняются смыслами, которые в них вкладывает субъект, который, в свою очередь, знакомится со смыслами, которые

были заложены другими субъектами, т. е. создателями выставки. Артефакт представляет собой культурный текст, доступный для интерпретации, которая опирается на внутренние ценности и картину мира субъекта, «работающие» как система координат.

Для нас важно понятие хронотопа, «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975, с. 121], которое в контексте выставочного пространства подчеркивает единение настоящего и прошлого. В этой концепции отношение субъекта к действительности является процессом самопознания и самовыражения человека, осознанием его места в истории общества и культуры, так как человек смотрит на культурную ценность, сформированную в прошлом и дошедшую до настоящего, опираясь на свои существующие установки и дает личную оценку увиденному.

Коммуникация в выставочном пространстве

Музейно-выставочное пространство, безусловно, представляет собой семиосферу, которая содержит множество смыслов. Трансляция смыслов и ценностей происходит в формате диалога независимо от направления и формы коммуникации. Ю. М. Лотман предлагает схемы взаимодействия культур на примере исторических периодов разных культур, но если применить этот подход к структуре музейной коммуникации, то можно прийти к полезным выводам. Говоря о диалоге, сложно обойти самый яркий пример коммуникации, а именно, экскурсию, которая происходит в рамках семиосферы выставки. Экскурсовод выполняет роль медиатора и помогает адресатам интерпретировать смыслы, зашифрованные в проекте адресантами. Экскурсия, как правило, представляет собой монологическое высказывание, т. е. непосредственную трансляцию смыслов и ценностей. На медиатора возлагается ответственность за корректную интерпретацию и передачу сообщения, а также за выбор методов коммуникации в зависимости от характеристик аудитории [Лотман 1996].

Диалог с субъектом происходит на разных этапах знакомства с экспозицией, что нужно учитывать для расстановки акцентов во время планирования не только непосредственно выставки, но и деятельности, связанной с ней, например просветительской. Для корректного анализа пространства нужно принять во внимание вывод, сделанный Лотманом о том, что циркуляция текстов в семиосфере непрерывна,

разнонаправлена, а значит диалог происходит на разных этапах знакомства с экспозицией. Передача смыслов и ценностей начинается с момента попадания в выставочное пространство и продолжается на протяжении всего нахождения в нем и связи с каждым экспонатом. У семиосферы нет четких границ, она обладает несколькими центрами, а значит, трудно поддается вычислению [там же].

Однако приоритетом является результат, т. е. мысль, с которой субъект покидает выставочное пространство, следовательно, первоочередным является вопрос: какого результата мы ждем от трансляции ценности и коммуникации, какие мысли появляются у субъекта.

Структуру коммуникации на выставке можно упростить до следующей формулы: артефакт сообщает свою историческую значимость через кураторскую интерпретацию его ценности, которая транслируется субъекту. Одной из важных проблем является адекватность коммуникации и трансляции ценностей. Поскольку речь идет о трансляции текстов культуры, то мы обращаемся к лингвистической концепции Р. О. Якобсона [Якобсон 1975]. Любой акт коммуникации происходит между адресантом и адресатом в форме сообщения, на эффективность которого влияет контекст, код и контакт. Эта схема остается актуальной и в контексте музейно-выставочного пространства, как и грамотное целеполагание, которое связанно с речевыми актами. Средства коммуникации должны соответствовать желаемому результату, что также необходимо учитывать при проектировании пространства. Дополнительный элемент в системе коммуникации упоминает Ю. М. Лотман: поскольку присутствует код, должны присутствовать также кодирующие и декодирующие механизмы. «…В идеальном случае информационное содержание не меняется ни качественно, ни в объеме: получатель декодирует текст и получает исходное сообщение» [Лотман 1996, с. 13]. С этим утверждением мы подходим к понятию адекватности передачи и интерпретации сообщения.

Чем ближе исходный и итоговый тексты, тем успешнее был процесс коммуникации, однако это невозможно ровно настолько, насколько невозможно найти полностью идентичных по образу мысли и набору механизмов участников коммуникации, не говоря уже об идентичных условиях, например контексте.

Ю. М. Лотман подчеркивает, что для абсолютной адекватности нужно, чтобы «они в семиотическом отношении представляли как бы

удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки – дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией» [там же]. В контексте музея это означает, что даже в случае с аудиторией, принадлежащей одному поколению, одному социальному классу, одной культуре тождественность кода недостижима. Трансляция сообщения, а в нашем случае ценностей и смыслов, между разными системами работает по другой схеме, где вместо соответствия исходного и конечного текста будет возможная интерпретация и условная эквивалентность. Адресат и адресант руководствуются разными кодовыми системами, что затрудняет трансляцию и интерпретацию. Особенно наглядно это проявляется в случае диалога культур, который обусловлен определенной степенью непереводимости, тогда трансляция происходит на базе «условной системы эквивалентности» [Лотман 1996, с. 17].

Лотман обращается и к стандартной ситуации, присущей музейной сфере, когда артефакт вырван из контекста своей культуры и непонятен исследователю. В таком случае необходимо для начала реконструировать его смысл и ценность.

В основе каждого выставочного проекта лежит некий концептуальный замысел, который находит выражение в эстетических и содержательных формах. Среди целей экспозиций можно выделить «включенность» зрителя в процесс «переживания», в таком случае результатом будет впечатление, эмоции, личностно-окрашенное восприятие предметов, помимо получения объективной информации.

Важным в данном контексте является утверждение Ю. М. Лотмана о том, что семиотика пространства играет исключительную роль в создании картины мира культуры. Эту идею чрезвычайно важно усвоить при воплощении музейных проектов. «Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума» [Лотман 1996, с. 205].

Коммуникация в музейном пространстве

Утверждение о том, что музейно-выставочное пространство представляет собой семантико-аксиологическую систему подразумевает не только коммуникацию аудитории на выставке, но и трансляцию сообщения до знакомства с проектами музея. Например, важную роль играет архитектура здания и смыслы, закодированные в нем,

а также миссия учреждения, которая может транслироваться посредством пространства, непосредственно связанного с музеем. Позиционирование музея становится всё более насущным вопросом по мере того, как изучается опыт субъектов, помещенных в это пространство. Часто музеи не имеют возможности контролировать сообщение, которое транслируется пространством, в котором он расположен, поскольку пространство не было спроектировано для нужд музея, а само место может не быть символически связано с музейным контентом. Однако бывают и такие случаи, когда местность, в которой расположено учреждение культуры, диктует ассоциации посетителям как фактическим, так и потенциальным.

Интересным представляется опыт музея «Новый Иерусалим», который за сто лет существования неоднократно менял свой профиль и в 2014 году переехал в специально спроектированное для него здание. Показательно то, что изначально музей был открыт на территории одноименного монастыря, однако никогда не ограничивался популяризацией религиозного наследия. Обладая разнообразными артефактами в фондах, музей тем не менее продолжает ассоциироваться с религиозным учреждением благодаря общей истории, близости нахождения и продвижению культурного кластера под названием Русская Палестина.

Музей активно работает над созданием сбалансированного имиджа, не отказываясь от религиозного прошлого, но следуя современным трендам. Безусловно, важным шагом стал переезд музея «Новый Иерусалим» из монастыря в новое здание. Существуя в пространстве Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, музей был подведомственным Министерству культуры Московской области, однако единство пространства ошибочно информировало посетителей о единстве музея и монастыря. Тем не менее после переезда за музеем всё равно остался образ «примонастырского», поскольку устоявшиеся ассоциации могут быть перекодированы только посредством продуманной и долгосрочной стратегии.

Одной из важных черт нового образа, подчеркивающих светскость музея, стала «зеленая архитектура», которая подразумевает минимальное воздействие на окружающую природную среду, позволяет музею естественным образом вписываться в сакральный ландшафт, оставляя доминирующую роль возвышающемуся ансамблю

монастыря. Кроме того, даже расположение окон вдоль коридоров несет свою эстетическую функцию. Из определенной точки можно наслаждаться архитектурой Нового Иерусалима и скитом патриарха Никона, который видно сквозь специальный проем в стене. Таким образом, интерпретация смыслов посетителями начинается с момента входа в музей. Новое здание музея подчеркивает современность учреждения, однако также ненавязчиво обращается к его истокам.

Стоит отметить, что грамотно продуманное пространство с точки зрения унификации сообщения, транслируемого музейным пространством и его проектами, не решает всех проблем. XXI век – это взлет цифрового сознания, это эпоха информационных технологий, без которых музеи уже не могут функционировать в полной мере. В связи с этим представляется логичным расширить понятие музейно-выставочного пространства до онлайн-платформ, на которых представлен музей. Трансляция ценностей и коммуникация с субъектами не ограничивается только физическим присутствием в пространстве музей, поэтому унификация сообщения должна касаться и цифрового пространства. Говоря о музейной коммуникации нельзя игнорировать роль социальных сетей, сайта виртуальных выставок и экскурсий, которые получили дополнительный толчок к развитию, в результате мер, принятым в связи с распространением коронавирусной инфекции в 2020–2021 годах. Онлайн-платформы необходимо считать частью музейно-выставочного пространства, так как они «размыкают» его ценностно-смысловую систему вовне, способствуя практически безграничной связи с субъектами, дополняя и расширяя коммуникацию. Этот подход поможет переосмыслить доминирующее представление об аксиологическом пространстве музейно-выставочных проектов, которое уже не может быть привязанным к физическому пространству музея.

Заключение

В XX–XXI веках исследователи всё чаще обращаются и к вопросу коммуникации в музейно-выставочном пространстве, субъектом которой является человек. В этом контексте не возникает вопроса о важности музейной деятельности, тем не менее представляет интерес вопрос целеполагания и единства деятельности и музейно-выставочного пространства. В контексте музейно-выставочного пространства

по-новому звучит понятие «хронотопа», которое подчеркивает единство времени и места в восприятии действительности субъектом. Субъект становится адресатом в процессе трансляции ценностей и смыслов и интерпретирует сообщение здесь и сейчас, находясь в выставочном пространстве. Для успешной коммуникации погружение в действительность, созданную в этом пространстве, должно сопровождаться адекватной замыслу интерпретацией. Помимо этого, если выставочное и общемузейное пространства транслируют противоречащие друг другу установки, то у субъекта не будет корректных ожиданий, поэтому коммуникация может не состояться.

Соответствие физического пространства музея его миссии требует комплексного подхода для решения проблемы, однако XXI век ставит новую задачу – организацию цифрового пространства, которое также может оказать влияние на представления субъекта об учреждении вплоть до того, что, познакомившись с музеем онлайн, потенциальный посетитель может либо принять решение о посещении, либо отказаться от приезда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234–407. [Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike (Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics). *Voprosy literatury i jestetiki.* (pp. 234–407). Moscow. (In Russ.)].

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры, 1996. [Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. (Inside the Thinking Worlds. Human – Text – Semiosphere – History). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)].

Риккерт Г. О понятии философии // Логос. М. : Тип. Рус. Т-ва, 1910. Кн. 1. С. 19–61. [Rickert, H. (1910). O ponyatii filosofii (On the Concept of Philosophy). *Логос*. (pp. 19–61). Moscow. (In Russ.)].

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193–230. [Jakobson, R. O. (1975). Lingvistika i poetika (Linguistics and Poetics). *Strukturalizm «za» i «protiv»*. (pp. 193–230). Moscow. (In Russ.)].

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета

VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University

Гуманитарные науки

Humanities

Выпуск 3 (845)

Issue 3 (845)

Ответственные за выпуск 3 (845):
кандидат филологических наук профессор Ю. М. Казанцева;
кандидат филологических наук Е. А. Калашникова

Редакторы:
Н. Г. Павлова, М. М. Сингал

Верстка *Г. П. Лопатиной*

Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 17.08.2021
Усл. печ. л. 19,2. Формат 60x90/16
Заказ № 57/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ
Ссылка на издание обязательна